

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Направление «Лингвистика»

Образовательная программа

«Теория и история языка и языки народов Европы»

Профиль «Психо- и социолингвистика»

Толстикова Полина Сергеевна

ПРОЯВЛЕНИЕ ЯЗЫКОВОЙ АТТРИЦИИ В
ЦЕНТРАЛЬНОИНГЕРМАНЛАНДСКИХ ДИАЛЕКТАХ

Выпускная квалификационная работа магистра

Научный руководитель:

к. ф. н., доц. Муслимов Мехмед Закирович

Рецензент:

д. ф. н., проф. Володин Александр Павлович

Санкт-Петербург

2017

Оглавление

Generating Table of Contents for Word Import ...

Введение

Финские диалекты Ингерманландии представляют один из нескольких прибалтийско-финских языков, на которых пока что говорят в Ингерманландии. Для всех языков прибалтийско-финских языков характерной является ситуация далеко зашедшего языкового сдвига: в ряде мест уже не осталось ни одного носителя прибалтийско-финских языков, в языке наблюдается значительное количество изменений, которые не были зафиксированы в середине XX века (Муслимов 2007).

Данное исследование посвящено изучению проявлений языковой аттриции в финских диалектах Центральной Ингерманландии, а также описанию языкового сдвига, происходящего в Ингерманландии с 1940-х годов. Причинами возникновения языкового сдвига являются исторические события 1930-х и 40-х годов, когда финское население подвергалось высылкам и репрессиям, что привело к разрушению языкового сообщества и постепенному вытеснению финских диалектов практически из всех доменов, в которых они использовались еще в начале XX века. Под языковым сдвигом в данном исследовании, вслед за Н.Дориан, понимается «постепенная замена в жизни членов сообщества одного языка на другой» (Дориан 2012: 382). Языковая аттриция определяется как «по крайней мере частичная утрата говорящим контроля над родным языком (L1), которая происходит обычно в результате интенсивных контактов с другим языком или языками» (Груздева 2007: 18).

В настоящее время число носителей центральноингерманландских диалектов неуклонно сокращается, а существование языка в условиях языкового сдвига приводит к тому, что в идиолектах большего числа носителей, средний возраст которых составляет 75 лет, развиваются разного рода аттриционные процессы. Еще одним фактором, способствующим постепенному забыванию диалекта, является его низкий престиж по сравнению с доминирующим русским языком, а также литературным финским языком. В таких условиях существует большая вероятность исчезновения диалектов Центральной Ингерманландии уже в ближайшие 10-20 лет, в связи с чем

необходимо тщательное описание этих диалектов, пока для этого еще есть возможность. Этим объясняется **актуальность** данного исследования.

Языковая аттриция в ингерманландских диалектах описывалась финскими лингвистами, в том числе Х. Рийонхеймо и О. Кокко, однако в их работах основное внимание было уделено глагольному словоизменению. Х. Рийонхеймо исследовала проявления языковой аттриции в формах имперфекта ингерманландских глаголов в языке ингерманландских финнов, живущих в эстоноязычном окружении (Riionheimo 1998). Вопросы именного словоизменения Рийонхеймо не затрагивал. В работах Осси Кокко внимание уделяется разработке модели аттриционных изменений, в которой рассматривается роль инпута, а также маркированности единиц (Kokko 1998, 2007). Рассмотрение языкового сдвига в работах этих исследователей оказывается на втором плане.

Изучением некоторых аспектов языковой аттриции в именном словоизменении занимался М.З. Муслимов, однако он рассматривал в основном отдельные падежные формы (партитив, иллатив) и случаи выравнивания, с ними связанные, а не именное склонение в целом (Муслимов 2007, 2015). Исследований, посвященных языковой аттриции в именном словоизменении в центральноингерманландских диалектах, которые сочетали бы в себе лингвистические и социолингвистические методы исследования, еще не проводилось. В этом заключается **новизна** исследования.

Объектом исследования являются центральноингерманландские диалекты финского языка, **предметом** – аттриционные процессы в именной морфонологии в условиях далеко зашедшего языкового сдвига.

Материалом исследования стали социолингвистические интервью 21 информанта и 417 именных парадигм, собранных с помощью морфонологических анкет.

Целью данной магистерской диссертации является описание проявлений языковой аттриции в именном словоизменении финских диалектов Центральной Ингерманландии в условиях далеко зашедшего языкового сдвига.

Для достижения этой цели были поставлены следующие **задачи**:

1) Разработка и проведение полевого исследования с целью описания языковой аттриции (разработка анкеты, посвященной именной морфонологии и сбор языкового материала по данной анкете) и языкового сдвига (разработка и проведение социолингвистического интервью).

2) Анализ собранного диалектного материала для выявления общих проявлений аттриции, характерных для всего полученного материала, и описание особенностей проявления языковой аттриции в каждом из исследуемых именных словоизменительных типов.

3) Описание и интерпретация данных, полученных в результате проведения социолингвистических интервью.

Работа состоит из введения, четырех глав, заключения, приложения и списка литературы.

Глава 1. Краткий обзор истории Ингерманландии

Коренным населением исторической Ингерманландии, занимавшей территорию между Ладожским озером и Финским заливом, являлись прибалтийско-финские народы водь, близкие к эстонцам и ливам, и ижора, связанные по происхождению с карелами. Затем территорию начали заселять славянские племена, контакты с которыми впоследствии привели к переходу води и ижоры в православие (Мусаев 2001: 11-14).

Само название, шведское по происхождению (швед. Ingermanland), территория получила после 1617 года, когда по Столбовскому миру земли отошли Швеции. Переход под шведское владычество вызвал изменения как в конфессиональном, так и этническом составе Ингерманландии: в 1623 г. началось распространение лютеранства и были образованы первые лютеранские приходы. Положение православия ослаблялось, что привело к бегству большей части православного населения на территорию Российской Империи.

В это время на эти земли начали переселяться финны-лютеране из Финляндии, которые оседали в основном в Северной и Центральной Ингерманландии. Переселенцы представляли собой две разнородные группы, происходившие из двух областей: Эуряпяя (Äyräpää) на Карельском перешейке и Саво (Savo) в Юго-Восточной Финляндии. Отсюда происходят названия двух групп ингерманландских финнов: эурямёйсет (äyrämöiset) и савакот (savakot). Эурямёйсет начали переселяться раньше и селились к юго-востоку от Гатчины и на юге Карельского перешейка, а савакот начали переселение несколько позже и заселяли земли в районе Павловска и далее к р. Луге.

После окончания Северной войны земли отошли обратно к Российской Империи по Ништадскому миру 1721 г., после чего начался процесс интенсивной русификации региона: сюда начали переселять русских крестьян и торговцев из других губерний. К середине XIX века численность русского населения заметно превосходила численность финского, которое, тем не менее, продолжало увеличиваться в том числе и благодаря новым миграциям из

Финляндии (Мусаев 2001: 24). Уже в это время, по-видимому, на территории Ингерманландии стали возникать смешанные русско-финские деревни.

Лютеранская церковь, относившаяся к Петербургской консистории, играла большую роль в духовной и культурной жизни финского населения региона. В 1732 г. из 59 тысяч крестьян в Ингерманландии финны лютеране составляли 20 тысяч (Мусаев 2001: 23). В 1820 г. начали открываться конфирмационные школы, в которых молодых людей 15-18 лет учили катехизису и пению духовных песен, а намеревающихся вступить в брак экзаменовали на знание катехизиса и умение читать (Халтсонен 2012а). Церковь выполняла также просветительскую функцию, настоятели и канторы были обязаны учить народ грамоте. В первой половине XIX века в Петербурге выходило довольно большое количество книг на финском языке, которые распространялись среди ингерманландцев. При церквях открывались воскресные школы, в которых добровольцы из числа жителей деревни обучали детей основам религии и пению псалмов. Все это свидетельствует о том, что финский язык в то время функционировал не только в бытовом домене, но также и в церкви, и был языком образования.

Еще в 1870-х гг. началось издание газет на финском языке, первыми из которых стали «*Pietarin sanomat*» («Петербургские известия») и «*Pietarin sunnuntailehti*» («Петербургский воскресный листок»). Затем в течение XIX-начале XX вв. издавался еще ряд газет: газета «*Inkeri*», сменившая ее газета «*Uusi Inkeri*» («Новая Ингрия»), социалистическая газета «*Neva*».

В деревне Малые Колпаны (фин. *Pieni Kolppana*) в 1785 г. была основана первая финская школа в Ингерманландии, в которой финских детей учили чтению и письму на русском и финском языках (Халтсонен 2012b). В 1863 г. в Малых Колпанах была открыта семинария, основной задачей которой была подготовка учителей, позже работающих в других финских школах Ингерманландии. К 1888 г. насчитывалось 38 финских школ (Конькова, Кокко 2009: 10). До 1891 г. преподавание в семинарии велось на финском языке, позже русский язык превратился в основной язык преподавания. В конце XIX века студентами из Петербурга было создано объединение, члены которого

выписывали газеты, приобретали книги в сельские библиотеки. В.И. Мусаев отмечает, что «местные финские крестьяне все более явственно воспринимали себя не просто жителями отдельной деревни или отдельного прихода, а членами единой ингерманландской общности» (Мусаев 2001: 48).

В конце XIX – начале XX века произошел переход к обучению на русском языке. На финском языке преподавалась только религия, хотя к 1897 г. в Ингерманландии проживало около 130 тысяч финнов. Бывали случаи, когда в финские деревни назначали русских учителей, хотя дети не говорили по-русски (Халтсонен 2012b: 227).

Таким образом, говоря о социолингвистической ситуации в XIX – начале XX вв., следует отметить следующие явления:

- получение образования на финском языке обеспечивало учителей в сельские школы для обучения детей, а также пасторов для работы в церковных приходах;

- наличие финских деревень создавало условия для передачи языка следующим поколениям, а также нормального функционирования языка в сообществе;

- некоторая часть финноязычного населения в то время, вероятно, была монолингвами;

- издание литературы и газет на финском языке, а также создание библиотек показывает, что некоторая часть населения была грамотной и владела как литературным финским языком, так и диалектом. Все это, по-видимому, свидетельствует о том, что финский язык являлся доминирующим во всех доменах, как формальных («церковь», «школа», «СМИ»), так и неформальных («дом», т.е. общение в семье, «улица», т.е. общение с друзьями и соседями). Русский язык, однако, уже начинал проникать в формальные домены в силу государственной политики.

Также у финнов Ингерманландии была богатая фольклорная традиция, наличие которой свидетельствует о хорошем состоянии народной культуры и языка, позволявшие создавать новые фольклорные тексты. В середине XIX - начале XX фольклористы (А.М. Шёгрэн, Э. Д. Европеус) начали собирать

ингерманландский фольклор: руны, некоторые из которых были включены во второе издание «Калевалы» в 1849 году. Вплоть до революции 1917 года финские фольклористы собирали и записывали фольклор ингерманландских финнов (Нилова 2010: 2).

Революционные события 1917 г. повлекли за собой дальнейшее развитие национального движения, что выразилось в том числе и в желании перевести школьное образование на финский язык, интересе к собственной культуре, а также в появлении интеллектуальной элиты. В октябре была провозглашена независимость Финляндии, а также право наций на самоопределение. Большинство крестьян относились к политике индифферентно до тех пор, пока не начали действовать комитеты бедноты, в красноармейские части не начали заниматься грабежами в приграничных районах (Мусаев 2001: 61-:65). Все это, а также провозглашение независимости Финляндии в октябре 1917 года и антисоветская пропаганда, которую вели белые финны на территории Ингерманландии, привело к тому, что ингерманландцы начали стремиться к большей административной самостоятельности. Крестьянство, в основном состоявшее из зажиточных хозяйств, начало восприниматься советской властью как потенциальная «пятая колонна» Финляндии, а созданные органы самоуправления – как кулацкие (Мусаев 2001: 2001).

В 1920-е гг. согласно политике «коренизации» было вновь обеспечено получение образования на финском языке, обращение в государственные учреждения на своем языке, также выходили газеты, журналы, радиопередачи. В Конституции СССР 1924 года говорится: « Здесь, в лагере социализма, <...> **национальная свобода** и равенство, мирное сожительство и братское сотрудничество народов. Только в лагере Советов <...> оказалось возможным **уничтожить в корне национальный гнет**» (Конституция СССР 1924). Таким образом, фактически провозглашалось право на самоопределение народов. Интересен также тот факт, что в 1920-е гг. влияние церкви среди ингерманландцев оставалось довольно значительным, и даже действовали конфирмационные школы.

В.М. Мусаев приводит данные Первой Всесоюзной переписи населения 1926 г., согласно которой в Ленинградской области проживало 125 884 финна, из них 114 831 ингерманландец, финский язык при этом назвали родным 153000 участников переписи, что показывает, что не все финноязычные этнически также были финнами (Мусаев 2001: 166)

В этот период, по-видимому, в языковой ситуации в регионе еще не произошло больших изменений по сравнению с XIX – началом XX века. Единственным изменением стало осознание ингерманландцами себя как единой общности, отличной как от финнов в Финляндии, так и от представителей других народов, населявших регион (русских, ижоры и води).

Первые значительные изменения в жизни ингерманландского сообщества связаны с началом коллективизации и раскулачивания. Ингерманландские крестьяне, привыкшие к самостоятельному ведению хозяйства, не стремились принимать участия в создании колхозов, и к осени 1930 г. коллективизации подверглось лишь 6% хозяйств (Мусаев 2001: 204). Необходимым условием для коллективизации являлась ликвидация кулацкой собственности: земли, скота и построек, для последующей передачи их новообразованным колхозам. В Ингерманландии «достаточно было иметь больше двух коров, чтобы попасть в «кулаки», так что довольно большое количество финских крестьян попадало под определение «кулака» и подвергалось выселению (Мусаев 2001: 199). Так началась первая волна переселений: по данным, приведенным в «Докладе о происшедших в последние времена в Ингрии высылках и других актах угнетения финского населения», в период 1929-1931 г. из Ленинградской области было выслано около 4320 семей, или примерно 18000 человек (Мусаев 2001: 206). До середины весны 1931 года их высылали в основном в Сибирь, затем начали также выселять в Северные районы, преимущественно на Кольский полуостров, где финны селились в районе города Хибиногорска.¹ В это же время начались гонения против лютеранской церкви в Ингерманландии: закрывались лютеранские приходы, а священнослужителей арестовывали и

¹ Позднее город переименован в Кировск.

высылали. Таким образом, влияние церкви снизилось, а вместе с этим также практически прекратилась образовательная деятельность, которая велась в приходах. Таким образом, уже в это время ранее целостное финское сообщество в Ингерманландии начало постепенно разрушаться.

После ухудшения отношений с Финляндией в 1934 году началось «очищение приграничной полосы». Все этнически эстонское и финское население приграничных районов было объявлено «антисоветскими элементами», и начались депортации населения. Высылали в тот период в основном в Вологодскую и Архангельскую область. Общее количество депортированных ингерманландцев оценивается примерно в 26-27 тысяч человек, при этом это был один из первых случаев высылки не связанный с коллективизацией, а с национальностью высылаемых (Мусаев 2001: 235). К 1937-38 году делопроизводство в Ленинградской области было целиком переведено на русский язык. Изменения также затронули и школы: преподавание было переведено на русский язык, финские учителя заменены русскими, а изучение финского языка упразднилось. В основном преподавание на финском языке было прекращено с 1938 года, то есть первые две четверти 1937 года ученики еще учились по финским учебникам и на родном языке. По воспоминаниям информантки SH, в финской школе в д. Яльгелево, где она проучилась два класса, «математика [была] по-фински, урок финского языка был, там учили уже грамоте, и учителя в основном были финны, <...> а в Капорском [в русской школе] уже сугубо один учитель [был]» (SH). Характерная для того периода борьба с «национализмом» в Ленинградской области проявилась в закрытии финских техникумов, издательств, кафедры финского языка и литературы в ЛГПИ, прекращении выпуска газет, журналов и радиопередач на финском языке. По воспоминаниям свидетелей событий тех лет, в школах запрещалось разговаривать на финском языке даже на переменах. Информантка АМК вспоминает: «Я ходила в финскую школу до Нового года [1938]. Когда я пошла в первый класс, у нас еще была финская школа, а после Нового года даже разговаривать не разрешали по-фински. Всё перевели на русский» (АМК). К этому времени также относится закрытие большинства

оставшихся лютеранских приходов: к 1938 году действовали лишь церкви в Колтушах, Шапках (Ярвисаари), Хиэтамяки, Ропше, Губаницах и Гатчине, хотя в XIX веке действовало более тридцати (Мусаев 2001: 245).

Можно заметить, что с ухудшением социальной и политической обстановки, языковая ситуация в регионе также ухудшилась: прекращение образования на родном языке и выпуска газет и радиопередач, закрытие церквей, а также массовые высылки финноязычного населения привели к уменьшению количества владеющих языком, а также к снижению престижа финского языка, который начал вытесняться русским в доменах образования, делопроизводства и культуры. Таким образом, то поколение, которое начало ходить в школу в 1937 году уже не могло быть монолингвальным, так как для обучения требовалось владение русским языком. И хотя, по воспоминаниям информантов, в семьях в то время со старшим поколением все еще разговаривали на финском языке, фокус постепенно смещался в сторону доминирующего языка: в для обучения в школе необходимо владеть русским языком.

Наибольшие масштабы депортации финского населения Ленинградской области приняли с наступлением Второй мировой войны. После вступления в войну Финляндии на стороне Германии, в августе 1941 года было принято решение об эвакуации финнов и немцев из прифронтовой полосы. До блокады Ленинграда, начавшейся 8 сентября, в Якутск, Иркутскую, Омскую область и Красноярский край было вывезено 28000 этнических финнов и немцев. По данным, которые приводит В.М. Мусаев, всего в марте-апреле 1942 года «из Ленинграда и Ленинградской области были эвакуированы 38 112 человек, из которых этнические финны составляли большинство» (Мусаев 2001: 261). В общей сложности из Ленинграда и неоккупированных районов области за 1941-1942 гг. на спецпоселение было отправлено 44 732 финнов (Там же). Также представителей «неблагонадежных» национальностей (немцев, поляков, финнов и др.), мобилизованных в армию в начале войны, направляли в стройбаты на тыловые работы. Все это привело к тому, что значительная часть финноязычного населения Ленинградской области оказалась расселена по

самым разным регионам СССР, где не было возможности поддерживать единство языка и культуры. Статус «неблагонадежной» национальности также приводил к тому, что финны часто отказывались использовать финский язык, что привело к постепенному вытеснению его из бытового домена.

Несмотря на эвакуацию, значительная часть ингерманландских финнов оказалась в зоне немецкой оккупации. К зиме 1941-1942 года в оккупированных районах находилось 76 342 финноязычных жителя, из которых 66 946 человек составляли финны (Мусаев 2001: 265). В ноябре 1941 года немецкое руководство начало регистрацию этнических финнов, чтобы переместить их в Финляндию по льду Финского залива. Этот план не осуществился, и поэтому было принято решение эвакуировать ингерманландцев на менее пострадавшие территории в Эстонию. К лету 1942 года туда было эвакуировано 12 311 ингерманландских финнов (Мусаев 2001: 271). Большинство из них работали в Эстонии на сельскохозяйственных работах в частных хозяйствах. Все информанты, которые в детстве жили в Эстонии, указывают, что в то время они научились говорить на эстонском языке. Информантка НН рассказывает, что «выучилась говорить по-эстонски за лето». В конце 1942 года было принято решение перевезти ингерманландцев в Финляндию. Перевозимые из Эстонии финны-ингерманландцы проходили через переселенческий лагерь Клоога вблизи Таллинна. В общем из Эстонии в Финляндию в 1943-1944 гг. было эвакуировано 63 205 человек, более 3 тысяч остались в Эстонии (Мусаев 2001: 276). В Финляндии ингерманландцев после пребывания в приемочных и карантинных лагерях распределяли по частным хозяйствам в основном в южной части страны. От переселенных требовалось, чтобы они «как можно быстрее интегрировались в местные условия и превратились в настоящих финнов, забыв о своих ингерманландских особенностях» (Мусаев 2001: 278). При этом финны нередко называли ингерманландцев «рюсся»² и коммунистами, и в целом относились недоброжелательно. Условия проживания ингерманландцев также сложно было называть хорошими: по воспоминаниям

² Фин. *gussä* – пейоративное название русских.

информантов, нередко были случаи, когда они жили в сараях, семьи расселяли по разным хозяйствам или же они жили и работали на разных хуторах. Все переселенные в той или иной степени овладели финским языком, на котором говорили хозяева, также возникали случаи непонимания, вызванного междиалектными различиями. Информантка НК вспоминает: «Когда увезли в Финляндию, не разрешали опять по-ингерманландски говорить. Строго было. Только по-фински. Но разница была большая очень. Потом привыкли» (НК).

В 1944 году между Советским Союзом и Финляндией был подписан мирный договор, а тем, кто был вывезен из Советского Союза, было объявлено, что они могут вернуться на родину, где их «ждут колхозные поля, ждут родные и знакомые» (Обращение к советским гражданам, цит. по Мусаев 2001: 285). В 1945 году из Финляндии вернулось 43 246 ингерманландцев, примерно 8 тысяч человек уехали в Швецию (Там же: 286). Возвращение на родину, однако, не подразумевало возвращения в родные места Ленинградской области: ингерманландцев вывозили на поселение в Великолукскую, Псковскую, Новгородскую, Калининскую и Ярославскую области, т.е. в регионы, которые пострадали больше всего во время войны. Информантка SH вспоминает о возвращении из Финляндии: «Как только границу переехали, офицеры вошли, двери на замок. «Вот вы уже на родине», - [сказали], как в Выборге остановились, «не думайте, что родина это только тот дом, деревня, где вы жили. Родина - до Тихого океана» (SH).

Государство препятствовало самовольному переселению ингерманландцев на родину тем, что в их паспортах теперь стояла 38 статья, «при наличии которой запрещалось селиться в приграничных районах, закрывался доступ к занятию ряда должностей и к поступлению в высшие учебные заведения» (Мусаев 2001: 298). Это, однако, не мешало ингерманландцам селиться на территории Ленинградской области, и к маю 1947 года финское население региона составляло 13 958 человек (Мусаев 2001: 299). За этим последовали депортации, и в 1947 году из Ленинградской области было выселено около 7000 ингерманландцев. Остаться могли только те, у кого главой семьи был этнический русский, либо же те, у кого член семьи погиб на фронте

(как в случае информантки SH, семья которой смогла вернуться в родную деревню Кемпелево уже в 1945 году, поскольку у нее погиб на фронте брат). Некоторые финны выдавали своих дочерей замуж за русских военных для того, чтобы иметь шанс вернуться в родную деревню. Об этом рассказывает информантка НК: «Мама говорит: «Выходи хоть ты за русского замуж, чтоб нам уехать. А потом разведешься там». Она так уговаривала. Я до сих пор помню, уже теперь 50 с лишним лет прошло, а я всё-всё вспоминаю, что мама просила, только чтоб нам уехать [из Эстонии]» (НК). Для предотвращения таких самовольных переселений правительство начало переселять русских из других регионов России в деревни, ранее принадлежавшие ингерманландцам (Мусаев 2001: 306). С 1947 года ингерманландцы начали уезжать в Эстонию и Латвию, где те, кто были достаточно состоятельны, могли за взятки получить паспорт, в котором в графе «национальность» стояло «эстонец» или «русский». Кроме Эстонии, большое количество финнов (19398 человек) уехало в Карельскую ССР, где в 1949 году вышло постановление, разрешавшее поселение ингерманландцев. Как указывают О.И. Конькова и В.А. Кокко, в то время «центр финского языка и культуры в России из Ингерманландии переместился в Карелию», где в университете и в некоторых школах велось преподавание финского языка, выходили периодические издания на финском языке, а на местном радио и телевидении – программы на финском языке (Конькова, Кокко 25).

После смерти И.В. Сталина в 1953 году началась реабилитация репрессированных народов. Однако ингерманландские финны не попали в список тех, кому полагалась полная реабилитация, хотя и были сделаны некоторые послабления. В частности, была снята 38 статья, что позволило большому количеству ингерманландцев наконец вернуться на родину. Массовому возвращению, однако, помешало ограничение по прописке, введенное в 1958 году. Это было не единственным фактором, сдерживающим возвращение: часто деревни оказывались сожжены немцами, а если дома сохранились, то в отсутствие документов мешало доказать право собственности на дом. Многие из ингерманландских финнов, оказавшихся на Урале, Дальнем

Востоке, в Сибири и в Средней Азии не стали возвращаться обратно, так как за прошедшие годы уже успели наладить хозяйство (Мусаев 2001: 315-316).

Тех же, кто вернулся на родину, ждало довольно враждебное отношение, так как «к финнам, независимо от их гражданства, относились с предубеждением как к бывшим врагам» (Мусаев 2001: 299-300). Информантка ЛМ вспоминает, что даже в 1954 году, русские дети в деревне называли финнов «недобитыми фашистами». Это приводило к тому, что ингерманландцы скрывали свою национальность, не разговаривали на финском языке на улице, а иногда и дома, боясь, что кто-то услышит финскую речь. Детей старались учить русскому языку не только из соображений безопасности, но и потому, что следствием всех бедствий, постигших ингерманландцев, стало падение престижа финского языка, а также значительное сокращение количества доменов, в которых он мог использоваться: образование велось на русском языке, все СМИ и литература издавались также на русском языке, лютеранские приходы не действовали.

Все эти события привели к сокращению численности ингерманландского населения: по переписи 1959 года в СССР насчитывалось 92 717 финнов, из которых 55 123 человека назвали финский язык родным, а перепись 1989 года показала, что в СССР проживало 67 359 финнов, для 23 274 из которых финский язык являлся родным (Мусаев 2001: 317). При этом нужно отметить, что эти данные не означают, что все указавшие финский язык как родной, владели им в полной мере, а также пользовались им в качестве первого языка. Большое количество ингерманландских финнов также переезжали из сельской местности в города, практически переставая использовать финский язык, переходя на русский. Ингерманландцы, оставшиеся в Эстонии, постепенно переходили на эстонский язык (Мусаев 2001: 319).

Даже в это время верующие ингерманландские финны поддерживали язык и культуру во всех регионах, где они проживали: религия стала интегрирующим фактором. После войны в 1964 году открылся первый финский лютеранский приход в Петрозаводске, а в 1976 году – в Пушкине (Конькова, Кокко 2009: 26). Национальное возрождение началось лишь в 80-е гг. XX века в эпоху

Перестройки, когда в 1989 году было официально зарегистрировано общество «Inkerin Liitto» («Ингерманландский союз»), целью которого стало продвижение и развитие финского языка и культуры. Отделения «Inkerin Liitto» позже открылись во многих регионах России. Благодаря деятельности общества в июне 1989 года после большого перерыва был вновь проведен летний праздник Юханнус (Иванов день), а с 1988 в Колтушской средней школе началось преподавание финского языка в качестве факультатива. В Ленинграде, Гатчине и Колтушах открылись кружки по изучению финского языка. Начала издаваться газета «Omal maal» («На своей земле») в Гатчине. Также началось восстановление лютеранских приходов, с 1992 года Евангелической Лютеранская Церковь Ингрии в России стала самостоятельной, а не отдельным пробством Евангелически-Лютеранской церкви Эстонии (Конькова, Кокко 2009: 27-29, Мусаев 2001: 324-325). Начал издаваться журнал «Церковь Ингрии», который издается на русском и финском языке. Также в 1993 году вышло постановление «О реабилитации российских финнов», отменяющее все принятые ранее акты, а также признающее право на возвращения в «места традиционного проживания» (пункт 2).

Довольно большое количество ингерманландцев уехало из России после того, как в 1990 году было объявлено, что Финляндия будет принимать финнов из СССР как репатриантов. Однако вскоре выяснилось, что многие из репатриантов не владеют финским языком в достаточной мере для того, чтобы интегрироваться в финское сообщество. В 1998 году Финляндия ужесточила требования к знанию финского языка для снижения количества эмигрантов. В Ленинградской области были открыты курсы финского литературного языка для иммигрантов, так как обязательным условием было знание финского литературного хотя бы на уровне А2. В целом по программе репатриации, которая завершилась 1 июня 2016 года, уехало около 30 тысяч человек (Фонтанка.ру 2016)

По данным Всероссийской переписи населения 2010 года, в Российской Федерации проживало 20267 финнов, из которых 441 человек указали, что они являются финнами-ингерманландцами. Лишь 2607 человек указали финский

язык как родной (Итоги переписи населения РФ 2010). Не только те, кто указал себя как финны-ингерманландцы, родившиеся на территории Ингерманландии, это связано с идентичностью: не все финны, проживающие в Ленинградской области, осознают себя как отдельную группу, отличную от финнов, родившихся в Финляндии. В настоящее время деятельность «Inkerin Liitto» обеспечивает преподавание финского литературного языка на территории Ленинградской области, проведение праздников. В лютеранских приходах проводятся еженедельные службы, отмечаются церковные праздники, на которых собирается как старшее, так и младшее поколение. Центр коренных народов Ленинградской области занимается продвижением в том числе и культуры ингерманландских финнов.

Тем не менее, по-видимому, ситуация является гораздо более сложной, чем она представляется через деятельность ингерманландского общества и лютеранских приходов. Во-первых, выселения 30-х и 40-х годов привели к разрушению языковых коллективов, существовавших ранее: деревни были либо разрушены во время немецкой оккупации, либо заселены русскими из других регионов страны. Дети некоторых ингерманландцев переехали в город из сельской местности, увозя с собой и своих родителей. Существовавшие и ранее смешанные деревни сначала начали становиться более частым явлением, а затем и вовсе вытеснили сугубо финские деревни, а увеличение количества русского населения привело к использованию русского языка для общения с соседями. Во-вторых, произошло прерывание лингвистической традиции³, проявившееся в том, что родители часто не передавали финский язык детям. Это связано как с понижением престижа финского языка, так и со статусом «врагов народа», преследовавшим ингерманландцев в послевоенное время, что приводило к нежеланию обучать молодое поколение финскому языку из-за страха перед возможными сложностями в будущем. Даже если финский язык и передавался в семье, то часто дети начинали говорить на литературном финском языке, а не на диалекте, который использовало старшее поколение, так как

³ Термин предложен Р. Андерсеном (Андерсен 1982).

диалект считался «испорченным», «неграмотным» вариантом литературного языка (такую точку зрения высказывает, например, дочь информантки МКА). Также важным фактором является то, что книги и журналы, которые читают ингерманландцы, издаются на литературном языке, службы в церкви также проводятся на литературном финском языке, что приводит к более редкому взаимодействию с диалектом по сравнению с литературным языком.

В-третьих, люди, активно владеющие ингерманландскими диалектами финского языка относятся к поколениям 30-х и 40-х гг. В настоящее время их возраст и состояние здоровья часто препятствуют посещению церкви или праздников. С учетом сложившейся ситуации, когда в деревнях проживает лишь один или два ингерманландских финна, отсутствие языкового коллектива приводит к тому, что родным языком финны-ингерманландцы пользуются редко. Также состояние здоровья многих представителей старшего поколения лишает их возможности читать периодическую литературу и книги.

Наконец, данные проведенного социолингвистического опроса показывают, что даже в церкви или во время других общественных событий, где есть возможность воспользоваться финским языком, коммуникация чаще осуществляется на русском языке, так как не все владеют языком в одинаковой степени, либо русский язык стал более привычным средством межличностного общения.

Глава 2. Языковой сдвиг и аттриция

2.1. Языковой сдвиг: определение, причины и условия.

2.1.1. Определение языкового сдвига

Ситуация в современной Ингерманландии, описанная в главе 1, может быть определена как финский язык в состоянии языкового сдвига. Н.Б. Вахтин отмечает, что существует некоторая терминологическая неопределенность, когда речь заходит о языковом сдвиге, так как содержание термина во многом зависит от того, какой из аспектов является важным для исследователя: групповой или индивидуальный, причины утраты языка, условия и т.д. (Вахтин 2001: 12-13). Так, термины «языковой сдвиг» и «языковая смерть» иногда не противопоставляются и определяются как «замена привычного пользования одним языком использованием другим» (Викторова 2007: 61). Также Дэвид Кристал указывает на различие в лингвистической литературе терминов «языковой сдвиг» (language shift), понимаемый как «постепенный или внезапный переход с использования одного языка на другой (либо индивидом, либо группой)», и «утрата языка» (language loss), понимаемая как «ситуация, при которой индивид или группа больше не способны использовать язык, на котором говорили раньше» (Crystal 2014: 23, ср. Засе 2012 «распад языка»). Неразличение терминов «языковой сдвиг», «утрата языка» и «языковая смерть» может привести к тому, что разного рода явления будут описываться как одно и то же: явление языковой смерти и процесс языкового сдвига. Например, Л. Кэмпбелл и М.С. Мюнтцел выделяют «постепенную языковую смерть», т.е. процесс утраты языка (Campbell & Muntzel 1989: 86). В этом случае, однако, исследователь заранее предсказывает смерть языка, хотя этого еще не произошло. Дж. Фишман называет выражение «языковая смерть» «неудачной и дурно пахнущей метафорой» (Fishman 1985: 213, цит. по Вахтин 2001: 290), так как сложно точно установить пределы жизни и смерти, а также значение этих понятий применительно к социальным и культурным явлениям, в том числе и к

языку: исследователь и члены сообщества также могут оценивать степень сохранности языка по-разному.

Таким образом, представляется необходимым разграничивать понятия «языковой сдвиг» и «языковая смерть», при этом в данной работе, вслед за К.В. Викторовой, представившей разбор разницы между данными понятиями, языковой сдвиг будет пониматься как «процесс, разворачивающийся во времени в рамках конкретной языковой общности», а языковая смерть – как результат этого процесса. Н. Дориан определяет языковой сдвиг «постепенная замена в жизни членов сообщества одного языка на другой», при которой титульный язык меньшинства заменяется доминирующим языком (Дориан 2012: 382). В большинстве случаев необходимым условием для языкового сдвига признается языковой контакт и последующий билингвизма членов сообщества.

Серьезные попытки изучения феномена языковой смерти и языкового сдвига относятся к началу 1970-х гг. и связаны с работами Дж. Фишмана, В. Дресслера, Н. Дориан, Дж. и К. Хилл, С. Гал и др., внимание которых, за исключением Н. Дориан и С. Гал, было сосредоточено на структурных аспектах языкового сдвига. Так, например, В. Дресслер, описывая языковой сдвиг в бретонском языке, уделяет основное внимание структурным изменениям, происходящим на разных языковых уровнях, и считает, что языковой сдвиг – это утрата правил языка (Дресслер 1991). Социолингвистическими причинами языкового сдвига для него стало снижение плотности носителей бретонского языка, что привело к снижению «количества и качества использования языка в устной речи (language performance). Это стало причиной для неуверенности при использовании языка со всеми негативными последствиями для отношения к языку и, следовательно, к выбору языка» (Дресслер 1991: 110)⁴. Тем не менее, такое сложное явление, как языковой сдвиг, не ведет исключительно к структурным изменениям. Ниже рассматриваются основные классификации причин языкового сдвига.

⁴ «Loss of compactness diminishes the quantity and quality of Breton performance and thus resulted in insecurity of performance with all its negative consequences for language attitudes and this language choice».

2.1.2. Причины и условия языкового сдвига

Попытки определения социальных причин языкового сдвига предпринимались неоднократно (см. Campbell 1994, Crystal 2014, Denison 1977 и т.д.), однако нельзя сказать, что есть конечный список социальных факторов и того, какое значение они имеют в ситуации языкового сдвига. Как замечает Н.Б. Вахтин, «большинство авторов, пишущих о языковом сдвиге, предпочитают воздерживаться от теоретических обобщений и высказывают свои соображения об условиях и причинах на материале той или иной конкретной ситуации» (Вахтин 2001: 217). Тем не менее, предпринимались попытки создания неупорядоченных списков социальных факторов, влияющих на языковой сдвиг. Приведем некоторые из них.

Суммируя все предыдущие попытки создания списка макро- и микросоциальных факторов, С. Кэмпбэлл приводит следующие: «дискриминация, репрессии, быстрое сокращение населения, ... процесс индустриализации, быстрые экономические изменения, приток мигрантов, взаимодействие с другими регионами, переселение дисперсное расселение, миграция, грамотность, обязательное образование, официальная языковая политика, ... аккультурация, разрушение культуры, война, рабство, голод, эпидемии, религиозный прозелитизм...» и т.д. (Campbell 1994: 1963, цит. по Викторова 2007: 64). Как можно заметить, данные факторы охватывают большое количество социальных процессов, однако, как будет показано ниже, даже практически полное совпадение внешних факторов не является гарантией того, что языковой сдвиг будет происходить схожим образом.

Говоря о сугубо социальных факторах, Н.Б. Вахтин (2001: 223-229) описывает несколько, отмечая, однако, что ни один из этих факторов не является гарантией для языкового сдвига, что и вызывает невозможность составления иерархической классификации факторов.

1. Число носителей. Стоит отметить, что малого количества носителей языка недостаточно для того, чтобы говорить о большой вероятности

исчезновения языка. Для оценивания уровня жизнеспособности языка, присваиваемого ЮНЕСКО языкам, включенным в «Атлас языков мира, находящихся под угрозой исчезновения», более важным критерием является передача языка между поколениями, а не общее количество носителей языка.⁵ Так, например, язык навахо, на котором говорит около 170 тысяч человек, в настоящее время считается уязвимым согласно классификации ЮНЕСКО⁶, а энецкий язык, как указывает Н.Б. Вахтин, в историческое время передавался в течение многих поколений, несмотря на небольшое количество носителей (Вахтин 2001: 223). Как пишет С.Е.Граймс, «можно лишь утверждать, что большинство языков, которым предстоит исчезнуть в будущем, скорее всего находятся в критической зоне и имеют критическое число говорящих; малое число говорящих само по себе не влечет за собой исчезновения языка» (Grimes 1995: 9, цит. по Вахтин 2001: 223).

2. Языковое окружение. Самой частотной является ситуация, при которой наиболее негативное влияние на жизнеспособность языка оказывает частый контакт с другими языками. Однако в этом случае также нельзя утверждать, что это всегда так, поскольку при устойчивом многоязычии, например в Швейцарии или на Балканах, где несколько языков сосуществуют в течение долгого времени, языкового сдвига не происходит (Вахтин 2001: 224).

3. Тип хозяйственной деятельности. В случае сохранения традиционных видов хозяйственной деятельности велика вероятность сохранения языка или по крайней мере той лексики, которая связана с этой деятельностью (Вахтин 2001:225). Это, однако, зависит от экономической ситуации, государственной политики, а также экологических факторов. Урбанизация может привести как к переходу на доминирующий язык, так и, в некоторых случаях, к поддержанию родного языка. Н. Дориан описывает сохранение гэльского языка восточного Сатерленда у информантки, которая после иммиграции сохранила язык благодаря тому, что проводила время с другими иммигрантами в городе, и это

⁵https://en.wikipedia.org/wiki/Endangered_language#Defining_and_measuring_endangerment

⁶ <http://www.unesco.org/languages-atlas/index.php>

время «дало ей чувство ценности родного языка, и потому она попыталась его сохранить» (Дориан 2012: 396).

4. Воспроизводство языка. Передача языка следующим поколениям обычно обеспечивает его сохранение. Однако это не гарантирует, что дети будут говорить на языке своих родителей, «сознательно отвергая такую возможность и переходя на другой язык» (Вахтин 2001: 226).

5. Межнациональные браки, следствием которых может быть переход женщин из какого-либо сообщества на язык, на котором говорят их мужья, как, например, информанты НК, МЛ.

6. Языковая политика государства, которая может быть направлена на поддержание языка, либо же на его подавление, например, запрещение использования какого-либо языка в школе, ср. финский язык в советских школах после 1937 года (Мусаев 2001), язык угонг⁷ в Таиланде в 1930-е гг. (Bradely 1989: 34), бретонский язык в 1920-е гг. во Франции (Kuter 1989: 77-78).

7. Престиж. Существует большое количество описаний случаев, когда язык, обладающий более высоким престижем, замещает язык, у которого престиж ниже. Однако это не всегда так, и языки с разным престижем могут сосуществовать, например, английский и валийский в Уэльсе или испанский и гуарани в Парагвае (Вахтин 2001: 227).

8. Отсутствие письменности. В целом, наличие письменности является фактором, который помогает сохранить язык. Однако это не независимый фактор, так как создание письменности может быть связано с числом носителей. Так в советское время письменность для крупных народностей создавалась чаще, чем для малых, поэтому ханты, чукчи и др. сохранили свои языки лучше, потому что их было больше, а не только в связи с наличием письменности и школьного преподавания. (Вахтин 2001: 228-229).

При всех существующих попытках установить, как те или иные внешние условия влияют на развитие языкового сдвига, по-видимому, нельзя сказать, что

⁷ Южная подгруппа лолойской группы лоло-бирманской ветви бирмано-тибетской подсемьи сино-тибетских языков, распространен на востоке Тайланда, в 2000 году насчитывалось 80 носителей.

есть некая закономерность. Для каждого из описываемых коллективов приходится приводить разный список факторов, а ни один из вышеупомянутых факторов, таким образом, не может быть рассмотрен изолированно.

При групповом выборе, т.е. когда решение не использовать язык принимается не индивидом, а группой людей, языковой сдвиг также может произойти как в результате принуждения, так и выбора людей перестать пользоваться родным языком и перейти на доминантный язык (Вахтин 2001б: электронный источник). Н.Б. Вахтин выделяет три типа мотиваций, которые оказывают влияние на групповой выбор:

а) мотивация прагматического удобства, заключающаяся либо в выборе доминантного языка из соображений удобства, особенно если родной язык уже вытеснен из большинства доменов, либо неиспользования родного языка на поздних этапах языкового сдвига, когда часть сообщества уже не владеет своим языком в достаточной для полноценной коммуникации степени, что можно заметить, например, среди ингерманландских финнов, либо когда взрослые перестают говорить с детьми на родном языке, чтобы обеспечить более легкое вхождение в общество;

б) мотивация ожидания окружающих, в которую включаются: ожидания «своих», когда на разных этапах языкового сдвига меняется отношение к инновационным очагам по мере укрепления новых обычаев в обществе: от отрицательного отношения к чужим порядкам в начале до принятия нового позднее по мере падения престижа родного языка и культуры, а также желания не отставать от изменяющегося общества; ожидания «чужих», низко оценивающих культуру и язык миноритарных групп, что приводит к понижению престижа родного языка этих групп;

в) мотивация самоидентификации, когда в условиях социального давления некоторые представители сообщества решают сменить свою идентичность (identity) и отказаться от родной культуры в пользу доминантной. П. Лагефогед приводит примеры случаев, когда переход на доминантный язык рассматривался как положительное явление. Одним из примеров является

представитель старшего поколения носителей языка дахало⁸, который гордился тем, что его дети говорят только на суахили, так как «они ходили в школу, и знали то, чего он не знал» (Ladefoged 1992: 811)⁹. Дети некоторых информантов в Ингерманландии, однако, даже несмотря на незнание ни литературного финского языка, ни диалекта своих родителей, тем не менее относили себя к финнам.

Попытки теоретического обобщения социальных и лингвистических факторов языкового сдвига предпринимались различными учеными. Одним из первых классификацию таких факторов привел В. Дресслер в 1977 году (Dressler, Wodak-Leodolter 1997, цит. по Вахтин 2001: 200):

а) политические, т.е., «распространение единого языка, сокращение функций малых языков, ведущее впоследствии к языкового сдвигу»);

б) социологические и социально-психологические, т.е., «конфликты identity, негативные стереотипы, <...> комплекс неполноценности из-за принадлежности к непрестижной группе»;

в) социолингвистические, т.е. «анализ ситуации с точки зрения (индивидуального) двуязычия и (общинной) диглоссии»;

г) собственно лингвистические, т.е. утрата грамматических категорий языка под воздействием языкового сдвига.

Как показывает данное исследование, факторы языкового сдвига находятся в сложном соотношении друг с другом, и разное их сочетание ведет к разнообразным последствиям.

Другая обобщающая классификация факторов представлена в статье Ханса-Юргена Зассе «Теория языковой смерти» (Зассе 2012). Такими факторами, по мнению Х.-Ю. Зассе, являются:

- внешняя ситуация (external settings), т.е. экстралингвистические факторы;

⁸ Кушитский язык в Кении

⁹ “His sons had been to school, and knew things that he did not.”

- речевое поведение (speech behavior) – «закономерное использование переменных, которые в данном речевом сообществе связаны с социальными параметрами», например, использование разных языков;
- структурные последствия (structural consequences) – собственно лингвистические явления, например, изменения в синтаксисе или морфологии (Засе 2012: 436-437).

Необходимо отметить, что схожая внешняя ситуация не обязательно приводит к схожим структурным последствиям. Пример этого приводит М. Тоско (Tosco 1998), описывая два восточно-африканских сообщества, в которых произошел процесс языкового сдвига: племя эльмоло, первичным языком которого являлся восточно-кушитский язык туркана, перешедшее на язык самбуру (группа юго-восточных языков семьи манде) и племя яаку, первичным языком которого также был один из восточно-кушитских языков, перешедшее на язык манде. В обоих случаях внешними обстоятельствами стала смена типа экономики и переход от собирательства к скотоводству, полная замена языка в обоих случаях произошла в первые десятилетия XX века. Тем не менее, структурные последствия для первичных языков до полного их исчезновения оказались различными: если в языке племени эльмоло практически не было найдено заимствований из языков манде соседних племен, то в языке племени яаку количество некушитских заимствований крайне велико, а еще до сдвига влияние манде вызвало изменение базового порядка слов, а также названий животных, растений, терминов родства и частей тела (Tosco 1998: 123-128).

Общую схему перехода от языкового сдвига к языковой смерти в концепции Х.-Ю. Засе можно вкратце описать следующим образом: процесс языкового сдвига начинается с «решения речевого сообщества прекратить передавать свой язык детям, возникает разрыв в передаче языка» в ситуации, когда большая часть двуязычного коллектива «переходит от использования А (abandoned language), оставляемого языка, к использованию Т (target language), целевого языка, в качестве основного (primary)» (Засе 2012: 441). На этапе первичного языкового сдвига внешняя ситуация, т.е. исторические события,

вызвавшие неоднозначное отношение к языкам в дву- или многоязычном сообществе и неравномерное их распределение, ведет к изменению в речевом поведении, проявляющемся в неравномерной дистрибуции А и Т, что на структурном уровне проявляется в редукции лексики, относящейся к сферам, в которых используется язык Т. По мере увеличения социального и/или экономического давления на миноритарную группу, появляется негативное отношение к языку А вследствие ограниченного его использования, что на уровне речевого появления проявляется в замещении языка А языком Т в большинстве доменов и росте коллективного двуязычия (Засе 2012: 443). Структурно это проявляется в том, что увеличивается интерференция, а язык А упрощается, при этом функционально он все еще целостен. На стадии упадка языка вследствие прекращения передачи языка детям появляются полуязычные носители¹⁰, сокращается стилевой репертуар говорящих, что приводит к сокращению грамматической системы, а также появляется прагматическая некомпетентность, ведущая к структурной некомпетентности (Вахтин 2001: 204). В этот момент на уровне речевого поведения уже отчетливо можно проследить сдвиг титульного языка. На последнем этапе этого процесса может произойти либо распад языка (*language decay*), т.е. «прекращение коммуникации на языке А», ведущее к «прекращению творческой активности на А», либо замена языка, т.е. «полное одноязычие на языке Т с возможным возникновением Т-диалекта с А-субстратом» (Вахтин 2001: 211).

Интересной является идея Х.-Ю. Засе о том, что функциональность языка не затрагивается вплоть до момента языкового упадка, и, следовательно, нет возможности отличить языки на ранних этапах языкового сдвига от полноценных языков. Подобную же точку зрения высказывает Н. Дориан, говоря о том, что со структурной точки зрения в «благополучных» языках происходят похожие изменения, что и в исчезающих: «падежные конструкции заменяются предложными, аналогическое выравнивание уменьшает число

¹⁰ Термин предложен Ханесгордом в 1968 году. Полуязычный говорящий (*semi-speaker*) – это говорящий того поколения, на котором прервался процесс передачи языка (Вахтин 2001: 205).

алломорфов» и т.д. (Dogian 1981: 151, цит. по Викторова 2007: 69). В таком случае, описание языкового сдвига, по-видимому, должно затрагивать изменения в обществе, в функционировании языка, а также в его структуре.

Таким образом, можно заметить, что причины языкового сдвига сложным образом связаны друг с другом и, вероятно, сложно выстроить их в иерархическом порядке. В данной работе за основу описания языкового сдвига принимается концепция Х.-Ю. Зассе, а также учитываются социальные факторы, приведенные Н.Б. Вахтиным.

2.2. Языковая аттриция

2.2.1. Причины языковой аттриции и типы некомпетентных говорящих.

Языковая аттриция, по определению Е.Ю. Груздевой, – это «по крайней мере частичная утрата говорящим контроля над родным языком (L1), которая происходит обычно в результате интенсивных контактов с другим языком или языками» (Груздева 2007: 18). Этот процесс может происходить как на коллективном, так и на индивидуальном уровне.

С когнитивной точки зрения аттриция может возникать у индивида либо в связи с утратой языка, как у информантов, опрашиваемых в данном исследовании, либо в связи с недостаточным овладением языком изначально. В обоих случаях у менее компетентного говорящего обнаруживается редукция языковой системы, а также большее количество заимствований (Груздева 2007: 18).

Языковая аттриция является аспектом языкового сдвига: она может быть частичной, в случае языкового сдвига, или полной, в случае языковой смерти (Clyne 1992: 18, цит. по Груздева 2007: 18). Р. Андерсен выделяет две основных причины языковой аттриции, связанные с использованием языка: ограничение в использовании языка (*restriction in language use*) и прерывание языковой традиции (*break in linguistic tradition*). Ограниченное использование языка в

ситуации языкового контакта появляется при разнице в престиже, когда язык с более низким престижем начинает использоваться реже. Исследователь указывает, что «использование языка X некомпетентным говорящим (language attrier) будет значительно ограничено по сравнению с использованием того же языка компетентным говорящим (linguistically competent) и предшествующим использованием языка X некомпетентным говорящим, когда он был компетентным (если он когда-либо был таковым)»¹¹ (Andersen 1982: 91). Прерывание языковой традиции связано с первой причиной, и выражается в том, что «некомпетентный говорящий будет демонстрировать отсутствие приверженности к языковой норме, которой придерживается компетентный говорящий, оба говорящие на одном и том же языке X»¹², причем «приверженность» определяется экстралингвистически (Там же).

Наиболее распространенной языковой ситуацией, при которой развивается аттриция, является утрата языка L1 (титульного языка) в окружении языка L2 (другой известный говорящему язык) (Груздева 2007: 19).

Языковая аттриция затрагивает язык говорящих, которых можно отнести к недостаточно компетентным, и поэтому описание этого явления невозможно без хотя бы приблизительного определения компетенции информантов. Существует несколько подходов в определении типов говорящих. Так, подход в определении типов говорящих, основанный в большей степени на возрастном критерии, предлагает Н. Дориан, выделяя старших компетентных говорящих, младших компетентных говорящих, а также полужычных, т.е. не полностью компетентных (Dorian 1981, цит. по Груздева 2007: 21). Такая классификация, однако, не применима для данного исследования, так как нельзя сказать, что все старшие говорящие были полностью компетентными носителями языка.

¹¹ An LA's use of language X will be significantly restricted in comparison with an LC's use of the same language and the LA's earlier use of language X when he was an LC (if he indeed was an LC at one time)“

¹² An LA will exhibit a lack of adherence to the linguistic norm adhered to be an LC, both speakers of the same language X.

Другую классификацию носителей предлагает В. Дресслер, опираясь на лингвистические критерии, который разграничивает четыре степени редукиции, а также генерализацию (Dresler 1991: 99):

1. здоровые говорящие (healthy speakers), соответствующие «старшим компетентным говорящим в классификации Н. Дориан;
2. ослабленные говорящие (weaker speakers), редукиция в речи которых видна в уменьшении словарного запаса;
3. претерминальные говорящие (preterminal speakers), показывающие редукицию и генерализацию также в грамматике;
4. лучшие терминальные говорящие (better terminal speakers), у которых еще больше редукиции и генерализации;
5. худшие терминальные говорящие (worse terminal speakes), у которых сильно сокращен словарный запас и еще более редуцированная грамматика;
6. помнящие язык (rememberers), помнящие только отдельные единицы.

Однако определение степени редукиции представляется сложной задачей, поскольку для этого необходимо сравнение разных типов говорящих друг с другом. В связи с этим довольно трудно точно определить к какому типу относится тот или иной информант. В контексте данного исследования применение подобной классификации затруднительно еще и потому, что т.н. «здоровых говорящих», язык которых не подвержен языковой аттриции, по-видимому, уже нет.

Более простым кажется подход, предлагаемый Л. Кэмпбеллом и М. Мюнтцел, которые выделяют всего четыре типа говорящих:

1. сильных, или (практически) полностью компетентных (strong, or (nearly) fully competent);
2. несовершенных (imperfect), достаточно свободно говорящих, так называемых «полуязычных»;

3. слабых полуязычных (weak semi-speakers), с «более ограниченной языковой компетенцией»;
4. помнящих язык (rememberers), которые знают только отдельные слова или изолированные фразы (Campbell & Muntzel 1989: 181).

Данная классификация на первый взгляд представляется более применимой на практике, однако ввиду ограниченности использования ингерманландского финского языка в речевой практике информантов, которые участвовали в данном исследовании, представляется сложным разграничивать «несовершенных» и «слабых полуязычных» носителей, так как не представляется возможным оценить степень владения более сложной грамматикой и словарем. Большинство информантов были способны вспомнить лишь некоторые лексические единицы из анкеты. Даже в случаях, когда они помнили большую часть материала, получение некоторых грамматических форм представлялось невозможным, так как эти формы оказывались малоупотребимыми, а также сказывалось отсутствие для них естественного контекста, что мешало части информантов перевести предложение на финский язык.

Некомпетентные говорящие, как было показано, не представляют собой однородной группы и различаются не только по своей языковой компетенции, но и по уровню исходного овладения языком. Х.-Ю. Зассе, говоря о типах носителей языка в ситуации упадка языка, выделял два типа некомпетентных говорящих (*imperfect speakers*): первый – те, кто обладал достаточно хорошим знанием грамматики языка и полноценным пассивным знанием языка, но у кого есть пробелы в словарном запасе и сложных областях грамматики (Sasse 1990: 32). Такие носители, по замечанию Зассе, развиваются из ранее свободно говоривших на языке, но из-за недостатка коммуникации на языке так и не ставших полноценными носителями (Там же). Их также можно назвать «*forgetters*». Второй тип – это те, кого Зассе называет «полуязычными», - говорящий, «чье владение языком с самого начала было неполноценным до

патологической степени» (Sasse 1990: 33). Информанты первого типа составляли большинство в данной работе.

Стоит отметить, что исследователь не всегда может корректно оценить компетенцию информанта. Н.Б. Вахтин предлагает методику оценивания уровня владения языком самими говорящими, в основе которой лежит принцип экспертной оценки, то есть с точки зрения «эталонных» говорящих. В этом случае единицей обследования является поселок, экспертами являются жители поселка, хорошо знающие своих односельчан, и, соответственно, оценивающие их уровень владения языком (Вахтин 2001: 113-114). Данная методика, к сожалению, не может быть применена в данном исследовании, поскольку на территории Ингерманландии практически не сохранилось деревень, в которых бы жило больше одного-двух информантов, соответственно, оценить степень владения языком некому.

Выход из этой ситуации был предложен Д. А. Евменовым и М.З. Муслимовым. Поскольку, как указывают исследователи, наблюдать можно только «остаточную компетенцию в ингерманландском финском языке, а не образец местного диалекта»¹³, ими была предложена методика ранжирования ответов (Evmenov, Muslimov 2008: 92-93), применяемая, однако, для диалектологических исследований. Тем не менее, ее можно адаптировать и для целей данной работы. Информанты в этом случае должны родиться и вырасти в одной из деревень Ингерманландии, а также должны быть «в достаточной мере привержены речи на ингерманландском финском языке» (Там же). Оценивается не сама компетенция информанта, а то, насколько полученные от него ответы могут оцениваться как соответствующие конкретному диалекту. Учитывается четыре критерия:

1) владение информантом ингерманландским финским языком (ИФ), литературным финским языком (ЛФ) или литературным эстонским языком (ЛЭ) (3 – хорошее владение ИФ, плохое – ЛФ или ЛЭ, 2 – плохое владение ИФ,

¹³ “.. only a record of their residual competence in Ingrian Finnish rather than a sample of the local dialect”.

плохое – ЛФ или ЛЭ, 1 – хорошее владение ИФ, хорошее – ЛФ или ЛЭ, 0 – плохое владение ИФ, хорошее – ЛФ или ЛЭ);

2) нормативность варианта по отношению к литературному финскому языку (3 – соответствующий идиолекту, 2 – соответствующий местному диалекту, 1 – идентичный литературному эстонскому языку, 0 – идентичный литературному финскому языку);

3) выравнивание по аналогии в морфонологии (3 – отсутствие выравнивания, 0 – выравнивание по аналогии);

4) территориальная близость (3 – вариант, распространенный в небольшом ареале, 2 – распространенный близко к небольшому ареалу 1 – рассредоточенный в достаточно большом ареале, 0 – распространенный беспорядочно).

Такая система оценивания вариантов в данном исследовании адаптируется для оценивания компетенции информанта. Учитываются следующие факторы:

- 1) Идиолект информанта оценивается с точки зрения владения информантом ингерманландским финским языком и литературным финским языком по шкале от 3 до 0, где 3 – хорошее владение диалектом, умение отличать диалект и литературный язык, 2 – хорошее владение диалектом и литературным языком, диалект смешивается с литературным финским, 1 – предпочтение отдается литературному языку даже при хорошем знании диалекта, 0 – плохое знание диалекта.
- 2) Процент парадигм, затронутых аттрицией: 3 – процент аттриции ниже 10%, 2 – аттриция встречается в 10-25% полученных парадигм встречается выравнивание, 1 – выравнивание встречается в 25-50% полученных парадигм, 0 – выравнивание встречается в 50% и больше полученных парадигм.
- 3) Наблюдаются ли литературные формы в полученных парадигмах – 1 – нет, 0 – да.

Затем полученные баллы суммируются, тем самым оценивается диалектная компетенция информанта.

Также в рассмотрение берется отношение информанта к диалекту и к сообществу, в котором диалект функционирует:

- 1) Оценка отношения к диалекту: 3 балла – оценивает диалект как «свой» язык, и в случае, если дети не говорят, относится к этому с сожалением, 2 балла – оценивает диалект как часть финского языка, к передаче языка относится нейтрально, 1 балл – оценивает диалект как «испорченный» язык, но жалеет, что не может его использовать, не передал язык детям, 0 баллов – оценивает диалект как «испорченный» язык, будущее диалекта информанта не волнует.
- 2) Оценка этничности: 3 балла – ингерманландец/ингерманландка, финка-ингерманландка, *inkerläine*¹⁴ 2 балла – ингерманландский финн, *inkerin suomalaisen*¹⁵, «местный» финн, 1 балл – финн, *suomalainen*¹⁶, 0 баллов – русский/другое.

Отметим, что определение этничности информанта берется из социолингвистического интервью, проведенного с ним. Сначала описывается лингвистическая биография информанта, затем оценивается компетенция информанта, а также степень его лояльности к диалекту, после чего рассматривается соотношение двух этих аспектов.

2.2.2. Лингвистические проявления языковой аттриции

Источники изменений в языке, приводящих к аттриции, в целом могут быть разделены на три группы: (1) вызванные контактами с другими языками;

¹⁴ Ингерманландец

¹⁵ Ингерманландский финн

¹⁶ Финн

(2) внутрискруктурные изменения, не зависящие от внешнего влияния; (3) внутрискруктурные изменения, связанные с утратой языка (Груздева 2007: 26). Здесь, однако, возникает проблема разделения внутрискруктурных изменений, происходящих во всех языках и только в языках, находящихся в процессе утраты. Некоторые исследователи не ставят своей задачей разграничение языковых изменений, предлагая рассматривать их в комплексе. Такой подход предлагает, в частности, Р. Андерсен, который пишет, что «исследование языковой аттриции должно исходить из точки зрения использования языка» (Andersen 1982: 84). Аттриция изучается, таким образом, с точки зрения «(1) использования языка, (2) языковой формы, (3) компенсаторных стратегий, (4) лингвистических последствий эрозии языка (Andersen 1982: 87).

Целью других исследователей является выявление различий между контактными и внутрискруктурными изменениями. Например, Селиджер и Ваго (Seliger and Vago 1991) разграничивают внешние и внутренние языковые изменения. Под внешними изменениями понимаются «перенос, интерференция, конвергенция, межязыковые эффекты и кросслингвистическое влияние: элемент (форма, конструкция и т.д.) в L1 моделируется по аналогии с L2»¹⁷ (Там же: 7). Внутренние изменения «мотивированы либо универсальными принципами, либо относятся к какому-либо явлению грамматики L1»¹⁸ (Там же: 10). Зассе (Sasse 1992) противопоставляет изменения, вызванные контактами, и изменения, связанные с утратой языка. В целом, контактные изменения являются наименее спорной точкой зрения, когда сходство между системами L1 и L2 достигается либо вследствие утраты элементов языковой системы, либо вследствие заимствования из L2 в L1 (Груздева 2007: 28).

Среди структурных языковых изменений, вызванных контактами, выделяется конвергенция, то есть утрата несовпадающих форм в контактирующих языках, и интерференция – появление новых форм в одном из

¹⁷ „transfer, interference, convergence, interlingual effects, or crosslinguistic influences: an element (form, construction, etc.) in L1 is patterned on analogy to L2”

¹⁸ «the modification of linguistic forms is either motivated by universal principles or is related to some fact in the particular grammar of L1».

контактирующих языков под влиянием другого. Поскольку аттриция – это утрата форм в языке, то она, вероятно, связана с конвергенцией (Там же). Эти процессы происходят на всех языковых уровнях: фонологии (утрата долгих гласных в языке пипил под влиянием испанского, см. Campbell and Muntzel 1989: 186), морфологии (утрата обязательного маркирования категории посессивности в языке серуа под влиянием малайского языка, см. Van Engelenhoven 2003). На уровне морфонологии контактная конвергенция описана, например, в языке дахало, который под влиянием суахили утратил ранее продуктивные способы образования именного множественного числа: изменение конечного гласного и изменение тоновой модели (Tosco 1992: 148, цит. по Груздева 2007: 29). Процессы языкового изменения под влиянием языкового контакта также затрагивают лексику, что часто происходит при языковом контакте, однако является опасным в случае, если заимствование происходит только из L2 в L1, лексика не интегрируется ни фонологически, ни морфологически, заимствования замещают исконные слова и т.д. (Dressler 1991: 102-103).

Однако аттриционные явления не всегда могут быть объяснены влиянием языковых контактов. Селиджер и Ваго выделяют четыре типа внутрисконструктурных изменений, которые приводят к языковой аттриции (Seliger and Vago 1991: 10-11):

1. Аналогическое выравнивание (*analogical levelling*), при котором «маркированная черта или нерегулярная модель исчезает и заменяется немаркированной или регулярной моделью».¹⁹ Р. Андерсен, высказывая гипотезы о выравнивании по аналогии, указывает, что, во-первых, «более частотная форма или конструкция заменит нерегулярную форму или конструкцию при аналогическом выравнивании», а, во-вторых, что «при сверхгенерализации именно та морфема, которая употребляется часто, является слогаобразующей или свободной и меньше связана с другими семантическими категориями, будет наиболее вероятным кандидатом для

¹⁹ “whereby a marked feature or irregular pattern is eliminated and replaced by the unmarked, general or regular pattern.”

сверхгенерализации» (Andersen 1982: 103-104). Примером выравнивания по аналогии на ингерманландском материале может быть переход лексем из менее употребительных словоизменительных типов в более частотные, что встречается и в речи компетентных носителей языка (Муслимов 2007: 227).

2. Парадигматическое выравнивание (*paradigmatic levelling*), при котором «регулярные чередования морфем сокращаются, что ведет к более однородным парадигмам».²⁰ Для прибалтийско-финских языков (ПФЯ) западной Ингерманландии характерно устранение регулярных чередований в парадигме, проявляющееся либо в полном исчезновении чередований, либо в «замене одного алломорфа основы на алломорф с другой ступенью чередования». Сокращение алломорфов именного склонения затрагивает, в частности, падежные показатели иллатива и партитива (Муслимов 2007: 227-228).

3. Категориальное выравнивание (*category levelling*), «нейтрализующее категориальные различия путем распространения области одной категории на другую».²¹ Описывая глагольную морфонологию северных финских говоров Ингерманландии, А.Е. Доброва отмечает, что «утрачено противопоставление показателя имперсонала –*taa*, употребляемого в формах плюралиса 1 лица презенса, и показателя плюралиса 2 лица –*tta*», в результате чего к показателю имперсонала стал добавляться показатель сингуляриса 1 лица –*n* (Доброва 2014: 106). М.З. Муслимов также приводит в пример нейтрализацию оппозиции аккузатив/партитив и аккузатив/номинатив, окказионально встречающуюся в речи некоторых говорящих (Муслимов 2007: 228).

4. Категориальное переключение (*category switch*), при котором «категория сохраняется, но выражается с помощью других языковых средств».²² Для ПФЯ в Ингерманландии характерна, например, замена абессива на падежную конструкцию *ilma* («без») + *Part*, а также утрата притяжательных суффиксов с

²⁰ “regular alternations of morphemes are reduced, leading to more uniform paradigms.”

²¹ neutralises categorical distinctions by extending the domain of one category to another.

²² “a category is maintained conceptually, but is expressed in a different linguistic form.”

последующей их заменой на генитив соответствующих личных местоимений (Муслимов 2007: 229). Указанные изменения, однако, можно связать и с контактным влиянием, так как в литературном финском языке, например, отсутствует абессив, а в литературном эстонском – притяжательные суффиксы. Также необходимо учитывать, что степень владения языком у говорящих может значительно отличаться, и их идиолекты могут отличаться «как по степени сохранности старой системы, так и по произошедшим в этих идиомах изменениям» (Там же).

Исследованием языковой аттриции на материале ингерманландских диалектов финского языка занималась Н. Riionheimo, изучая аттрицию в области глагольной морфонологии финнов-ингерманландцев, живущих в Эстонии. Рийонхеймо ставит задачу исследования связанных морфем, а также морфологической прозрачности, на материале образования форм имперфекта. Ее подход, безусловно, интересен, но связан скорее с психолингвистическим аспектом языковой аттриции, социальные факторы практически не берутся в рассмотрение (Riionheimo 1998).

Важной задачей при исследовании языковой аттриции является разграничение индивидуальных изменений и изменений, произошедших в говоре, вывод о которых делается на основе сравнения идиолектов информантов, между собой не контактирующих. Тем не менее, даже при таком подходе, далеко не всегда оказывается возможным разграничение изменений, характерных для языкового сдвига, и явлений, характерных для «здорового» языка.

При оценке изменений, происходящих в языке, М.З. Муслимов предлагает ориентироваться на четыре критерия (Муслимов 2007: 230-231):

- 1) время появления данного явления: если оно фиксируется в начале XX века, то может быть связано с языковыми контактами или внутривидовыми тенденциями;

- 2) географическое распределение данного явления: признаком недавнего появления инновации может быть отсутствие сплошного ареала ее распространения, что может быть связано либо с языковым сдвигом, либо с влиянием литературного финского языка;
- 3) корреляция между степенью владения языком и наличием данного явления в идиолекте данного информанта;
- 4) особенности лингвистической биографии данного информанта, в частности, изучение или владение литературным финским или эстонским языком.

Данные критерии принимаются во внимание и при анализе материала в данном исследовании.

Выводы

В данной главе рассматриваются центральные понятия данного исследования – языковой сдвиг и языковая аттриция.

Описание языкового сдвига невозможно без учета как социальных факторов, способствующих этому процессу, так и структурных изменений в языке, которые при этом происходят. В социо-коммуникативном аспекте в рассмотрение берутся такие вопросы как функциональность языка, домены, в которых происходит общение, мотивации использования титульного языка или же, напротив, отказ от него, а также вопросы языкового престижа. Все эти факторы оказываются тесно связаны, и рассмотрение лишь одного из них не способно дать представление о причинах и условиях языкового сдвига.

Вторым важным аспектом описания языкового сдвига является исследование структурных изменений в языке, происходящих в результате языкового сдвига, то есть описание языковой аттриции. В данном исследовании это понятие раскрывается на индивидуальном уровне: рассматриваются изменения на разных языковых уровнях (фонетическая редукция, различные виды выравниваний в области морфонологии), которые происходят в идиолектах носителей финских диалектов Центральной Ингерманландии.

Описание четырех основных типов изменений в структуре языка: аналогического, парадигматического, категориального выравнивания и категориального переключения может помочь лучше понять механизмы, происходящие в языке в результате языкового сдвига.

В данной главе также предлагается методика определения компетенции информантов в условиях отсутствия спонтанных текстов посредством опоры на данные социолингвистических интервью и отношения информантов к своему языку. Посредством сопоставления этих двух показателей предполагается

выяснить наличие или отсутствие корреляции между аттриционными явлениями в идиолектах информантов и социальными факторами.

Глава 3. Языковая аттриции в центральноингерманландских диалектах.

3.1. Характеристика материала

Сбор материала производился методом опроса носителей ингерманландского диалекта финского языка, родившихся и/или проживающих в приходах центральной Ингерманландии. Всего в исследовании принял участие 21 информант, представлявших приходы Скворицы, Губаницы, Молосковицы, Кобрино, Колпаны, Серепетта, Хиэтамьяки, Ярвисаари (восточная Ингерманландия), а также прихода Вуоле (северная Ингерманландия). Наличие в выборке информантов из приходов, не относящихся к центральной зоне, объясняется необходимостью получения именных парадигм из говоров других приходов для сравнения полученного материала из центральных районов и определения изменений в языке либо как следствия аттриционных процессов, либо как следствия региональных особенностей диалекта, а также для более детального освещения социолингвистической ситуации во всем регионе. Анкета, использованная для получения грамматических форм имен, представляла собой предложения на русском языке, которые информанту предлагалось перевести на финский язык (подобный метод использован, например, у Л.Я. Галаховой (Галахова 1974: 5)). Стимулы составлялись, в частности, исходя из анкеты, использовавшейся для нижнелужского ижорского. Выбор такого метода объясняется тем, что для проведения исследования необходимо было получение как можно более полных парадигм для каждой лексемы из списка (см. Приложение). Здесь нужно отметить, компетенция далеко не всех информантов позволяла им вспомнить перевод всех лексем на финский язык (информанты ЕК, НК, VН), либо же информанты могли вспомнить лишь изолированную словоформу (чаще в Nom.Sg. или Part.Sg.Pl.), но испытывали трудности при переводе предложений с этой лексемой. Традиционный для исследований ингерманландских диалектов метод записи и анализа спонтанной речи (использованный, например, в кандидатской диссертации М.З. Муслимова «Языковые контакты в Западной

Ингерманландии: нижнее течение реки Луги») в данном случае не подходит, так как в этом случае получение большого количества разных форм от одной лексемы, по-видимому, не представляется возможным.

К сожалению, не от всех информантов удалось получить полные парадигмы для всех лексем, представленных в анкете, однако полученный материал позволяет составить достаточно полную картину особенностей именной морфологии диалектов центральной Ингерманландии.

Дополнительной сложностью при проведении исследования оказалась также необходимость чередовать вопросы морфологической анкеты и социолингвистического интервью, что связано с относительной монотонностью процесса получения нужных грамматических форм, чтобы усталость информанта не становилась одним из факторов, влияющих на порождение форм. С другой стороны, некоторые информанты, напротив, не хотели освещать некоторые аспекты, необходимые для социолингвистической анкеты, даже при свободном разговоре, поэтому акцент было необходимо делать на грамматической анкете, а социолингвистическая анкета заполнялась уже постфактум при анализе бесед с информантом. Подобное явление отмечают также Ф.И. Рожанский и Е.Б. Маркус при исследовании социолингвистической ситуации у носителей ижорского языка: «поскольку практически все носители ижорского языка являются пожилыми людьми, пережившими депортацию и последующие гонения, сбор персональной информации в жанре анкеты «вопросы по пунктам» мог вызвать негативную реакцию и нарушить контакт с исследователем» (Рожанский, Маркус 2013: 265).

Всего было получено 417 парадигм (не все из которых полные), в которых представлено 4594 словоформы 47 лексем. Некоторые лексемы, которые были изначально включены в список (*huurre* «мороз», *turve* «дерн», *pijot* «свадьба», *hauki*²³ «щука», *kuoleva lintu* «мертвая птица»), позднее были исключены из него, поскольку информанты их не помнили или испытывали трудности при образовании форм.

²³ Информанты говорили, что у них в деревне не водились щуки, поэтому такое слово никто не употреблял.

3.2. Некоторые замечания о фонетике и морфонологии ингерманландских диалектов финского языка

Для фонологической системы некоторых финских диалектов характерна развившаяся вторичная геминация, т.е. удвоение согласных в положении между кратким ударным слогом и долгим гласным или дифтонгом (CVCCVV, CVCCV̄), который образовался вследствие выпадения смычного согласного в слабой степени, либо интервокального *h*, например, *kujjaa* – III.Sg. от *kuja* «двор», *lihhaa* –III.Sg., Part.Sg. от *liha* «мясо». После краткого слога удваиваются все согласные, после слога со второстепенным ударением данное явление касается согласных *t, k, m, l, n*. Общая геминация встречается в юго-восточных, всех савокских диалектах финского языка, а также в ижорском и в некоторых говорах водского языка. (Галахова 1979:221). В говорах прихода Тюрё геминация появляется также в случаях, когда начальный слог имеет структуру CVV или CV̄, в четном слоге долгий или полудолгий гласный, а также дифтонг, например, *noussoo* (встаёт), *noussoi* (они встают), *uattuu* (Part.Sg. от *uatu* «утро»). Геминация после безударного слога, отмеченная Л.Я. Галаховой в основном в дер. Куккузи, Бронки, Таменгонт прихода Тюрё (Ломоносовский район), например, *lukemmaa* «читать», *valkehhi* «белых», *rukehhee* «в рожь», не правилами ни общей, ни вторичной геминации, а также влиянием хэваского диалекта ижорского языка, что, по мнению исследователя, является признаком развития собственных правил геминации, характерных не для прибалтийско-финских языков, а для ограниченного числа финских говоров Ленинградской области (Галахова 1974 : 129). Такая расширенная геминация, по-видимому, является относительно молодым явлением, поскольку Л.Я. Галахова указывает, что М. Рапола называл ее молодым явлением в 1966 году (Галахова 1979: 222).

Особенностью многих финских диалектов Ингерманландии также является дифтонгизация долгих гласных **aa > ua* и **ää > iä*, причем ее наличие варьируется от региона к региону: дифтонгизация в первом слоге

(«умеренная») и слогах дальше первого, так называемая «радикальная» характерна для приходов Марково и Ярвисаари (Восточная Ингерманландия), дифтонгизация в первом слоге (умеренная) встречается в ряде приходов Центральной Ингерманландии (к востоку от Стрельны-Ст.Бегуниц-Волосово) и отсутствует к западу от указанной линии (Муслимов 2009:189). Дифтонгизации также могут подвергаться *oo > uo, ua*öo > yö, yä, *ee > ie, ia, однако в «умеренном» виде она присутствует во всех говорах.

Наличие или отсутствие дифтонгизации не является единственным признаком, позволяющим различать говоры приходов Ингерманландии. Им также присущи различия в наличии или отсутствии чередовани st/ss, наличие которого характерно для говоров западных районов Ингерманландии, наличии или отсутствии показателя множественного числа –loi-/–löi-, характерного для сойкинского, хэваского и оредежского диалектов ижорского языка, карельского и частично водского языка (под влиянием водского) (Лаанест 1966: 106-108). Присоединение этого показателя осуществляется, по-видимому, к именам с основой на –u, –y, –o, –ö, –i в карельском языке (Зайков 1999: 32), в ижорском языке (Лаанест 1966: 106-107). А. Лаанест не формулирует такого правила, однако, судя по приводимым на странице 106 примерам (tüttölöille «девушкам», lonttiloille «на льдины», verkkoloil «на сетях», uhluloil «на ведрах», rökšülöiž «в штанах», ларšילוil’е «на детей, детям»), –loi-/–löi- присоединяется к основам на u, –ü, –o, –ö, –i, либо же к таким основам, в которых во множественном числе происходит замена e > i (ларše – ларši). Для финских диалектов Ингерманландии подобное правило формулируется М.З. Муслимовым (Муслимов 2009: 191) и, учитывая наличие типологических параллелей, можно предположить, что условия присоединения показателя множественного числа –loi-/–löi- в финских диалектах Ленинградской области будут выглядеть примерно так же, как в карельском и ижорском языках.

Еще одна особенность ингерманландских диалектов без радикальной дифтонгизации, сохранивших долгие гласные дальше первого слога –это нерешенный окончательно вопрос о наличии противопоставления долгих и кратких гласных в этой позиции. По наблюдениям А. Лаанеста, в 60-х годах в

сойкинском диалекте ижорского языка долгие гласные непервых слогах сохранились, в отличие от хэваского и нижнелужского диалекта, где употреблялись краткие или полудолгие гласные. В оредежском диалекте в непервых слогах были представлены краткие гласные (Лаанест 35: 1967). Фонологическая оппозиция гласных трех степеней долготы представлена в эстонском языке (краткий-долгий-сверхдолгий).

В финских диалектах Ленинградской области А. Лаанест еще в 60-е гг. отмечал постепенное укорачивание гласных в слогах дальше первого, связывая это с контактным влиянием русского языка. Однако нагрузка оппозиции краткий:долгий в финских диалектах Ингерманландии частично снимается наличием геминации (Лаанест 36: 1967). Для ингерманландских диалектов финского языка С.А. Ракитина показывает наличие неустойчивых продленных гласных, которые, однако, не составляют фонологической оппозиции с устойчивыми краткими и долгими. Ракитина также демонстрирует что, в зависимости от позиции слова в предложении, продленные гласные могут совпадать с краткими или долгими в двусложных словах (Ракитина 2015: 63-64). В трехсложных словах в открытом слоге «исторически краткий гласный оказывается длиннее, чем исторически долгий» (Там же). Ракитина предполагает, что в трехсложных словах в последнем слоге отсутствует различие гласных по долготе. Все вышеуказанное вызывает некоторые трудности при определении долготы гласного в непервом слоге, поэтому для гласных в данной работе приняты следующие обозначения: а для краткого, диграф аа для долгого, и à с грависом обозначает гласные, которые не воспринимаются как определенно долгий или определенно краткий.

Чередование ступеней согласных в финских диалектах Ленинградской области, в целом, соответствует представленному в финском литературном языке. В ингерманландских диалектах смычные между гласными чаще всего являются глухими (p, t, k), в отличие от ижорского языка. Полузвонкие B, D, G могут появляться в говорах отдельных деревень Всеволожского и Волосовского районов (*käGi* «кукушка», ср. центральноингерманландский вариант *käki*). (Галахова 1974: 42-43). Такое же явление, вызванное, однако, контактами с

ижорским языком, отмечает А. Лаанест в эурямёйсском диалекте Ингерманландии (Лаанест 1966: 21). В Таблице 1 приведены основные чередования ступеней, характерные для финских диалектов Ингерманландии (на основании работ Л.Я. Галаховой и М.З. Муслимова) и для литературного финского языка (Грамматика 1958).

Таблица 1. Чередования ступеней.

Финские диалекты Ингерманландии		Литературный финский язык	
сильная ступень	слабая ступень	сильная ступень	слабая ступень
tk	-	tk	-
st	ss / -	st	-
sk	s / -	sk	-
ht	h	ht	hd
hk	h / -	hk	- / h
k	ø / j / v	k	ø
t	ø / j / v	t	d
tt	t	tt	t
kk	k	kk	k
pp	p	pp	p
p	v	p	v
mp	mm	mp	mm
rt	rr	rt	rr
nt	nn	nt	nn
lt	ll	lt	ll
lk	l	lk	l/lj
rk	r	rk	r/rj

По наличию или отсутствию некоторых чередований ступеней можно определить, изменяется ли лексема по литературному или диалектному типу

(ср. Nom.Pl. от *vesi* «вода» слабоступенной основой: *veet/vejet* в диалекте (t // ø / j) и *vedet* (t//d) в литературном финском языке).

Все вышеуказанные особенности необходимо учитывать при анализе морфонологии финских диалектов Ингерманландии.

3.3. Проявления аттриции

Языковая аттриция в исследованном материале проявляется различными способами, которые включают в себя аналогическое выравнивание, парадигматическое выравнивание, категориальное переключение, категориальное выравнивание, заимствования из финского литературного языка, синтаксическую редукцию, а также фонологические и синтаксические изменения, вызванные влиянием доминирующего языка.

3.3.1. Смешение типов

Смешение словоизменительных типов имен является одним из примеров аналогического выравнивания, которое проявляется в первую очередь в том, что лексема интерпретируется как принадлежащая к нескольким типам, что вызывает смешение этих типов при словоизменении. Необходимо отметить, что хотя выравнивание по аналогии обычно описывается для замены нерегулярных типов регулярными, однако реинтерпретация принадлежности лексемы к тому или иному типу тем не менее происходит и при одинаково продуктивных словоизменительных типах. Смешение типов может появляться в следующих случаях:

1. Основа имени оканчивается на один и тот же гласный в единственном числе (как в *omena* «яблоко» – основы множественного числа выступают как *omeni-* и *omenoi-*). Частично это может быть также связано с принадлежностью одной и той же лексемы к разным типам в говорах разных приходов: материал данного исследования показал, что в диалектах приходов Кобрино (ст.

Сиверская), Ярвисаари (д. Муйя), Хиэтамьяки (д. Кемпелево), Молосковица (д. Малые Озертицы) лексема *porstuva* «сени» относится к типу слов многосложных слов на –а с основой множественного числа на –і, тогда как идиолектах информантов из приходов Губаницы (д. Кандокюля), Скворицы (д. Ахмузи) и Колпаны (д. Черницы), представляющих западногатчинский диалект, эта лексема относится к типу многосложных слов на –а с основой множественного числа на –oi.

В отличие от *porstuva* «сени», варианты которого имеют географическую дистрибуцию, вариант *omena* с основой на –oi в чистом виде появляется лишь у информанта НР, в смешанном виде с непоследовательным использованием основы на –і и на –oi у информантов VН и RRm, у остальных 18 информантов *omena* относится к типу с основой на –і.

2. Одно и то же значение выражается лексемами, которые относятся к разным типам типа *makja* – *makkee*, *rimjä* – *rimejä* – *rimtee*. Смешение основ этих типов, видимо, исторически связано с тем, что тип *rimtee* по крайней мере в диалекте прихода Тюрё (Ломоносовский район) в 50-х годах выглядел следующим образом: Nom.Sg. *rimtē*, Iness.Pl. *rimiġās* (темный), а также Nom.Sg. *korkē*, Nom.Pl. *korkēt*, Adess.Pl. *korkiġält* (высокий). При этом в береговых диалектах в начале слога со вторичным ударением слышалось *j*: *valkijas* (Iness.sg. от *valkija* «белый», *rimejäs* (Ruoppila 66: 1955). Таким образом, смешение типов в подобных лексемах хотя бы в некоторых бывших эурямейских говорах Ленинградской области имело регулярный характер, например, в говорах приходов Тюрё и Хиэтамьяки. Руоппила отмечает, что для эурямейских говоров характерна ассимиляция конечного класного формы с предшествующим гласным, в связи с чем и появился долгий гласный у *rimtee*, *makkee* (Руоппила 2012: 341, 343). Предшествующие описания говоров приходов центральной Ингерманландии, представленных в основном савакотскими говорами, не дают основания утверждать, что смешение типов в них может быть закономерным явлением.

3. Форма Part.Sg. на долгий гласный реинтерпретируется как основа единственного числа, от которой впоследствии образуется основа

множественного числа. Чаще всего это происходит в именах с основой на –е, что приводит к тому, что от основы с продленным гласным начинает образовываться плюральная основа с дифтонгом *ee + i > ei, что переводит лексему в другой словоизменительный тип, например, III.Pl. *suveihen* от формы III.Sg. *suvvè* (*susi* «волк»)

4. Добавление показателя деминутива -ne-, переводящего лексему в тип на –ne (подробнее о типах см. раздел 3.4.). Суффикс деминутива, при этом, может добавляться не только к основе единственного числа, но и в некоторых случаях к основе множественного числа после показателя плюралиса: у Vh в Gen.Pl. *jokiloisen*, RRm в Transl.Pl. *jokiloiseks* от *joki* «река». Частотным является появление показателя деминутива у информанта RRm: такой вид смешения типов появляется в 8 формах, причем в формах All.Pl. *tuaheloisel* и Abl.Pl. *tuaheloiselt* аффикс также занимает позицию после показателя множественного числа –loi-/–löi-.

5. При выпадении конечного согласного в форме Nom.Pl. лексема интерпретируется информантами как разный тип (*kyntel'*, *kans*). В этом случае тип, к которому информант относит лексему, зависит от того, какой гласный информант пытается восстановить. Это приводит к тому, что *kyntel'* «свеча» относится либо к типу двусложных имен с основой на –i типа *harmi* «досада», либо к типу *kynttilä* с основой множественного числа на –öi.

3.3.2. Реинтерпретация и переразложение основ.

Это явление возникает нерегулярно и лишь в небольшом количестве случаев (всего четыре на весь материал). При этом одна из падежных форм образуется нерегулярно, реинтерпретируется как основа единственного числа, которая начинает изменяться в соответствии с новым типом (*onnemusta* – *onnetomuksen* – *onnetomuhja* – *onnetomuksija*).

Рассмотрим этот случай подробнее.

onneton «несчастный»

	Sg	Pl
Nom	onneton	onnettomat
Gen	onnetoman	
Part	onnetomusta	onnettomija onnettomiva
Ill		onnetomuhja
Iness	onnetomìs	
Elat	onnetomisesta	onnetomìst
Transl	onnetomuksen	onnetomuksija
Essiv	onnetomisen	

Nom.Sg. дан информантом МА в форме *onneton* как в литературном финском языке. В Iness.Sg. *onnetomìs* используется основа множественного числа в единственном числе. Для Part.Pl. *onnettomija*, образованного от сильной основы с геминатой, дан второй вариант *onnettomiva* с заполнением зияния *ia с помощью -v-. Для образования формы Elat.Pl. *onnetomìst* используется слабая ступень, в Nom.Pl. *onnettomat* - сильная с геминатой. В Elat.Sg *onnetomisesta*, где использовано окончание эссива из литературного финского языка, и Essiv.Sg. *onnetomisen* используется гласная основа *onnetomise-*, появление которой, по-видимому, связано с типом *hevone* (гласная основа *hevose-*). В Part.Sg. *onnetomusta*, Transl.Sg. *onnetomuksen*, Ill.Pl. *onnetomuhja* и в Transl.Pl. *onnetomuksija* используется основа как в типе *kusymys* (имена на -s с гласной основой на -kse, согласная основа совпадает с Nom.Sg.). По-видимому, в Part.Sg. происходит окказиональное использование основы *onnetomus-*, которая далее реинтерпретируется как тип *kusymys*, от которого образуется гласная основа на -kse: *onnetomuksen*, что, по-видимому, также может быть связано со схожестью -kse- и показателя транслатива -ksi в финском литературном языке. Схожесть эта приводит к тому, что гласной основой становится *onnetomu-* с апокопой -s, которая и используется далее для образования форм Ill.Pl. *onnetomuhja* и в Transl.Pl. *onnetomuksija*, где показатель Part.Pl. -ja (не встречающийся, однако, в идиолекте информанта МА) реинтерпретируется как

показатель множественного числа, занимающий позицию после падежного показателя (подробнее о реинтерпретации падежных окончаний см. в параграфе 3.1.4). В данном случае падежными показателями являются -h илллатива, характерный для прихода Молосковицы и -ksi транслатива, заимствованное из финского литературного языка.

Еще одним случаем реинтерпретации и переразложения стало восстановление конечного гласного по аналогии с существующим суффиксом, что встретилось у информанта МН для лексемы *hapan* «кислый», который был проинтерпретирован как *havana*, по аналогии с *tyven* - диалект. *tyvenä* «тихий, спокойный»). Это вызвало смешение типов, при котором основа плюралиса образовывается как в типе *avvain* на -i, а основа единственного числа образуется с использованием -se- (Ill.Sg. *happasèn*, Iness.Sg. *happases*). Появление -se- может быть вызвано реинтерпретацией -na из Nom.Sg. как -ne, что вызывает изменение по типу *hevone* (с гласной основой на -se).

Частным явлением такой реинтерпретации, по-видимому, можно считать смешение лексем. Оно наблюдается при наличии чередования ступеней одного и того же сочетания согласных в разных лексемах, относящихся к разным типам, но в случае слабой ступени звучащих схоже, когда слабоступенная форма похожей лексемы заменяет либо сильноступенную форму: *lammen* (Gen.Sg. от *lampi* «небольшое озеро» в качестве Gen.Sg. для *lammis* «овца» (при ожидаемом *lampaan*), либо слабоступенную форму: Elat. Sg. *kannast*, Iness.Sg. *kannas*, Elat.Sg. *kantoist* от *kanta* «стебель» вместо ожидаемых *kannest*, *kannes*, *kansist* для *kans* ' «крышка».

3.3.3. Влияние другого языка

1. Влияние русского языка, что проявляется в нейтрализации фонологической оппозиции tt/t в случае появления основы *opetaj-* для *opettaja* «учитель». Такое влияние доминирующего языка, приводящее к изменениям в языке, находящемся под угрозой исчезновения, предполагает Р. Андерсен, указывая, что в речи двуязычного менее компетентного носителя языка будет

наблюдаться меньшее количество фонологических оппозиций, чем у полностью компетентного носителя, а также лучше будут сохраняться оппозиции и черты, присущие обоим языкам или же только доминантному языку (Andersen 1982: 95). Встретившийся в материале данного исследования случай, однако, может быть объяснен также обобщением правила (в этом случае – правила чередования сильной и слабой ступеней в основе) и применением его даже при отсутствии условий для применения этого правила. Вторым проявлением нейтрализации оппозиции является нарушение сингармонизма, который в финском языке касается рядности гласных звуков: при нормальных условиях гласные переднего ряда (ä, ö, y) не могут сочетаться с гласными заднего ряда (a, o, u) в пределах одной основы и относящихся к ней аффиксов (это, однако, не касается приставки *erä-* и некоторых заимствований). Тем не менее, у RRM встретилось несколько случаев, когда показатель множественного числа *-loi/-löi-* выступал в виде *-loi-* в основе с гласными переднего ряда: *vettäloi* (Part.Pl. от *vesi* «вода»), *mäkilois* (Iness.Pl. от *mäki* «гора»). Для идиолекта МН в целом характерен сдвиг гласных переднего ряда назад, так что они звучат скорее как гласные среднего ряда. Подобные изменения в фонетике отмечаются и для языка финских иммигрантов в США, где, как отмечают Кэмпбелл и Мюнтцел, под влиянием доминирующего языка (английского) полуязычные говорящие «часто сокращают геминированные согласные до негеминированных, и они также производят большое количество замен для губных гласных переднего ряда, которые варьируются от *yu* до *u* для /y/ ([*ü*]) и ретрофлексных шва для /*ö*/ (Campbell & Muntzel 1989: 187)²⁴

2. Влияние литературного финского языка, проявляющееся в трех случаях:

1) Заимствование лексемы из литературного языка. Помимо частичного смешения словоизменительных типов, также вызванного литературным финским языком, некоторые информанты используют не диалектизм, а лексему

²⁴ «also they often reduce geminate consonants to nongeminates; and they produce a variety of substitutions for the front rounded vowels ranging from *yu* or *u* for *yl* ([*ü*]) to retroflexed schwas for /*ö*/»

из литературного языка, которая не употребляется в диалекте. В нашем материале это лексемы *onneton* «несчастный» (ц.ингерм. *onnetoin*) у информанта МКН (Gen.Pl *onnettomin*), *perhe* «семья» (ц.ингерм *pere*) у информантов ТА, НК, у которых также представлен соответствующий литературный тип словоизменения без геминации, и *makuinen* «вкусный» (ц.ингерм *makusa*, *makus'a*) у информанта НР (за исключением формы Nom.Sg.). Не у всех информантов заимствование происходит целиком, так лексему *perhe* у информанта МА характеризует образование форм иллатива с помощью показателя –h (Ill.Sg. *perhèh*, Ill.Pl. *perheih*).

2) Замещение в части парадигмы диалектных форм литературными. Это одно из проявлений смешения типов, которое, однако, связано с влиянием литературного языка, а не других словоизменительных типов в рамках диалекта. Это явление можно наблюдать для лексем *onneton/onnetoin*, когда часть парадигмы изменяется по типу литературного *onneton*, а часть – по типу диалектного *onnetoin* (у информантов SH, NH), при этом в Nom.Sg. и Part.Sg. выступает лексема *onnetoin*, в Gen.Sg., Ill.Sg., а также Iness.Sg. и Part.Pl. – по типу *onneton*. Влияние диалекта может также проявляться в геминации в четвертом слоге с долгим гласным (подробнее о типах и дистрибуции основ см. параграф 3.4.). Интересным образом замещение части парадигмы проявляется в идиолекте информанта НР: используется лексема из литературного финского языка, но к ней применяется правило общей геминации в четвертом слоге, а чередования ступеней не происходит, таким образом форма Part.Pl. выглядит как *onnetommi* вместо ожидаемого **onnettommi*. Частичное замещение диалектных алломорфов падежей литературными также характерно для идиолектов информантов МН (9 случаев в лексемах *susi* «волк», *lähe* «родник», *jumala* «бог», *lehti* «лист»), МКН (12 случаев в лексемах *susi* «волк», *lähe* «родник», *vesi* «вода»). В лексеме *lähe* с сильной основой *lähte-* у обоих информантов произошло выравнивание номинатива ед.ч. по сильной ступени, которая затем была реинтерпретирована как сильная по типу литературного языка с чередованием ht//hd, что вызвало возникновение форм со слабой основой *lähde-*, например, Elat.Sg. *lähdest*, Elat.Pl. *lähdeistä*. Такая

реинтерпретация не может быть названа заимствованием лексемы из литературного языка, так как лексемы *lähe/lähte* со значением «родник» в финском литературном языке не существует.

3) Заимствование падежных окончаний, которое появляется практически у всех информантов: III. на $-\bar{V}n$ (33), III.Pl. на $-hin$ (51, но это окончание употребляется также в ряде говоров), Iness. на $-ssa/-ssä$ (59), Elat. на $-sta/-stä$ (53), All. на $-lle$ (4), Adess. на $-lla/-llä$ (9), Abl. на $-lta/-ltä$ (2), Essiv на $-na/-nä$ (35), Transl. на $-ksi$ (53). Наибольшее количество литературных окончаний встречается у информантов МН, МКН, МА, VK, LR, что связано с социолингвистическими аспектами, обсуждаемыми в Главе 4.

3.3.4. Реинтерпретация падежных показателей

С падежными окончаниями также связан такой интересный феномен как присваивание целому падежному окончанию или его элементу нового грамматического значения. Рассмотрим три таких случая:

1. Литературное окончание транслатива $-ksi$ в 4 случаях используется для противопоставления единственного и множественного числа транслатива разными информантами (МКА – *opettajaks – opettajaksi*, ТА – *suveks – suveksi*, *repoks – repoksi*, МН – *kärmeks – kärmeksi*). Это можно объяснить сходством $-i-$ в $-ksi-$ и показателя множественного числа $-i-$, который используется в косвенных падежах. По-видимому, произошла реинтерпретация и переразложение $-ks-i-$, где конечное $-i-$ начало выполнять функцию показателя множественного числа.

2. Показатель множественного числа партитива $-j-a$, характерный для литературного финского языка, у информанта МА в парадигме лексемы *onneton* «несчастный», реинтерпретируется как показатель множественного числа, который ставится после падежных показателей, что приводит к появлению

форм III.Pl. *onnetomuhja* и Transl-Pl. *onnetomuksija*, Part.Pl. выглядит как *onnettomija*. Более подробно данная парадигма описана в параграфе 3.3.2.

3. Показатель Transl. *-ks-* у информанта RRm в форме Essiv.Sg. *matoksel* (ср. Transl.Sg. *matoks*) от *mato* «червяк», по-видимому, реинтерпретируется как часть основы, которая оканчивается на *-ks*. Далее по аналогии с типом *kysymys* (гласная основа на *-kse*), эта новообразованная основа начинает функционировать как гласная основа на *-kse*, от которой при помощи показателя *-l* аллатива/адессива образуется форма, которая используется вместо эссива (см. параграф 3.3.7. о категориальном выравнивании в падежах).

К реинтерпретации падежных окончаний можно, как представляется, отнести и наслаивание друг на друга падежных показателей и образование в результате нового с таким же значением: *-ksil* в транслативе у информанта МН *suajeksil* от *suae* «дождь», и *-hel* в иллативе множественного числа у информанта RRm *mattoloihel* от *mato* «червяк» и *jalkoihel* от *jalka* «нога». Показатель *-ksil* образуется путем совмещения показателя транслатива *ksi* и показателя аллатива/адессива *-l*, а показатель *-hel* образуется путем совмещения показателя иллатива *-he* и показателя аллатива/адессива *-l*. Семантическое сходство этих показателей, описанное в параграфе 3.3.7., приводит к тому, что значение исходного падежного показателя усиливается, получается некая морфонологическая эмфаза.

3.3.5. Обобщение правила на контексты, в которых оно не должно действовать

Первым случаем обобщения правила является появление нерегулярной геминации в третьем слоге. Л.Я. Галахова описывает появления геминат в такой позиции, называя это геминацией согласных после безударного слога и относя это к случаям расширенной геминации, однако объяснения этому явлению не приводит (Галахова 1974: 124). Более того, судя по географическому распространению этого явления, геминация согласных в третьем слоге была

характерна для говоров деревень Верхняя Бронка, Нижняя Бронка, Куккузи и Таменгонт, находящихся в приходе Тюрё, именная морфонология которого описана недостаточно подробно. Примерами такой геминации являются Part.Pl. *valkehhī* «белых», Ill.Sg. *rukehhē* «в рожь», Ill.Sg. *sydämmē* «в сердце», Part.Pl. *mūrammī* «морозку», *avahhū* «открывается», *lukemmā* «читать» и пр. (Там же). В нашем материале геминация в третьем слоге встретилась в идиолекте информанта ЛК (приход Вуоле) в Ill.Pl. *makussà* от *makusa* «вкусный» и в идиолекте информанта АМК (приход Колпаны) в нескольких косвенных падежах множественного числа от *käk'* «кукушка»: Part.Pl. *käkillöi*, Ill.Pl. *käkillöihe*, Transl.Pl. *käkilloiks* и форме Essiv.Pl. *käkillöi* (совпадает с Part.Pl.). Как можно увидеть, это единичные явления в идиолектах информантов из разных деревень, что не позволяет сказать, что это регулярное явление. По-видимому, правило общей геминации перенесено на контекст, в котором оно обычно не употребляется, и это – следствие языковой аттриции.

Вторым случаем можно считать чередование ступеней в середине основы в *opetaj-* от *opettaja* «учитель», встречающееся у LM (приход Скворицы) в Elat.Pl. *opetajist*, у МН (приход Ярвисаари) в Ill.Pl. *opetajihin*, у НР (приход Скворицы) в Part.Sg. *opetajjà*, у МКА (приход Скворицы) в All.Pl. *opetajille*. Заключить, что это региональная черта, мешает, во-первых, небольшое количество таких вариантов, во-вторых, то, что говор информанта МН не представляет прихода Скворицы. Объяснение данному явлению можно дать как с точки зрения применения правила в условиях, в которых оно не должно применяться, т.е. его обобщение, либо же с точки зрения влияния доминирующего языка и, как следствие, нейтрализации оппозиции долгий:краткий, что обсуждается в параграфе 3.3.3.

Также в материале встретилось два случая присоединения показателя плюралиса –*loi/-löi-* к основе на –*a*: Part.Pl. *opettaloita* от *opettaja* «учитель» у RRm и Part.Pl. *vettäloi* от *vesi* «вода» у RRm, последняя форма образована путем реинтерпретации формы Part.Sg. как основы для образования плюралиса с помощью показателя –*loi-*, при этом нарушается также и сингармоннизм.

3.3.6. Парадигматическое выравнивание

Оно проявляется в утрате чередований в парадигме и, как следствие, сокращении числа алломорфов.

В финских диалектах Ингерманландии утрата чередований может быть связана с особенностями развития диалектов отдельных регионов. Наличие или отсутствие чередования в основе, а также его вид, могут зависеть от нескольких факторов: а) утрата чередования, б) географический ареал, в) смена словоизменительного типа. Приведём некоторые чередования.

1) Чередование $k//\emptyset/j/v$, которое, как правило, более устойчиво, чем чередование t (Муслимов 2007: 236). Заполнение зияния глайдами $-v-$, $-j-$ или выпадение k зависит от фонетического окружения и является чрезвычайно разнообразным. В позиции между гласными $a-e$, $\ddot{a}-e$, $o-e$ согласный k может либо выпадать: Iness.Sg. *joes* от *joki* «река», Iness.Sg. *määest* от *mäki* «гора», Iness.Sg. *luaes* от *laki* «потолок», либо чередоваться с j : Iness.Sg. *jojies* Iness.Sg. *määjies*, Iness.Sg. *kiäjies* от *käki* «кукушка». Л.Я. Галахова указывает, что географически в Гатчинском и Волосовском районах слабоступенное соответствие k – это чаще выпадение (Галахова 2000: 117). Собранный для данного исследования материал показывает, что данный вывод справедлив не для всех лексем: для *joki* «река» это 62 случая выпадения k в слабой степени против 27 случаев чередования $k//j$, для *mäki* «гора, горка» это 71 случай чередования $k//j$ против 10 случаев выпадения k , для *käki* «кукушка» в случае, если лексема изменяется по типу *joki*, характерно чередование $k//j$.

Нормальной дистрибуцией сильных и слабых ступеней в типе, к которому относятся приведенные выше лексемы, такова: сильная основа употребляется в Nom.Sg., Ess.Sg.Pl., сильная основа с геминацией – в Part.Sg.Pl., Ill.Sg.Pl., Gen.Pl., слабая основа – в Nom.Pl., Iness.Sg.Pl. (и всех последующих падежах кроме Essiv). Для говора прихода Молосковицы характерно использование сильноступенной основы при образовании всех косвенных падежей множественного числа (Муслимов 2014: 280). Редистрибуция сильных и слабых основ внутри парадигмы ведет к тому, что часть парадигмы может

выравниваться по сильной ступени, например, Elat.Pl. *mäkis* вместо ожидаемого **miäjis*, Gen.Sg. *jokin* вместо ожидаемого **joen*, либо часть парадигмы может выравниваться по слабой ступени: Gen.Pl. *miäjin* вместо ожидаемого **mäkkîn*, Gen.Pl. *jojin* вместо ожидаемого *jokkîn*. Смешение типов, т.е. аналогическое выравнивание, не относится к данной категории, например, форма Gen.Pl. *mäkein* связана с переходом лексемы в тип с основой на –еe.

2) Чередование *t//ø/j/v*. Замечание о вариативности чередования *k///ø/j/v* справедливо и для *t*. В разном фонетическом окружении и в разных районах *t* может либо выпадать: Gen.Sg. *veen/vien* от *vesi* «вода», Iness.Sg. *tuaessa* от *tuahe* «навоз», Iness.Sg. *kääes* от *käsi* «рука», либо чередоваться с *j*: Gen.Sg. *vejen*, *kiäjen*, либо чередоваться с *v*: Gen.Pl. *suven* от *susi* «волк». Также смычный *t* в слабой ступени имеет соответствие *vv*: Gen.Sg. *vuvven* от *vuosi* «год», причем вставной *vv* часто встречается в позиции после *u* (Галахова 2000: 126). Данное чередование отсутствует в том случае, если сильная ступень сохраняется.

Замена алломорфов с одной ступенью чередования на алломорфы с другой ступенью чередования характерно для лексемы *tuahe* «навоз» в Ill.Sg., Iness.Sg., Elat.Sg. где ожидается использование сильной основы, но она заменяется на слабую: Iness.Pl. *tuahès* вместо **tattees*, Elat. Sg. *taahest*, *tuajest* вместо ожидаемого **tatteest*, Ill.Sg. *tuahèhe*, *tuahè* вместо ожидаемого **tateehe*. В целом для лексемы *tuahe* можно отметить тенденцию к замене сильной основы слабой: Ill.Sg. – 14 случаев употребления слабой основы из 18, Iness.Sg. – 12 случаев употребления слабой основы из 16, Elat.Sg. – 13 случаев употребления слабой основы из 17, в плюралесе всеми информантами, от которых удалось получить формы множественного числа, используется слабая основа. Судя по сингулярису, наиболее консервативны идиолекты информантов HP, HV, NH и SH (приходы Скворицы, Кобрино и Хиэтамьяки).

Отдельно отметим особенности чередования ступеней в лексеме *susi* «волк». Ожидалось, что для образования формы Part.Sg. будет использоваться сильная основа *sut-*, для образования Ill.Sg. будет использоваться сильная гласная основа с геминацией *suttè*, слабая гласная основа *suve-* будет использоваться для образования Gen.Sg., Iness.Sg.-Transl.Sg. и Nom.Pl., в

остальных формах плюралиса возможно использование основы на *-si* с геминацией и удлинением согласного. Однако ожидаемый вариант партитива единственного числа встретился только 5 раз из 26, тогда как вариант *susta*, образованный от основы номинатива, встретился 10 раз. Также использовались формы *susia* (4 раза), *sussi* (4 раза), а также образованная от слабой основы форма *suvetta* (3 раза). Для иллатива вариативность оказалась самой высокой: 5 раз встретилось образование формы *suvvè* от слабой основы, 4 раза – *sussi*, ожидаемая форма *suttè* встретилась всего два раза у информантов KN и ELFK. Формы инессива, элатива аллатива, адессив, аблатива и транслатива единственного числа образовывались либо от основы *susi-* (10 случаев), либо от слабой основы *suve-* (в общем 48 случаев), при это ожидаема форма *Essiv.Sg. sutena* от сильной основы не встретилась ни у одного информанта: в 7 случаях из 12 форма была образована от слабой основы *suve-*, в 1 – от основы *susi-*, в остальных случаях форма эссива получена не была. Таким образом, можно наблюдать редукцию количества алломорфов, при котором сильноступенная основа последовательно заменяется слабоступенной.

3) Чередования *lk//l*, *rk//r* в закрытом слоге, при этом «выпадение *k* в сочетаниях *lk*, *rk* наблюдается во всех восточнофинских диалектах» (Галахова 2000:120). Отсутствие чередования, однако, не всегда свидетельствует о нарушениях в системе чередований: для говора прихода Молосковицы характерно, как уже указывалось, «употребление сильноступенной основы в косвенных падежах множественного числа», например, *roikil* (а не *rojil*) (Муслимов 2014: 280). Если же говор относится к другому приходу, то можно заключить, что чередование в парадигме исчезло (частичо у RRm All.Pl. *jalkoil*, MN Elat.Pl. *jalkoist*).

Данное чередование может пропадать в том случае, если меняется дистрибуция сильных и слабых ступеней, а также происходит выравнивание по сильной ступени.

4) Чередование *p//v*. Такое чередование характерно для всех финских диалектов, а также карельского, водского и ижорского языков.

В нашем материале встретилось полное исчезновение этого чередования в лексеме *repo* «лиса» в идиолекте RRm, в которой ожидалось использование слабой основы *revo-* в Gen.Sg., Iness.Sg.-Transl.Sg. и Nom.Pl., однако у RRm вся парадигма выровнялась по сильной ступени, с сохранением, однако, геминации в соответствующих позициях. Также встретилась сокращение количества алломорфов, которая привела к реинтерпретации сильно- и слабоступенных соответствий, что выразилось в реинтерпретации сильноступенного *r* в чередовании *r//v* как слабоступенного *r* в чередовании *pp//p*, что привело к появлению формы Nom.Pl. *reppot*, в остальной же парадигме у данного информанта чередование ступеней элиминировано, геминации также нет. Такая же реинтерпретация произошла у МН, у которой, однако сохранилась дистрибуция сильной и слабой ступени в парадигме, однако чередование ступеней заменилось на *pp//p*: Nom.Sg. *repo*, Part.Sg. *reppò*, Elat.Sg. *repost*, Nom.Pl. *repot*, Elat.Pl. *reppoloist*.

Для лексемы *mato* «червяк» ожидаемое чередование *t//v* в нашем материале не встретилось, вместо изменения во типу 2.10.1 со слабой основой *muavo-*, в нашем исследовании это чередование исчезло, и лексема интерпретировалась как тип 2.10.2 с геминацией, но без чередования ступеней.

5) Чередование *ht//t*, при котором *t* после *h* всегда выпадает в слабой ступени: Part.Sg. *lähettä*, но Ill.Sg. *lähtè* от *lähe* «родник».

В этом случае ожидаемо появление слабой ступени в Nom.Sg. и Part.Pl., в номинативе это связано с тем, что исторически *lähe* выглядел как **lähdeh* с закрытым слогом. Однако в речи информантов происходило выравнивание парадигмы по сильной ступени, таким образом получались формы Part.Sg. *lähtettä* (2 случая), Nom.Sg. *lähte* (4 случая).

6) При чередовании *nt//nn* в слабой ступени происходит ассимиляция: Adess. *rannal* от *ranta* «берег», Gen.Sg. *kannen* от *kanta* «крышка».

В целом данное чередование в нашем материале не было подвержено редукции, однако встретилось выравнивание формы Ill.Sg. по слабой ступени *kannè* (у RRm), а также по основе Nom.Pl. *kans-* *kansè* (у МН).

7) В сочетании *mp//mm* в слабой ступени *p* ассимилируется с предшествующим *m*: Nom.Sg. *lammás* «овца», но Gen.Sg. *lammaan*.

Для этого типа характерно использование слабой ступени в Nom.Sg., и Part.Sg. и сильной – во всех остальных случаях, однако в нашем материале встретилось сокращение количества алломорфов: выравнивание по слабой основе в Iness.Sg. *lammaas*, Elat.Sg. *lammaast*, Transl.Sg. *lammakas* у информанта НР.

8) Чередования *kk//k*, *tt//t*, *pp//p*: в слабой ступени выступает краткий смычный.

Для этого чередования ступеней также характерна редукция алломорфии для лексем *kukko* «петух», *viikate* «коса», *käki* «кукушка». В целом, изменения в алломорфии в этом случае проявляется в выравнивании некоторых алломорфов либо по слабой, либо по сильной ступени. Слабая ступень вместо сильной используется, например, в формах Gen.Pl. *kukoloin*, *kukoin* вместо ожидаемых **kukkoloin*, **kukkooin*, Gen.Pl. *matoloin* вместо ожидаемой **mattoloin*, Transl.Sg. *viikatèks* вместо ожидаемой **viikattèks*. У информанта НН наблюдается парадигматическое выравнивание лексемы *viikate* по сильной ступени во всех формах, кроме Nom.Sg., то есть чередование ступеней исчезает практически полностью.

3.3.7. Категориальное выравнивание

Оно проявляется в нейтрализации падежного противопоставления:

1) Эссива и номинатива, а также эссива и аллатива/адессива в некоторых конструкциях, что ведет к замене эссива на номинатив (13 случаев) и аллатив/адессив (3 случая с показателем «*l*» и 1 с адессивом «*lla*») и «*olla + Essiv*» (быть кем-л./чем-л.), в шести случаях он также заменяется на иллатив. Замена эссива на номинатив имеет параллель в современном водском языке: Ф.И. Рожанский указывает, что «образование форм эссива множественного числа вызывает у носителей затруднения, почти всегда эссив может быть заменен номинативом» (Маркус, Рожанский 2011: 118). В целом такая тенденция может

свидетельствовать о постепенной редукции именной парадигмы в ингерманландских диалектах финского языка, как это произошло в водском языке, для которого Е.Б. Маркус и Ф.И. Рожанский не приводят эссив в составе базовой именной парадигмы (Маркус, Рожанский 2011: 84), хотя у П. Аристе эссив еще указывается как продуктивный падеж (Ariste 1968: 17).

Необходимо отметить, однако, что определение семантики показателя «l» как относящегося к аллативу или адессиву в случае использования его в конструкциях, требующих транслатива или эссива, может быть осуществлено лишь приблизительно, поскольку в некоторых финских диалектах Ингерманландии произошло совпадение показателей аллатива «l» (lle в литературном финском) и адессива «l» (lla/llä в литературном финском) вследствие, во-первых, отпадения конечных гласных в падежных окончаниях, а, во-вторых, сверхгенерализации и образование одного общего с т.з. формы падежа (Kokko 2007). Важно заметить, что отпадение конечных гласных не является отличительной чертой всех ингерманландских диалектов, так как в говоре приходе Тюрё сохранилось е в окончании аллатива. Гласные также сохраняются в притяжательном склонении, поскольку после падежного окончания выступает поссессивный аффикс. В связи с этим можно предположить, что эссив, являющийся обще-местным падежом состояния и в синхронном срезе находимый в послелогое luo-na «у, около» и наречиях kauka-na «далеко» и koto-na «дома», заменяется на адессив – внешне-местный падеж с семантикой нахождения «на, у» с точки зрения семантического сходства, однако утверждать этого с уверенностью не представляется возможным.

2) Транслатива, иллатива и аллатива в конструкции «tulla + Transl.» (стать кем.-л./чем-л., превратиться). Замена форм транслатива на формы иллатива (5 случаев) и аллатива (3 случая), по-видимому, могут быть объяснены семантическим сходством падежных значений: транслатив, относящийся к группе обще-местных падежей, первоначально имел локально-лативное значение, что в синхронном срезе можно наблюдать в лексемах kaua-ksi «далеко», tuonemma-ksi «подальше в сторону», а также в генитивных послелогох luo-kse «к» и taa-kse «назад» (Хакулинен 1953: 87). Иллатив

является внутренне-местным падежом и имеет семантику вхождения куда-либо, среди окончаний иллатива встречаются варианты: -hVn, - \bar{V} n, -seen (в литературном финском языке), где -n восходит к лативному суффиксу *ń* (Хакулинен 1953:87-88). Аллатив относится к группе внешне-местных падежей и имеет значение приближения к чему-то, исторически его окончание имело форму *-leń, где *ń* является лативным суффиксом в окончании иллатива (Хакулинен 1953: 89).

3) Внутренне-местных и внешне-местных падежей (7 случаев замещения инессива аллативом/адессивом, 2 случая замещения иллатива аллативом/адессивом). Такое явление отмечает также Осси Кокко, относя это, однако, к процессам, происходящие под влиянием доминирующего русского языка: исследователь считает, что влияние русских предлогов места приводит к смешению случаев употребления местных падежей в ингерманландских диалектах финского языка, например, *joka oli jo siel setsemännessä luokassa* (лит. *seitsemännellä luokalla*) «кто уже был там **в** седьмом классе» и *[menin] sairaalahan työlle* (лит. *työhön/töihin*) «[я пошла] в больницу **на** работу. Действительно, если ориентироваться на примеры, приводимые О. Кокко, которые имеют параллель между финской и русской конструкцией, то можно сказать, что здесь видно влияние русского языка. Однако в материале данного исследования случаи смешения показателей внешне- и внутреннеместных падежей были обнаружены при переводе предложений информантами с русского на финский язык, и это предложения специально составлялись таким образом, чтобы употребление внешне- и внутреннеместных падежей было разграничено, например: «я воткнул нож в волка. нож теперь в волке» - *mie pistin veitsen sussi. veits on nyt susil* (VN), или «нож теперь в змее» - *veits on nyt kärmel* (RRm).²⁵

Категориальное выравнивание проявляется также в нейтрализации противопоставления плюралиса и сингуляриса, что ведет к их смешению, причем чаще всего это касается косвенных падежей, особенно транслатива,

²⁵ Данную форму информант объясняет следующим образом: «у меня это «l» [значит] не только сверху, но и внутри».

эссива и партитива. Для лексемы *onneton* у информанта LM наблюдается полное выравнивание по форме Nom.Sg. во всех падежах и числах.

3.3.8. Категориальное переключение

В ряде случаев получение транслатива оказалось невозможным в связи с тем, что информанты переформулировали стимул и использовали конструкцию «*tulla ko + Nom*» (стать как что-л./кто-л.) вместо ожидаемой конструкции «*tulla + Transl*», избегая тем самым употребления транслатива как такового. Также в прибалтийско-финских языках Ленинградской области встречается замена абессива на конструкцию *ilma+Part*, однако это может быть объяснено не только языковым сдвигом, но контактами с русским языком, либо же внутриязыковыми тенденциями, поскольку абессив утрачивается и в литературном финском языке (Муслимов 2007: 229).

3.3.9. Нарушение согласования между прилагательным и существительным

Для финского языка характерно согласование прилагательного с существительным в числе и падеже, однако не во всех прибалтийско-финских языках в согласовании участвуют все падежи. Так, в эстонском языке перед определяемым словом в терминативе, эссиве, абессиве или комитативе определение ставится в форму генитива, показателя который в ед.ч. не имеет, согласование по числу сохраняется, например *kolme kurja koeraga* «с тремя злыми собаками» (Языки мира: Уральские языки 1993: 123, 129). В кихнусском диалекте эстонского языка согласование по падежу сохраняется только в номинативе, генитиве и партитиве, во всех остальных падежах прилагательное стоит в форме генитива: Nom. *jõlus tüdrik*, Gen. *jõlusa tüdriku*, Part. *jõlusa tüdrikud*, Ill. *jõlusa tüdrikussõ*, Iness. *jõlusa tüdrikuss* и т.д. (Laos 2011:44). Для финских диалектов Ингерманландии, однако, такое явление не признается

регулярным, но оно было отмечено в материалах данного исследования у информантов:

а) MJ – Iness.Sg. *makjan puuomenas* (от *makja puuomena* «сладкое яблоко»);

б) RRm – Ill.Sg. *makusèn puuomenal*, Ill.Pl. *makusèn puuomenoil* (от *makusa puuomena* «вкусное яблоко», Elat.Sg. *pimmejän porstuvoist* (от *pimjä porstuva* «темные сени», Ill.Sg. *harman astijà*, Elat.Sg. *harman astijast*, All.Sg. *harman astijal* (от *harmaa astija* «серая посуда», Iness.Pl. *valkoisen kiukois*, Ill.Pl. *valkosen kiukoihin* (от *valkone kiukaa* «белая печь»);

в) VH – Part.Sg. *onnetoisen opettajoi*, Adess.Sg. *onnetoisen opettajal*, All.Sg. *onnetoisen opettajal*, Abl.Sg. *onnetoisen opettajalt* (от *onnetoin opettaja* «несчастный учитель»), Iness.Sg. *makjan puuomenas* (от *makja puuomena* «сладкое яблоко»).

Во всех встретившихся случаях прилагательное стояло в форме Gen.Sg., что позволяет провести параллель с кихнусским диалектом эстонского языка, а также с согласованием в эстонском языке (с т.н. маргинальными падежами), и предположить, что утрата согласования является, по-видимому, чертой, присущей некоторым прибалтийско-финским языкам.

Таким образом, среди аттриционных явлений, выделяемых Селиджером и Ваго, в нашем материале встретились все четыре: аналогическое выравнивание, парадигматическое выравнивание, категориальное выравнивание и категориальное переключение. Сравнение материала с текстами на говорах разных приходов, записанных в 60-70-е гг., представленных в книге М.И. Муллонен «Elettiinpä ennen Inkeris», показало, что подобных изменений в них еще не зафиксировано (Mullonen 2004). Это позволяет сделать вывод, что зафиксированные изменения, - явление относительно недавнее, и имеющее причиной как процессы, связанные с языковым сдвигом, так и влияние других языков. Некоторые изменения, по-видимому, являются особенностями идиолекта информанта.

Описание смешения словоизменительных типов невозможно без хотя бы приближенной их характеристики. Нужно отметить, что окончательной

классификации типов имен для приходов центрального района Ингерманландии не существует, поэтому в следующем параграфе представлена попытка автора данного исследования составить предварительную классификацию словоизменительных типов имен с опорой на существующие для говоров других приходов.

3.4. Словоизменительные типы центральноингерманландских диалектов

Структура данного параграфа представляет собой классификацию словоизменительных типов, основанную на работе Л.П. Кирпу (Кирпу 1991). Основанием для классификации является количество слогов в основе, таким образом, на две группы разделяются односложные и дву- и многосложные имена. Типы, отраженные в данной работе, не представляют все типы и подтипы, выделяемые Л.П. Кирпу: представленная им классификация гораздо шире. В данном параграфе описываются только те типы и подтипы, которые были использованы в морфонологической анкете данного исследования, которая охватывала только самые спорные случаи. Схематичное отображение типов склонения основывается на материалах М.З. Муслимова, использовавшихся в курсе «Ингерманландский язык» в 2012 году в Санкт-Петербургском Государственном Университете (Муслимов 2012). Комментарий к таблицам производится на основе а) реконструкций, представленных у М.З. Муслимова, б) комментария к типам у Л.П. Кирпу, в) особенностей, отмеченных в полученном материале. Каждый тип описывается с двух точек зрения: в первой таблице для каждого типа представлен ожидаемый, не подверженный аттриции тип изменения имен, и пример изменения лексемы по этому типу, во второй таблице отображаются все аттриционные явления, наблюдаемые в собранном нами материале. К каждой из таблиц дается краткий комментарий, а также отмечаются основные типы проявлений аттриции, характерные для описываемого словоизменительного типа.

В таблицах используются следующие обозначения: С – согласный, согласная основа, V – краткий гласный, гласная основа, \bar{V} – долгий гласный, VV

– дифтонг, S – сильная основа, W – слабая основа, R – сонант, 2 – геминация. Для ожидаемого изменения представлена только форма Iness., так как формы Elat., All., Adess., Abl., Transl. образуются от той же основы, поэтому когда говорится об образовании форм Iness., то имеется в виду 6 перечисленных падежей.

1. Односложные имена с основой на долгий гласный или дифтонг.

В данном исследовании данный тип представлен лексемами *suo* «болото», *piä* «голова».

Ожидаемое изменение представлено в таблице ниже.

	Sg			Pl		
	основа	показатель	пример	основа	показатель	пример
Nom	CVV ₂	-∅	piä	CVV	-t	piät
Gen	CVV	-n	piän	V ₂	-i-hen	päin
Part	CVV	-ta	piätä	V ₂	-i-ta	päitä
Ill	CVV	-hV(n)	piähän	V ₂	-i-he	päihe
Iness	CVV	-s	piäs	V ₂	-i-s	päis
Essiv	CVV	-n	piän	V ₂	-i-n	päin

В основе происходит $\tilde{V} + i > * \tilde{V}i > Vi$ (pää + i > päi-), в случае дифтонга $V_1V_2 + I > *V_1V_2i > V_2i$ (piä + i > päi-, suo + i > soi-). Показателем плюралиса в этом типе является -i-, для образования генитива плюралиса используется показатель -hen.

В нашем материале были получены следующие формы.

	Sg			Pl		
	основа	показатель	пример	основа	показатель	пример
Nom	CVV	-∅	piä	CVV	-t	piät
Gen	CVV	-n	piän	CV ₂	-i-hen	päihen
				CVV	-loi-n	suoloin
				CV ₂	-i-ten	soiten

Part	CVV	-ta	piätä	CV	-i-ta	päitä
	CVVt	-ta	piättä	CVV	-i-ta	piätä
				CVV	-loi	suoloi
Ill	CVV	-hV(n)	suohon	CV ₂	-i-hen	päihen
			piähän	CVV	-i-hin	piähin
				CVVhV ₂	-i-n	suohoin
Iness	CVV	-s	suos	CVV	-s	suos
		-ssä	piässä	CV ₂	-s	sois
Elat	CVV	-st	piäst	CV ₂	-i-st	päist
				CV ₂ ihe	-st	päihet
				CVVhV ₂	loi-st	suoholoist
Adess	CVV	-l	suol	CVVhV ₂	-loi-l	suoholoil
Transl	CVV	-ksi	piäksi	CVVte	-ksi	piäteksi

1) Реинтерпретация формы генитива плюралиса как основы на *-ihe-n*, что наблюдается для лексемы *piä* в Iness.Pl., Elat.Pl. у информанта RRm.

2) Реинтерпретация формы иллатива сингуляриса с показателем *-hV* как основы для образования форм Ill.Pl., Elat.Pl. и Adess.Pl. при помощи показателя плюралиса *-loi-* для лексемы *suo* у информанта RRm.

3) Совпадение форм плюралиса и сингуляриса в Iness., в Transl. для избежания совпадения форм используется основа CVVte-, появившаяся, по-видимому, вследствие окказионального образования новой основы, возможно, также вследствие реинтерпретации формы Part.Pl. *piätä* в виде *piäte-*.

В целом, в данном типе не наблюдается большого количества выравниваний и реинтерпретаций.

2. Дву- и многосложные имена

2.1. Двусложные имена на *-a*

2.1.1. С *o/u* в первом слого и чередованием ступеней согласных

Лексема *kukka* «цветок».

Sg	Pl
----	----

	основа	показатель	пример	основа	показатель	пример
Nom	S	-∅	kukka	W	-t	kukat
Gen	W	-n	kukan	2S	-ii-n	kukkiin
Part	2S \bar{V}	-∅	kukkaa	2S	-ii	kukkii
Ill	2S \bar{V}	-(he(n))	kukkaa	2S	-i-he(n)	kukkii
			kukkaahe		-ii	kukkihe
Iness	W	-s	kukas	W	-i-s	kukis
Essiv	S	-n	kukan	S	-i-n	kukin

Для этого типа характерна форма Part.Pl. на ii, которое образуется от *ia > ii, а также чередование ступеней, слабая ступень выступает в Gen.Sg., Iness.Sg.Pl., Nom.Pl.

В нашем материале были получены следующие формы.

	Sg			Pl		
	основа	показатель	пример	основа	показатель	пример
Nom	S	-∅	kukka	W	-t	kukat
				Sse	-t	kukkaset
Gen	W	-n	kukan	S	-ii-n	kukkìn
	W	-n	kukon	Ssi	-i-n	kukkasin
	Sse	-n	kukkasen	W	-loi-n	kukkoloin
Part	S \bar{V}	-∅	kukkà	S	-ii	kukkì
				Ssi	-i	kukkasi
				S	-loi-	kukkoloi
Ill	S \bar{V}	-∅	kukkà	S	-i-he	kukkihe
	Sse	-en	kukkasèn	Ssi	-in	kukkasin
				S	-loi-n	kukkoloin
Iness	W	-s	kukan	Ssi	-i-s	kukkasis
	W	-s	kukon	W	-i-s	kukis
	Sse	-s	kukkasen	S	-loi-s	kukkolois
Essiv	S		kukka	Sse	-na	kukkasena

1) Наблюдается смешение типов на –ne (se), видимо, посредством добавления к основе деминутивного суффикса –ne. В этом случае лексема начинает изменяться согласно новому типу.

2) Смешение лексем *kukka* и *kukko* «петух» приводит к смене способа образования плуралиса: с помощью показателя –loi-.

3) Наблюдается также категориальное выравнивание эссива (замена его на Nom.Sg.) и Ill.Pl. (замена на форму Gen.Pl.): Ill.Pl. *kukkoloin*.

2.1.2. С a/e/i в первом слоге без чередования ступеней согласных

Лексемы *makja* «сладкий», *harmaa* «серый» *kiukaa* «русская печь».

	Sg			Pl		
	основа	показатель	пример	основа	показатель	пример
Nom	V	-∅	makja	V	-t	makjat
Gen	V	-n	makjan	V	oi-n	makjoin
Part	\bar{V}	-∅	makjā	V	-oi	makjoi
Ill	\bar{V}	-(he(n))	makjā	V	-oi-he(n)	makjoihe
Iness	V	-s	makjas	V	oi-s	makjois
Essiv	\bar{V}	-n	makjan	V	oi-n	makjoin

Основа множественного числа в этом типе оканчивается на –oi. Образование этого дифтонга связано с регулярным изменением а > о в случае, если в первом слоге слова есть а, е, і, аи, еи, іи, аі, следовательно, окончание основы множественного числа образуется о- (а>о) + і > oi- (Грамматика 1958: 33). Для лексемы *makja*, входящей в этот тип, характерно смешение словоизменительных типов с типом 2.11.3.1. (*makkee*) (подробнее об это рассказывается в параграфе 3.3.1).

	Sg			Pl		
	основа	показатель	пример	основа	показатель	пример
Nom	V	-∅	kiukaa	V	-t	pimjat
	\bar{V}	-∅		\bar{V}	-t	kiukaat
Gen	V	-n	makjan	V	-n	makjan
					-oi-n	kiukoin

Part	\bar{V}	-ø	makjà	V	-oi	makjoi kiukoi
Ill	\bar{V}	-(he(n))	makjà	V	-oi-hin	kiukoihin
Iness	V	-n -s	makjan makjas	V	-s	makjois kiukois

Лексема *makja*, в случае без смешения типов, изменяется согласно своему типу. Лексемы *kiukaa* и *harmaa*, относящиеся к типу 2.11.2 данной классификации (двусложные слова с основой на aa-), в идиолектах информантов RRm и HP в некоторых косвенных падежах плюралиса начинают изменяться по типу 2.1.2, что может быть связано с тенденцией к сокращению долгих гласных в непервых слогах. В связи с этим aa- в основе указанных лексем сокращается и реинтерпретируется как краткий звук и, соответственно, лексем переходят в тип 2.1.2.

2.1.3. С –a/o в первом слоге и чередованием ступеней согласных

Этот тип в материале исследования представлен лексемой *jalka*.

	Sg			Pl		
	основа	показатель	пример	основа	показатель	пример
Nom	S	-ø	jalka	W	-t	jalat
Gen	W	-n	jalan	S	oi-n	jalkoin
Part	S \bar{V}	-ø	jalkà	S	-oi	jalkoi
Ill	S \bar{V}	-(he(n))	jalkà	S	-oi-he(n)	jalkoihe
Iness	W	-s	jalas	W	oi-s	jalois
				S		jalkois
Essiv	S	-n	jalkan	S	oi-n	jalkoin

Для этого типа характерно употребление слабой ступени в формах Gen.Sg., Iness.Sg., Nom.Pl. и Iness.Pl. В форме Iness.Pl. возможно также регулярное употребление сильной ступени в случае, если речь идет о приходе Молосковицы (см параграф 3.3.6. о чередовании lk/l).

В нашем материале, однако, отсутствие чередования встретилось в идиолекте информанта из прихода Скворицы.

	Sg			Pl		
	основа	показатель	пример	основа	показатель	пример
Nom	S	-ø	jalka	W	-t	jalat
Gen	W	-n	jalan	S	oi-n	jalkoin
				W		jaloin
Part	S \bar{V}	-ø	jalkà	S	-oi	jalkoi
Ill	S \bar{V}		jalkà	S	-oi-hin	jalkoihe
	S V	-hen	jalkahen	S	-oi-hel	
				S	-oi-he	
Iness	W	-s	j alas	W	oi-s	jalois
				S	oi-s	jalkois
Essiv	-	-	-	S	oi-na	jalkoina

Для этого типа в материале встретилось:

1) Сокращение количества алломорфов, заключающееся в замене сильной ступени слабой, а также слабой ступени сильной в Iness.Pl.

2) Сокращение гласного в показателе Ill.Sg. По-видимому, это окказиональное фонетическое явление, также связанное с сокращением долгих гласных в непервых слогах.

2.2. Многосложные имена с основой на –а

2.2.1. Имена основой множественного числа на –oi

Данный тип представлен в материале лексемами *porstuva* «сени, коридор», *pellova* «лён», *kattila* «котелок», *jumala* «бог», *astuva* «борона», *saippuva* «мыло», *kutoja* «ткачиха»²⁶, *valkija* «белый».²⁷

	Sg			Pl		
	основа	показатель	пример	основа	показатель	пример

²⁶ Только у RRm

²⁷ Данная форма

Nom	V	-ø	astuva	V	-t	astuvat
Gen	V	-n	astuvan	V	oi-n	astuvoin
Part	\bar{V}	-ø	astuvà	V	-oi	astuvoi
Ill	\bar{V}	-(he(n))	astuvà	V	-oi-he(n)	astuvoihe
Iness	V	-s	astuvas	V	oi-s	astuvois
Essiv	V	-n	astuvan	V	oi-n	astuvoin

В нашем материале встречаются следующие варианты:

	Sg			Pl		
	основа	показатель	пример	основа	показатель	пример
Nom	V	-ø	astuva	V	-t	astuvat
Gen	V	-n	astuvan	V	oi-n	astuvoin
Part	\bar{V}	-ø	astuvà	V	-oi	astuvoi
				V	-oi-ta	porstuvoita
Ill	\bar{V}	-ø	astuvà	V	-oi-he	astuvoihe
		-he	astuvàhe		-oi-hen	kattiloihen
		-hen	astuvàhen			
Iness	V	-s	astuvas	V	oi-s	astuvois
	\dot{V}	-s	astuvàs			
Essiv	V	-na	jumalana	V	oi-nna	jumaloinna

1) Лексема *porstuva* относится к этому типу в западногатчинском ареале (приход Губаницы, Скворицы и Колпаны).

2) Лексеме *jumala* свойственно смешение типов: у RRm (приход Скворицы) она относится к этому типу, тогда как у MH (приход Ярвисаари) она относится к типу 2.2.2. за исключением формы Essiv.Pl.

3) Лексема *pellova* у информанта RRm не имеет форм множественного числа, по-видимому, она стала *singularia tantum*.²⁸

²⁸ Информант обосновал невозможность образовать формы множественного числа тем, что лён – это материал, «он куском».

4) Для идиолекта информанта АМК (приход Колпаны) характерно использование полудолгого гласного в форме Iness.Sg., при этом в остальном лексема *saipruva* изменяется согласно своему типу.

5) Лексема *valkija* изменяется либо по этому типу, либо по типу с основой на –ee у SH.

2.2.2. Имена с основой множественного числа на –i

Данный тип представлен лексемами *makusa*, *makus'a* «вкусный», *(puu)omena* «яблоко», *opettaja* «учитель», *porstuva* «сени, коридор», *huotava* «дешевый», *jumala* «бог», *kutoja* «ткачиха».

	Sg			Pl		
	основа	показатель	пример	основа	показатель	пример
Nom	V	-∅	omena	V	-t	omenat
Gen	V	-n	omenan	V	ii-n	omenin
Part	V̄	-∅	omenà	V	-ii	omeni
Ill	V̄	-(he(n))	omenà	V	-ii-he(n)	omenihe
Iness	V	-s	omenas	V	ii-s	omenis
Essiv	V	-n	omenan	V	ii-n	omenin

Марковский говор, описываемый в статье Л.П. Кирпу, характеризует сохранение долгих гласных в непервых слогах. В связи с этим основа множественного типа оканчивается на –ii. Для диалектов центральной Ингерманландии, однако, наличие –ii характерно только для форм Part.Pl. и Ill.Pl., тогда как в остальных формах косвенных падежей звучит полудолгий, ближе к краткому, что определялось, однако, на слух. При расшифровке аудиозаписей, однако, не использовались методы инструментальной фонетики, которые бы помогли точнее определить, употребляется ли долгий или краткий гласный.

Схематически формы, полученные при опросе информантов, отражены в таблице ниже.

	Sg	Pl
--	----	----

	основа	показатель	пример	основа	показатель	пример
Nom	V	-ø	omena	V	-t	omenat
Gen	V	-n	omenan	V	ii-n	omenin
Part	V̄	-ø	omenà	V	-ii	omeni
				V	-ja	puuomenija
Ill	V̄	-ø	omenà	V	-ii-h	puuomenih
	V̄	-hen	opettajàhen	V	-ii	omeni
	2CV̇		makussà	V	ii-hin	omenihin
	V̄	-n	makusàn	V	ii-hen	puuomenihen
				V	ii-n	omenin
				V	i-hin	opettajihin
Iness	V	-s	omenas	V	ii-s	omenis
	V̇	-s	opettajàs	V̇	-s	opettajàs
Essiv	V	-n	omenan	V	ii-n	omenin
	V	-l	opettajal			

1) К данному типу лексема *porstuva* относится у информантов из приходов Кобрино, Ярвисаари и Хиэтамьяки.

2) Вариант с палатализацией *makus'a*, отмеченный еще во время гатчинской полевой экспедиции 2009 года, встречается только у информанта HV (д. Скворицы, приход Скворицы), поэтому проследить его географическое распространение в нашем материале не представляется возможным. Данная лексема также не была использована ни в одном падеже, кроме Nom.Sg.

3) Данный тип характеризует большое количество смешения с типом 2.2.1., что встречается в лексемах *omena* с основой на oi- в Gen.Pl., Part.Pl., Elat.Pl. у HP, в Adess.Pl. у RRm, Ill.Pl., Iness.Pl. у VH, *opettaja* в у VK в Iness.Pl., Elat.Pl., Transl.Pl., Gen.Pl. у KN во всех падежах кроме Part.Pl., у VH в Part.Pl., у MH в Transl.Pl., *kutoja* у HP в Ill.Pl., Iness.Pl., Elat.Pl., Transl.Pl., *jumala* в Essiv.Pl. у MH.

4) Лексема *makusa* смешивается с лексемой *makuine* из литературного финского языка в форме Ill.Pl. у MH, во всех формах, кроме Nom.Sg. у HP, во

всех формах, кроме Nom,Sg., Iness.Sg., Elat.Sg., Part.Pl. у МКН.; с лексемой *takune* (тип 2.7.) окказионально в разных формах у ТА, МА.

5) Лексема *takuisa* представлена в формах сингуляриса в идиолекте ШН.

6) В идиолекте ЕК (д. Сокули, приход Серепетта) представлена лексема *takuse* с полным совпадением форм сингуляриса и плюралиса, образующихся от основы на -i.

2.3. Двусложные имена на -ä

2.3.1. Без чередования ступеней и геминации

К этому типу относятся лексемы *pimjä* «темный», *seinä* «стена»

	Sg			Pl		
	основа	показатель	пример	основа	показатель	пример
Nom	V	-ø	seinä	V	-t	seinät
Gen	V	-n	seinän	V	ii-n	seinìn
Part	V̄	-ø	seinä	V	-ii	seinì
Ill	V̄	-(he(n))	seinä	V	-ii-he(n)	seinìhe
Iness	V	-s	seinäs	V	ii-s	seinìs
Essiv	V	-n	seinän	S	ii-n	seinìn

В нашем материале встретились следующие формы.

	Sg			Pl		
	основа	показатель	пример	основа	показатель	пример
Nom	V	-ø	seinä	V	-t	seinät
Gen	V	-n	seinän	V	ii-n	seinìn
Part	V̄	-ø	seinä	V	-ii	seinì
Ill	V̄	-ø	seinè	V	-ii-he(n)	seinìhe
Iness	V	-s	seinäs	V	ii-s -s	seinìs pimjäs
Essiv	V	-n	seinän	S	ii-n	seinìn

1) Атриция в данном типе касается, в основном, лексемы *pimjä*, и проявляется в смешении с типами 2.11.3.1. и 2.4.1. Эта лексема встречается в

идиолектах информантов из приходов Колпаны (АМК, НК), Кобринно (NH), Молосковицы (МА), однако, парадигма без смешения типов не была получена ни от одного информанта.

2) Образование форм III.Sg. производится от основы *seine-*, замена *ä* на *e*, по-видимому, является фонетическими изменениями, связанными со сдвигом гласного нижнего подъема до среднего. Подобное изменение не является уникальным, так, оно является регулярным в идиолекте информанта МН.

2.4. многосложные имена на –ä

2.4.1. Без чередования ступеней и геминации, основа множественного числа оканчивается на –*öi*.

К этому типу относятся лексемы *pimejä* «темный», *kekälä* «головешка».

	Sg			Pl		
	основа	показатель	пример	основа	показатель	пример
Nom	V	-ø	kynttilä	V	-t	kynttilät
Gen	V	-n	kynttilän	V	öi-n	kynttilöin
Part	\bar{V}	-ø	kynttilä	V	-öi	kynttilöi
Ill	\bar{V}	-(he(n))	kynttilä	V	-öi-he(n)	kynttilöhe
Iness	V	-s	kynttiläs	V	öi-s	kynttilöis
Essiv	V	-n	kynttilän	V	öi-n	kynttilöin

В таблице, показывающей ожидаемое изменение лексемы в этом типе, представлен образец склонения в говоре прихода Марково, поскольку не было получено полной парадигмы, на затронутой бы аттриционными явлениями, ни для одной из двух лексем, представляющих этот тип.

В нашем материале были представлены следующие формы.

	Sg			Pl			
	основа	показатель	пример	основа	показатель	пример	
Nom	V	-ø	pimejä	V	-t	pimejät	
			pimmejä			-t	pimmejät
			kekälä			-t	kekälät

Gen	V	-n	pimejän pimmejän	V	-öi-n -öi-n	pimejöin kekälöin
Part	\bar{V}	-ø	pimejå pimmejå kekälå	V	-äi-tå -öi	pimejäitä kekälöi
Ill	\bar{V}	-ø i-h	pimejå kekälåih	V	-öi-he -äisih -öi-hin	kekälöihe kekäläisih kekkälöihin
Iness	V	-s	pimejäs pimmejäs kekälös	V Vsi	-s -l -s	pimmejäs kekälöisil kekkälöis

1) Лексема *pimejä* представлена в идиолектах информантов МН (приход Ярвисаари), КN (приход Губаницы), со смешением с типами 2.3.1. и 2.11.3.1. представлена в косвенных падежах в идиолектах информантов НР (приход Скворицы), SH (приход Хиэтамьяки).

2) Лексема *kekälä* частично представлена в идиолекте информанта МА (приход Молосковицы), VН (приход Скворицы), RRm (приход Скворицы), однако низкая частотность этого варианта не позволяет сделать вывод о его географической распространенности.

3) У информанта VН встретился вариант с основой –ö в Iness.Sg., Elat.Sg., что может быть объяснено выравниванием по основе плюралиса на –öi с апокопой.

4) Появление форм Ill.Sg. *kekälåih* и Ill.Sg. *kekälåisih* с молосковицким иллативом на -h у МА (приход Молосковицы), можно связать с окказиональной дифтонгизацией **ää* > *åi* в долгом гласном в форме иллатива единственного числа. Далее в этой форме *kekälåi-* реинтерпретируется, по-видимому, как основа для образования плюралиса, который возникает с добавлением суффикса деминутива –ne, переводящего лексему в тип 2.7., имеющий основу множественного числа на –i.

5) У RRm в форме *kekälöisil* наблюдается частотное для идиолекта этого информанта замещение внутреннеместных падежей внешнеместными, а –si-

может является суффиксом деминутива в форме плюралиса, который присоединяется к основе множественного числа на -öi.

2.5. многосложные имена с основой множественного числа на -i/-oi

2.5.1. имена на -ton/-tön

Лексема *onneton*.

	Sg			Pl		
	основа	показатель	пример	основа	показатель	пример
Nom	W	-ø	onneton	S	-t	onnettomat
Gen	S	-n	onnetoman	S	ii-n	onnettomìn
Part	W	-ta	onnetonta	S	-ii	onnettomì
Ill	S \bar{V}	-ø	onnettomà	S	-ii-he	onnetomìhe
Iness	S	-s	onnetomas	S	ii-s	onnetomìs
Essiv	S	-n	onnetoman	S	ii-n	onnetomìn

Этот тип, представленный у Л.П. Кирпу (Кирпу 1991: 21), практически полностью совпадает с литературным типом, за исключением образования форм Part.Pl. (ср. лит. финский *onnettomia*), Ill.Sg. и Ill.Pl. (лит. финский *onnettomaan*, *onnettomiiin* соответственно). В центральноингерманландских диалектах финского языка такая лексема не встречается, ее место занимает лексема *onnetoine*. Все случаи употребления лексемы *onneton* информантами (у МНК заимствование полное, у МН, ТА частичное) следует относить к влиянию литературного финского языка. У информанта НР используется *onneton*, но с появлением геминации в четвертом слоге по диалектному правилу, у АМК представлена лексема *onneton*, но с использованием слабой степени чередования в All.Sg. и Adess.Sg. Лексема *onneton* подверглась у LM нейтрализации противопоставления по числу, а также всех падежных форм, став, таким образом, неизменяемой.

2.6. Двусложные имена с основой на -e

2.6.1. Одноосновные имена на -i с основой на -e

2.6.1.1. Имена на -i с чередованием ступеней, партитив множественного числа образуется с помощью -loi-/-löi-.

К этому типу относятся лексемы *jok(i)* «река», *käk(i)* «кукушка», *mäk(i)* «гора, горка».

	Sg			Pl		
	основа	показатель	пример	основа	показатель	пример
Nom	S	-∅	jok(i)	W	-t	joet
Gen	W	-n	joen	S	-loi-n	jokiloin
Part	2S \bar{V}	-∅	jokkè	S	-loi	jokiloi
Ill	2S \bar{V}	-(he(n))	jokkèhe	S	-loi-he	jokiloihe
Iness	W	-s	joes	S	-loi-s	jokilois
Essiv	2S \bar{V}	-n	jokkèn	S	-loi-n	jokiloin

Для данного подтипа в диалектах Центральной Ингерманландии характерно образование формы партитива плуралиса с помощью показателя -loi-/-loi- от сильной основы, где $e > i$. От слабоступенной основы образуются формы Gen.Sg., Iness.Sg., Nom.Pl. В слабой ступени k//j или k//∅. Для сильной основы в формах Part.Sg., Ill.Sg., Essiv.Sg. характерна геминация перед долгим гласным.

Для этого подтипа характерны следующие явления.

	Sg			Pl		
	основа	показатель	пример	основа	показатель	пример
Nom	S	-∅	jok(i)	W	-t	joet kiäjet määjet miäjet

Gen	W	-n	joen	S	-loi-n	jokiloin
			jojen	S	-löi-n	mäkilöin
			juajen	W	-n	joen
			juojen	W	i-n	jojin
			kiäjen	S	-en	jokien
			määen	S	-loi-se-n	jokiloisen
Part	2S \bar{V}	-ø	käkkè	S	-loi	jokilo
	S	-a	jokea	S	-löi	mäkilöi
	Wt	-ta	juajetta	Wt	-ta	joetta
				S	-ja	jokija
				S	-loi-ta	jokiloita
Ill	2S \bar{V}	-he	jokkèhe	S	-joi-hen	jokijoihen
	2S \bar{V}	-hen	jokkèhen	S	-löi-hen	mäkilöihen
	2S \bar{V}	-ø	jokkè	S	-loi-he	jokiloihe
	2S \bar{V}	-ø	käkkè	S	-löi-he	käkilöihe
	2S \bar{V}	-ø	mäkkè	S	-loi-hen	jokiloihe
			S	-loi-hin	jokiloihin	
Iness	W	-s	joes	S	-joi-s	jokijois
	W	-s	juajes	S	-loi-s	jokilois
	W	-s	juojes	W	-s	joes
	W	-s	kiäjes	W	-i-s(sa)	jois(sa)
	Sa	-s	jokas	S	-löi-s	käkilöis
	Si	-s	jokis	S	-löi-s	mäkilöis
Essiv	W	-n	juojen	S	-na	jokina
	W	-n	joen			
	S	-ø	käki			

1) По этому типу лексема *joki* изменяется частично у НР (кроме Gen.Pl., Part.Pl.), у МЈ с дифтонгом *oo > uo в слабой ступени, у НV, LM, VK, RRm (приход Скворица), KN (приход Губаницы), ТА, NH (приход Кобринo), SH (приход Хиэтамьяки), НК (приход Колпаны).

2) Лексема *mäki* изменяется по этому типу у информантов НР, МЖ, ВН, НУ, LR, VK, RRm, KN, NH, LK, SH, АМК, НК, представляющих приходы Скворицы, Губаницы, Кобрино, Вуоле, Хиэтамьяки, Колпаны.

3) Парадигматическое выравнивание проявляется здесь в замене ступеней чередования (использование сильной ступени на месте слабой и наоборот).

4) Также встречается смешение подтипов 2.6.1.1. и 2.1.6.2. у информанта НР в лексеме *joki*.

5) Лексема *käki* у информанта АМК представляет собой этот же тип, но с утратой чередования ступеней, с сохранением, однако геминации: Nom.Sg. *käki*, Gen.Sg. *käkin*, Gen.Pl. *käkilöin*, Part.Sg. *käkkè*, Part.Pl. *käkillöi*, Iness.Sg. *käkes*, Iness. Pl. *käkilöis*.

6) Также в идиолекте ТА наблюдается замена показателя *-loi-* на *-joi-* в формах Ill.Pl. *jokijoihen*, Iness.Pl. *jokijois*, Elat.Pl. *jokijoiist*, Transl.Pl. *jokijoiiks*, что, вероятно, можно связать с влиянием начального согласного на сонант в аффиксе.

7) В транслативе наблюдается совпадение форм единственного и множественного числа, то есть выравнивание по сингулярису.

2.6.1.2. имена на *-i* с чередованием ступеней, партитив мн.ч. образуется от (2)S \bar{V} .

Лексемы *joki* «река», *mäki* «гора, горка», *lehti* «лист, газета».²⁹

	Sg			Pl		
	основа	показатель	пример	основа	показатель	пример
Nom	S	-ø	jok(i) leht(i)	W	-t	lehet jojet
Gen	W	-n	jojen lehen	(2)S	-ii-n	lehtin

²⁹ Данный подтип предлагается автором работы как попытка реконструкции типа на основании анализа полученных парадигм и реконструкции, предлагаемой М.З. Муслимовым (Муслимов 2012), примеры ожидаемых форм составлены на базе форм, полученных при опросе информантов.

Part	(2)S \bar{V}	-ø	*lehtë jokkè	(2)S	-ii	jokkii *lehti
Ill	(2)S \bar{V}	-(he(n))	lehtë jokkè	(2)S (2)S	-ii-(he(n)) -ii	lehtihin jokki
Iness	W	-s	lehes joes	W	-i-s	jojis miäjis
Essiv	S V	-n	*joken lehten mäken	S	-i-n	jokin mäkin lehtin

1) По этому типу лексема *joki* изменяется у МН (приход Ярвисаари), причем здесь наблюдается дифтонг *oo > ua в слабой ступени, частично у НР (приход Скворицы), ELFK (приход Губаницы), АМК (приход Колпаны). Как можно заметить, нельзя назвать какого-либо определенного географического распределения лексемы *joki* по словоизменительным типам, поскольку в нашем материале в говоре одного прихода представлены два разных варианта. Для того, чтобы делать вывод о распространении словоизменительных типов, необходимы данные гораздо большего количества информантов.

2) у VH произошло выравнивание Nom.Sg. по форме, возможно, Part.Pl. *jokki*, после чего произошла реинтерпретация kk как сильной ступени, а k как слабой, при этом дистрибуция сильной и слабой ступени сохраняется. Такой же процесс произошел и в лексеме *mäki*, которая в идиолекте VH представлена в Nom.Sg. в форме *mäkki*, с основой на –e и геминацией в формах Part.Sg. *mäkkè* и Ill.Sg. *mäkkè*. Формы косвенных падежей плюралиса в обоих случаях образуются с помощью показателя –loi/-löi.

3) Информантом МНК лексема *joki* в сингулярисе изменяется по словоизменительному типу из финского языка: Part.Sg. *jokea*, Iness.Sg. *joessa*, Iness.Pl. *jokeissa*, а в плюралисе сохраняются диалектные формы: Ill.Pl. *jokkeihin*, Iness.Pl. *jokeissa*.

4) Лексема *mäki* по этому типу изменяется у МН, частично у НР, частично у ЕЛФК: в изменении лексемы *mäki* по этому подтипу есть отличия в образовании форм партитива и иллатива множественного числа подтива 2.6.1.1.

5) Для этого подтипа характерно также смешение подтипов в лексемах *joki*, *mäki*. Для лексемы *lehti* характерно смешение типов: у RRm лексема изменяется по типу с основой на –еe и и основой множественного числа на –ei, чередование ступеней сохраняется.

2.6.2. Двусосновные имена с основой на –е

2.6.2.1. Имена на –s с сильной гласной основой на –te.

Лексемы *susi* «волк», *käsi* «рука», *vesi* «вода», *vuosi* «год»

	Sg			Pl		
	основа	показатель	пример	основа	показатель	пример
Nom	C	-ø	käs'(i)	W	-t	kiäjät
Gen	W	-n	kiäjén	2C	ii-n	kässin
Part	S	-ta	kättä	2C	ii	kässä
Ill	2S \bar{V}	-(he(n))	kättè	2C	-ii-he	kässähe
Iness	W	-s	kiäjés	2C	-ii-s	kässäs
Essiv	2SV	-n	käten	2C	-ii-n	kässin

Данный тип характеризует наличие специальной согласной основы на –t, которая образуется путем усечения сильной гласной основы на –te. Формы косвенных падежей плюралиса образуются от основы множественного числа на –ii, форма Nom.Pl. образуется от слабой гласной основы.

Случаи, встретившиеся в нашем материале, представлены в таблице ниже.

	Sg			Pl		
	основа	показатель	пример	основа	показатель	пример
Nom	C	-ø	käs'(i)	W	-t	kiäjät
			ves'(i)	W	-t	veet/vedet
			sus'(i)	W	-t	suvet
				C	-t	susit

Gen	W	-n	kiäjēn	2C	-ii-n	kässin
			kääēn	C	-i-löi-n	käsilöin
	C	-n	susin	2C	-ii-loi-n	sussiloin
				C	-i-n	käsin
				2S	-i-n	kättein
				W	-i-n	suvin
				W	-i-n	kiäjin
				C	-i-en	susien
			2W	-i-n	suvvein	
Part	S	-ta	kättä	2C	ii	kässä
	C	-ta	susta	C	-i-jä	käsijä
	C	-a	susia	C	i-löi	käsilöi
	2C	-ii	sussi	C	i-tä	käsitä
	Wt	-ta	suvetta	2S	-i-tä	kätteitä
Ill	2S \bar{V}	-(he(n))	kättē	2C	-ii-he	kässähe
			kättēhe	C	i-löi-he	käsilöihe
			kättēhen	2C	-ii(he(n))	kässä(he(n))
	2W \bar{V}	-ø	suvvē	2C	-ii	sussi
	2C	-aa	sussà	W	-i-hen	suveihen
	2C	-ii	sussi	2W	-i-hin	suvveihin
	W	-hen	suvehēn			
Iness	W	-s	kiäjēs	2C	-ii-s	kässis
		-ssä	kääēssä	C	-i-löi-s	käsilöis
				W	-i-s	suvīs
				C	i-s	susīs
				W	-loi-s	suvēlois
				W	-i-s(sa)	suvēis(sa)
Essiv	2SV	-n	kätēn	2C	-ii-n	kässin
	C	-ø	käs'	C	-i-nä	käsinä

1) Для лексем этого типа характерно парадигматическое выравнивание, проявляющееся, как можно увидеть в таблице, в нарушении дистрибуции сильноступенных и слабоступенных основ.

2) Помимо ожидаемого образования множественного числа с помощью показателя *-i-*, у информантов MA, VH, HP, MH, HV, KN, RRm, SH, AMK, HK в части форм косвенных падежей используется показатель *-loi*. У информантов HK, MA появление этого показателя связано с выравниванием форм единственного и множественного числа по основа Nom.Sg. *susi*, в связи с чем, видимо, в плюралисе была предложена основа на *loi-*. Выравнивание по основе *käsilöi-* наблюдается также в формах плюралиса у информанта VH.

3) В идиолекте информанта KN в формах множественного числа лексемы *susi* используется три основы: *susiloi-* как вариант основы для Part., *suvi-* для Part., Essiv., Iness., Elat., *susi-* как еще один вариант основы Part., Iness., Elat., что приводит к параллельному функционированию форм *susis* и *suvis*. В идиолекте информанта RRm в формах множественного числа лексемы *susi* используется четыре основы со следующей дистрибуцией: *susiloi* в Gen.Pl., Elat.Pl., Ill.Pl. *susi-* в Elat.Pl. использован как второй вариант, в Gen.Pl. используется форма *sussiloin* с геминацией и удлинением гласного, а в All.Pl. использована основа *suvei-*.

Описанные выше примеры показывают, что дистрибуция основ в плюралисе этого типа (особенно это касается лексемы *susi*) является достаточно нерегулярной, если только речь не идет о выравнивании типа по сильной ступени. На базе нашего материала, к сожалению, не представляется возможным установить, присуща ли этому явлению какая-то закономерность.

2.6.2.2. Имена на *-ns*, *-ts*.

Лексема *kansi* «крышка»

	Sg			Pl		
	основа	показатель	пример	основа	показатель	пример
Nom	C	-ø	kans	W	-t	kannet
Gen	W	-n	kannen	C	ii-n	kansiin
Part	S	-ta	kantta	C	ii	kansi

Ill	S \bar{V}	-(he(n))	kantè	C	-ii-he	kansihe
Iness	W	-s	kannes	C	-ii-s	kansis
Essiv	SV	-n	kantena	C	-ii-n	kansin

К данному типу принадлежат двуосновые имена на –ns, –rs с согласной основой на nt-, –rt. В основе происходит чередование ступеней nt/nn, rt/rr.

	Sg			Pl		
	основа	показатель	пример	основа	показатель	пример
Nom	C	-ø	kans kans'	W	-t	kannet
Gen	W	-n	kannen	C	ii-n	kansiin
Part	S	-ta	kantta	C	ii	kansi
Ill	S \bar{V}	-(he(n))	kantè	C	-ii-	kansi
Iness	W	-s	kannes	C	-ii-s	kansis
Essiv	SV	-n	kantena	C	-ii-n	kan sìn

В целом, для данной лексемы не наблюдалось изменений, если она изменялась по типу 2.6.2.2. Однако у части информантов (VH, RRm) лексема *kans* перешла в другой тип, и частично изменяется по типу на –ee с основой множественного числа на ei- (Elat.Sg. *kannèst*, Ill.Pl. *kanneihen*), частично по типу 2.1. с основой множественного числа на –oi (Gen.Pl. *kannoin*, *kansoin*). При этом у RRm произошло выравнивание по слабой ступени, что привело к употреблению *kanne(e)* во всех падежах, кроме Nom.Sg., а у информанта VH основа Nom.Sg. *kans*- реинтерпретировалась как сильная, а слабоступенная основа *kann-/kanne-*, как слабая. В ряде словоформ у VH лексема реинтерпретируется как *kanta* «стебель»: Elat.Sg. *kannast*, Iness.Sg. *kannas*, Iness.Pl. *kantoist* (параллельно с формой *kansoist*). Также смешиваются основы *kansa-* и *kanne-* в форме All.Sg. *kansel*.

2.7. Имена на –ne (-se)

Лексемы *valkone*, *valkoinen*, *valkonin* «белый», *takune* «вкусный», *onnetoin(e)* «несчастный», *mavutoin* «безвкусный».

	Sg			Pl		
	основа	показатель	пример	основа	показатель	пример
Nom	S	-ø	makune	W	-t	makuset
Gen	W	-n	makusen	W	ii-n	makusìn
Part	WC	-ta	makusta	W	ii	makusì
Ill	W	-(he(n))	makusè	W	-ii	makusì
Iness	W	-s	makuses	W	-i-s	makusis
Essiv	W	-n	makusen	W	-i-n	makusin

Партитив единственного числа в этом типе имеет окончание *-ta* (*-tä*), гласная основа оканчивается на *-se*. Все случаи прибавления суффикса деминутива *-ne* к именам переводят их в этот тип. В случае лексемы *valkone(n)* наблюдается также чередование *lk/l* в основе.

	Sg			Pl		
	основа	показатель	пример	основа	показатель	пример
Nom	S	-ø	makune makuse	W	-t	makuset
Gen	W	-n	makusen	W	-ii-n -i-a	makusìn valkosia
Part	WC	-ta	makusta	W	-ii	makusì
	SC	-ta	valkosta	W	-i-ta	makuseita
Ill	W	-(he(n))	makusè	W	-ii	makusì
Iness	W	-s	makuses	W	-i-s	makusis

1) Этот тип встречается в случаях смешения типов в лексемах, принадлежащих к разным типам в зависимости от принадлежности к литературному языку или диалекту: *onneton* (лит.финский), *onnetoin*, *onnetoine* (центральноингерманландский диалект финского языка), *makusa*, *makus'a*, *makune* (диалектн), *makune* (лит.финский) *valkija*, *valkone* (диалект), *valkoinen* (лит.финский). Диалектный вариант лексемы *onnetoin(e)* используется практически всеми информантами, кто вспомнил данную лексему, кроме случаев, указанных в типе 2.5.1.

2) Лексема *takune* встречается у RRM во всех падежах, спорадически в косвенных падежах у VK (Iness.Sg.Pl., Elat.Sg.Pl.), у TA (Ill.Sg.), NK (Transl.Sg.), ELFK (Elat.Pl.), НК (Gen.Sg.), у МА в Iness.Sg., у HP Elat.Sg, у МНК для Iness.Sg., Elat.Sg.Pl. Это связано со смешением типов и, как следствие, выравниванием частей парадигм по другому типу.

3) В речи информанты HP и МКН как основная используется лексема *takuinen*, заимствованная из финского литературного языка.

4) У ЕК нейтрализовалась оппозиция по числу в косвенных падежах у лексемы *takuse*, появление которой связано с реинтерпретацией слабой гласной основы как формы Nom.Sg.

2.8. имена на -l, -n, -r

2.8.1. имена типа avvain

Лексема *hapan* «кислый».

	Sg			Pl		
	основа	показатель	пример	основа	показатель	пример
Nom	C	-∅	hapan	V	-t	happamet
Gen	V	-n	happamen	V	ii-n	happamin
Part	C	-ta	hapanta	V	ii	happami
Ill	\bar{V}	-(he(n))	happamè	V	-ii	happami
Iness	V	-s	happames	V	-ii-s	happamis
Essiv	V	-n	happamen	V	-ii-n	happamin

Лексемы, относящиеся к этому типу, в Nom.Sg. оканчиваются на -in, -an, -än. Сильная гласная основа этого типа оканчивается на -me, слабая согласная – на -n.

	Sg			Pl		
	основа	показатель	пример	основа	показатель	пример

Nom	C	-ø	hapan	V	-t	happamet
				WV	-t	hapamet
				V	-i-t	happamit
				2V	-i-t	happammit
Gen	V	-n	hapamin	V	ii-n	happamìn
	V	-n	happamen			
Part	C	-ta	hapanta	V	-ii	happamì
				WV	-ii	hapamì
Ill	V̄	-ø	happamè	V	-ii	happamì
		-hen	happamèhen	V	-ii-he	happamihe
		-ii	happamì	V	-ii-hen	happamihen
Iness	V	-s	happames	V	-ii-s	happamìs
		-i-s	happamis			
Essiv	V	-n	happamen	V	-ii-na	happamìna

Помимо нарушения дистрибуции сильной и слабой ступени в гласной основе, для лексемы *hapan* также оказалось частотным смешение типов, реинтерпретация основ, а также нейтрализация оппозиции числа.

1) Нейтрализация оппозиции по числу наблюдается у информантов МКА, НV, АМК, при котором формы единственного числа образуются от основы множественного числа.

2) Смешение типов и реинтерпретация основ наблюдались в идиолектах VK, RRm, NH, SH, но особо интересным представляется идиолект МН с появлением формы Nom.Sg. *hapana*, что подробно обсуждается в параграфе 3.3.2.

2.9. двусложные имена на –i

2.9.1. типа *harmi*

Лексемы *kuntel'*, *käki*.

Приведем пример из статьи Л.П. Кирпу: лексема *harmi* «досада».³⁰

³⁰ Пример из статьи Л.П. Кирпу используется ввиду того, что данный тип в нашем материале не представлен полной парадигмой, не затронутой аттрицией.

	Sg			Pl		
	основа	показатель	пример	основа	показатель	пример
Nom	V	-∅	harmi	V	-t	harmit
Gen	V	-n	harmin	V	-loi-n	harmiloin
Part	\bar{V}	-∅	harmii	V	-loi	harmiloi
Ill	\bar{V}	-(he(n))	harmii	V	-loi-he	harmiloihe
Iness	V	-s	harmis	V	-loi-s	harmilois
Essiv	V	-n	harmin	V	-loi-n	harmiloin

При наличии соответствующих условий в этом типе происходит геминация, чередования ступеней нет. Основа сингуляриса оканчивается на *-i*, для образования плюралиса используется показатель *-loi/-löi-*.

	Sg			Pl		
	основа	показатель	пример	основа	показатель	пример
Nom	V	-∅	käki	V	-t	käkit
Gen	V	-n	käkin kyntelin	2V	-loi-n	käkkilöin
Part	2 \bar{V}	-∅	käkki	2V	-loi	käkkilöi
	\bar{V}	-∅	kynteli	V	-loi-ta	kyntelöitä
Ill	\bar{V}	-∅	kynteli	V	-loi-he	kyntilöihe
Iness	V	-s	käkis	V	-loi-s	käkilöis
				2V	-loi-s	käkkilöis

1) Лексема *käki* изменяется по этому типу у информанта RRm. При этом, по-видимому, часть основы плюралиса образуется путем реинтерпретации формы Part.Sg. *käkki* как основы для образования множественного числа с помощью показателя *-loi-*. В форме Elat.Pl. добавляется суффикс деминутива, что переводит лексему в тип 2.7.: Elat.Sg. *käkisest*, при этом используется основа сингуляриса.

2) Лексема *kyntel'*, изменяемая по этому типу, встречается в парадигмах частично: у RRm в Gen.Sg. *kyntelin*, Ill.Sg. *kynteli*, у KN во всех формах сингуляриса и Nom.Pl., Gen.Pl., Iness.Pl. В формах Ill.Pl. *kyntilöihe* и Part.Pl.

kyntelöita, по-видиому, наблюдается либо выпадение последнего слога, либо его стяжение с показателем мн.ч. -loi-.

2.10. имена на -u, -y, -o, -ö

2.10.1. Имена с чередованием ступеней согласных в основе.

Лексемы *kukko* «петух», *repo* «лиса».

	Sg			Pl		
	основа	показатель	пример	основа	показатель	пример
Nom	S	-∅	kukko	W	-t	kukot
Gen	W	-n	kukon	S	-loi-n	kukkoloin
Part	2S \bar{V}	-∅	kukkò	S	-loi	kukkoloi
Ill	2S \bar{V}	-(he(n))	kukkò	S	-loi-he	kukkoloihe
Iness	W	-s	kukos	S	-loi-s	kukkolois
Essiv	S	-n	kukkon	S	-loi-n	kukkoloin

Лексемы, входящие в данный тип, имеют чередование ступеней в основе, где слабоступенная основа употребляется в формах Gen.Sg., Iness.Sg., Nom.Pl.

	Sg			Pl		
	основа	показатель	пример	основа	показатель	пример
Nom	S	-∅	kukko	W	-t	kukot
Gen	W	-n	kukon	S	-loi-n	kukkoloin
				W	-loi-n	kukoloin
				W	-i-n	kukoin
Part	2S \bar{V}	-∅	kukkò	S	-loi	kukkoloi
Ill	2S \bar{V}	-∅	kukkò	S	-loi-he	kukkoloihe
	2S \bar{V}	-n	kukkòn	W	-loi-he	kukoloihe
				S	-loi-hi	repoloihi
				S	-i-hen	kukkoihen

Iness	W	-s	kukon	S	-loi-s	kukkolois
				W	-loi-s	revolois
				S	-i-s	kukkois
				S	i-se-s	kukkoises

1) Парадигматическое выравнивание, проявляющееся в использовании слабой степени чередования в позиции, в которой ожидается сильная степень: Gen.Pl. *kukoloin* вместо **kukkoloin*.

2) У информантов RRm и TA лексема *gero* перестала изменяться, согласно этому типу и перешла в тип 2.10.2 вследствие выравнивания форм по сильной степени.

3) Лексемы *kukko* у RRm, образует множественное число с помощью ожидаемого показателя *-loi-* только в форме Part.Pl. *kukkoloi*, в остальных же формах основа плюралиса образуется с помощью показателя *-i*. Для форм Iness.Pl. и Elat.Pl. характерно присоединение показателя деминутива к основе множественного числа *kukko-i-*.

2.10.2. Имена без чередования ступеней, имеющие геминацию.

Лексемы *kilo* «коза», *mato* «червяк», *gero* «лиса».

	Sg			Pl		
	основа	показатель	пример	основа	показатель	пример
Nom	V	-∅	kilo	V	-t	kilot
Gen	V	-n	kilon	V	-loi-n	kiloloin
Part	2V̄	-∅	killò	V	-loi	kiloloi
Ill	2V̄	-(he(n))	killò	V	-loi-he	kiloloihe
Iness	V	-s	kilos	V	-loi-s	kilolois
Essiv	V	-n	kilon	V	-loi-n	kiloloin

Для этого типа характерно наличие геминации в Part.Sg., Ill.Sg., в качестве показателя множественного числа ожидается *-loi-/-löi*.

	Sg			Pl		
	основа	показатель	пример	основа	показатель	пример

Nom	V	-∅	kilo	V	-t	kilot
				2V	-t	reppot
Gen	V	-n	kilon	V	-loi-n	kiloloin
				V	-i-n	kukoin
				V	-i-	reppoin
Part	2V̄	-∅	killò	V	-loi	kiloloi
Ill	2V̄	-n	mattò	V	-loi-he	kiloloihe
	V	-i-hen	matoihen	V	-hoi-hen	repohoihen
				2V	-i-hin	mattoihin
				2V	-i-he-l	mattoloihel
Iness	V	-i-s	matois	V	-loi-s	kilolois
	V	-s	kilos	2V	-loi-s	
Essiv	2V	-na	mattona	2V	-loi-na	mattoloina

1) Для лексемы *mato* «червяк» ожидалось чередование степеней, и наличие *t/v* и **aa > ua* в слабой степени (Муслимов 2012). Тем не менее, в полученных случаях в основе *mato* произошло выравнивание по сильной степени у информантов МН, RRm. При этом основа плюралиса образуется от формы Part.Sg. *mattò-* + *i > mattoi-* у RRm, и с помощью показателя *-loi-* у МН. Подобная стратегия также используется информантом ELFK для образования формы Part.Pl. *killoi*.

2) В лексеме *repo* у информантов RRm и ТА произошло выравнивание по сильной основе, что привело к изменению типа. Ф.И. Рожанский описывает подобное явление в современном водском языке, крапольском говоре которого произошла потеря чередований степеней: Gen.Sg. *repo*, а не ожидаемое *revo* (ср. песоцко-лужицкйи Gen.Sg. *revo*). Этот процесс можно связывать с выравниванием по аналогии, но Ф.И. Рожанский предполагает, что потеря может быть объяснена избеганием тройных чередований «слабая степень – сильная степень – гемината», при котором остается либо чередование степеней, либо геминация (Маркус, Рожанский 2011: 115). Это же явление, видимо,

коснулось и лексемы *mato*, описанной в 1). При этом образование форм плюралиса у RRm также происходит при помощи показателя –i-, тогда как у TA – при помощи показателя –loi-. Также в форме III.Pl. у TA, как и в лексеме *joki*, происходит фонетическое изменение в показателе –loi- под влиянием окружения, l > h, видимо, под влиянием показателя иллатива –hen.

2.11. Имена с основой на –aa, –ää, –ee, –ii

2.11.1. Имена с основой на –as, –äs, –es

2.11.1.1. Имена типа *pensas* без чередования ступеней

Лексема *pellovas* «лён».

	Sg			Pl		
	основа	показатель	пример	основа	показатель	пример
Nom	C	-ø	pellovas	V	-t	pellovåt
Gen	V̄	-n	pellovàn	V	-i-n	pellovain
Part	C	-ta	pellovasta	V	-i-ta	pellovaita
Ill	V̄	-(he(n))	pellovà(hen)	V	-i-he	pellovaihe
Iness	V̄	-s	pellovàs	V	-i-s	pellovais
Essiv	V̄	-n	pellovàn	V	-i-n	pellovain

Для этого подтипа характерно отсутствие чередования ступеней, формы Nom.Sg. и Part.Sg. образуются от согласной основы на –s, во всех остальных формах выступает гласная основа.

Для данного типа нет необходимости приводить таблицу с аттриционными явлениями, поскольку в целом его сохранность довольно велика. Особо отметим два момента:

1) У информанта МН наблюдается смешение типов: было порождено две параллельных формы Transl.Pl. *pellovaiksi* и *pellovoiksi*, последняя форма относится к типу 2.2.1.

2) У информанта АМК, как и у RRm, данная лексема относится к несчисляемым существительным, поэтому форм плюралиса получено не было.³¹

³¹ В отличие от RRm, KN смогла породить формы множественного числа, при этом определяя *pellovas* как растение, а не материал.

2.11.1.2. Имена на –as с чередованием ступеней.

Лексема *lammas* «овца».

	Sg			Pl		
	основа	показатель	пример	основа	показатель	пример
Nom	C (W)	-∅	lammas	2V \bar{V}	-t	lampàt
Gen	2 V \bar{V} (S)	-n	lampàn	2V \bar{V}	-i-n	lampain
Part	C	-ta	lammasta	2V \bar{V}	-i-ta	lampaita
Ill	2V \bar{V}	-(he(n))	lampà(hen)	2V \bar{V}	-i-he(n)	lampaihe
Iness	2V \bar{V}	-s	lampàs	2V \bar{V}	-i-s	lampais
Essiv	2V \bar{V}	-n	lampàn	2V \bar{V}	-i-n	lampain

Для этого типа характерна нетривиальная дистрибуция сильной и слабой ступени: слабая ступень употребляется в Nom.Sg. и Part.Sg., в остальных формах – сильная ступень.

	Sg			Pl		
	основа	показатель	пример	основа	показатель	пример
Nom	C (W)	-∅	lammas	W \bar{V}	-t	lammàt
Gen		-n	lampàn	W \bar{V}	-si-n	lammaisin
Part	C	-ta	lammasta	2V \bar{V}	-i-ta	lampaita
Ill	2V \bar{V}	-(he(n))	lampà	2V \bar{V} 2V \bar{V}	-i-hi	lampoihi
Iness	W \bar{V}	-s	lammàs	W \bar{V} 2V \bar{V}	-se-s -s	lammoises lampois

1) Выравнивание приводит к использованию слабой ступени в позициях, где ожидается сильная, например, в Nom.Pl. *lammàt*, Iness.Sg. *lammàs*. Данный процесс, по-видимому, связан с тем, что *lammas* – непродуктивный тип, так как такое распределение сильной и слабой основы встречается редко.

2) Для этой лексемы также характерно смешение типов: в формах Ill.Pl., Iness.Pl., Elat.Pl. встречается основа множественного числа на –oi, что переводит эти формы в другой тип.

2.11.2. Двусложные имена на –аа.

Лексемы *kiika* «печь», *harmaa* «серый»

	Sg			Pl		
	основа	показатель	пример	основа	показатель	пример
Nom	\bar{V}	-∅	harmaa	\bar{V}	-t	harmàt
Gen	\bar{V}	-n	harmàn	V	-i-n	harmain
Part	\bar{V}	-ta	harmàta	V	-i-ta	harmaita
Ill	\bar{V}	-(he(n))	harmà(hen)	V	-i-he	harmaihe
Iness	\bar{V}	-s	harmàs	V	-i-s	harmais
Essiv	\bar{V}	-n	harmàn	V	-i-n	harmain

Данный тип не выделяется в классификации Л.П. Кирпу, так как в говоре прихода Марково сохранение долгих гласных в первом слоге невозможно в связи с их радикальной дифтонгизацией (подробнее о радикальной дифтонгизации см. С. 48). Однако, судя по текстам, представленным у М. Муллонен, он часто встречается в диалектах с умеренной или отсутствующей дифтонгизацией (см. Mullonen 2004).

В основе данного типа не происходит никаких изменений, основа множественного числа образуется путем стяжения долгого гласного основы и показателя плюралиса –i-: *aa + i > *aaï > ai.

С точки зрения морфонологии, в данном типе не происходит никаких изменений под влиянием аттриции. Однако этому типу присуще, во-первых, частичное смешение типов в связи с сокращением гласного первого слога и реинтерпретации основы как основы на –а (тип 2.1.2.) у информантов НР и МН.

2.11.3. Имена на –е

2.11.3.1. Имена с основой на –е без чередования ступеней

Лексемы *kile* «коза», *kärme* «змея», *viikate* «коса», *perse* «задница», *kekäle* «головешка», *perse* «задница», *pimtee* «темный», *valkee* «белый», *makkee* «вкусный».

	Sg			Pl		
	основа	показатель	пример	основа	показатель	пример
Nom	V	-∅	kärme	\bar{V}	-t	kärmèt
Gen	\bar{V}	-n	kärmèn	V	-i-n	kärmein
Part	$C\bar{V}$	-ta	kärmèttä	V	-i-ta	kärmeita
Ill	\bar{V}	-(he(n))	kärmè(hen)	V	-i-he	kärmeihe
Iness	\bar{V}	-s	kärmès	V	-i-s	kärmeis
Essiv	\bar{V}	-n	kärmèn	V	-i-n	kärmein

В основе лексем данного типа не происходит ни чередования ступеней, ни геминации согласных, основа множественного числа образуется путем стяжения долгого гласного основы и показателя плюралиса $-i-$: $*ee + i > *eei > ei$. Форма Part.Sg. образуется от согласной основы, которая получается путем усечения гласной основы.

	Sg			Pl		
	основа	показатель	пример	основа	показатель	пример
Nom	V	-∅	kärme	\bar{V}	-t	kärmèt
Gen	\bar{V}	-n	kärmèn	V	-i-n	kärmein
				V	-loi-n	kärmelöin
Part	$C\bar{V}$	-ta	kärmèttä	V	-i-ta	kärmeita
Ill	\bar{V}	-∅	kärmè	V	-i-h	kärmeih
		-h	kärmèh	V	-i-he	kärmeihe
		-he	kärmèhe	V	-i-hen	kärmeihen
		-hen	kärmèhen	V	-i-hin	kärmeihin
Iness	\bar{V}	-s	kärmès	V	-i-s	kärmeis
				V		
Essiv	\bar{V}	-n	kärmèn	V	-i-n	kärmein

1) Атриция в данном подтипе проявляется в смешении его с типом 2.12. (лексемы *kärme*, *kekäle*), типом 2.4.1. (лексема *kekälä*), а также с типом 2.13. (лексема *perse*). Смешение наблюдается у информантов MJ, HV, KN, ELFK, LM, причем чаще всего в Ill.Pl., Elat.Pl., Iness.Pl.

2) Лексемы *pimtee*, *valkee* встречаются в идиолекте SH (приход Хиэтамьяки). Использование прилагательных этого типа встречается в текстах, записанных в приходе Хиэтамьяки, а также в приходе Тюрё (Mullonen 2004). При этом, дистрибуция форм этого типа у SH представляется довольно интересной: Nom.Sg., Gen.Sg. и все формы плюралиса изменяются согласно данному типу, в формах Part.Sg., Iness.Sg. используются формы типа 2.4.1. *pimejä*. *valkijä*. Подобный смешанный тип отмечался также в говоре прихода Тюрё в 50-е гг (см. параграф 3.3.1. о смешении типов) (Ruoppila 66: 1955).

3) Лексема *takkee* была зафиксирована в идиолекте ЕК (приход Серепетта), однако получить полную паридигму не удалось.

4) Лексема *viikate* относится к этому типу у информантов МА, МКА, LR, KN, АМК (с формой Gen.Sg. *viikattèn*). По-видимому, переход этой лексемы из подтипа 2.11.3.4. связан с выравниванием по слабой ступени.

5) По данному типу лексема *perse* изменяется у информанта МН.

2.11.3.3. Имена с историческим *eh на конце с чередованием ступеней.

Лексемы *tuahe*, *lähe*, *pere*.

	Sg			Pl		
	основа	показатель ь	пример	основа	показатель	пример
Nom	C (W)	-ø	tuahe	2V \bar{V}	-t	tattèt
Gen	2V(S) \bar{V}	-n	tattèn	2V \bar{V}	-i-n	tattein
Part	Ct	-ta	tuaheittä	2V \bar{V}	-i-ta	tatteita
Ill	2V \bar{V}	-(he(n))	tattè(hen)	2V \bar{V}	-i-he	tatteihe
Iness	2V \bar{V}	-s	tattès	2V \bar{V}	-i-s	tatteis
Essiv	2V \bar{V}	-n	tattèn	2V \bar{V}	-i-n	tattein

Данный тип характеризует наличие двух основ. Слабая исторически согласная основа используется в Nom.Sg., Part.Sg. В остальных формах ожидается использование сильной гласной основы, для которой характерна геминация.

	Sg			Pl		
	основа	показатель	пример	основа	показатель	пример
Nom	C (W)	-ø	tuahe	2V \bar{V}	-t	tattèt
	C (S)	-ø	lähte	2V	-i-t	lähteit
				C \bar{V} (W)	-t	tuahèt
				CV	-t	peret
Gen	2V(S) \bar{V}	-n	tattèn	2V \bar{V}	-i-n	tattein
	C (W)	-n	lähen	C \bar{V}	-i-n	tuahein
				CV	-loi-n	tuaheloin
Part	C (W)	-ta	tuahettä	2V \bar{V}	-i-ta	tatteita
	\bar{V}	-ø	lähtè	C \bar{V}	-t-ta	tuaheita
	2C \bar{V}	-ta	perrèttä	CV	-loi-ta	tuaheloita
	2VV	-ta	lähtettä	CV	-loi	lähtilöi
Ill	2V \bar{V}	-(he(n))	tattè	CV	-i-hin	tuaheihin
	C \bar{V}	-h	taahèh	CV	-loi-hen	tuaheloihen
	C \bar{V}	-he	tuahèhe	V	-i-h	lähteih
	C \bar{V}	-ø	tuahè	2 \bar{V}	-n	perreen
	C \bar{V}	-n	tuaheen	2 \bar{V}	-i-hi	perreihi
	2C \bar{V}	-ø	lähhè	2 \bar{V}	-i-hen	perreihen
Iness	2V \bar{V}	-s	tattès	2V \bar{V}	-i-s	tatteis
	V	-s	lähtes	C	-i-s	lähis
				2C	-i-s	perris
Essiv	2V \bar{V}	-n	tattèn	2V \bar{V}	-i-n	tattein
	\bar{V}	-n	lähtèn			

1) Самым частотным изменением в данном типе является выравнивание по слабой ступени в Gen.Sg., Ill.Sg., Iness.Sg., а также во всем плюралисе. От двух информантов удалось получить формы Ill.Pl., однако в обеих наблюдалось выравнивание по слабой ступени.

2) Также отмечена выравнивание по сильной ступени в формах, где ожидалась слабая ступень, для лексемы *lähe*: Nom.Sg. *lähte*, Part.Sg. *lähtettä*. У информантов МН и МКН наблюдается реинтерпретация чередования ступеней по выравненной форме, причем чередование ступеней t//d замещается из литературного финского языка. У МН чередование ступеней сохраняется, при этом, только в формах Iness.Sg. *lähdes*, Elat.Sg. *lähdest*, у МКН чередование ступеней затрагивает Iness.Sg.Pl. и Elat.Sg.Pl.

Такой распад парадигмы лексемы *tuahe* отмечает J. Heikkinen, сравнивая особенности типа *mäki* (2.6.1.1.) и *käsi* (2.6.2.1.). В этих типах есть три ступени – сильная, слабая и геминированная. Сильная ступень в этих типах по своему внешнему облику не очень сильно отличается от слабой и геминированной (*miäje(e) ≈ mäke/mäki ≈ mäkke*), что позволяет носителям языка осознавать три этих алломорфа как алломорфы одной основы. Для *tuahe*, однако, есть только слабая ступень (*tuahe/taahe*) и сильная геминированная (*tattee*), и связь между ними разрывается из-за отсутствия «промежуточной» точки (как в *mäki*), в связи с чем эти алломорфы осознаются как псевдосупплетивные (Heikkinen 1998: 86-88). По-видимому, именно эта особенность данной лексемы вызывает такое количество выравниваний по слабой ступени, представленной в Nom.Sg.

3) У RRm для образования форм плюралиса лексемы *tuahe* использовался показатель –*loi-* вместо ожидаемого –*i-*. Частое употребление –*loi-/löi-* для образования множественного числа вообще является отличительной особенностью идиолекта RRm.

2.11.3.4. Имена на –e с чередованием ступеней.

Лексемы *kuve* «бок», *viikate* «коса».

	Sg	Pl
--	----	----

	основа	показатель	пример	основа	показатель	пример
Nom	V(W)	-∅	kuve	2 \bar{V}	-t	kuppèt
Gen	\bar{V} (S)	-n	kuppèn	2 \bar{V}	-i-n	kuppein
Part	VC	-ta	kuvettä	2 \bar{V}	-i-ta	kuppeita
Ill	\bar{V}	-(he(n))	kuppè(hen)	2 \bar{V}	-i-he	kuppeihe
Iness	\bar{V}	-s	kuppès	2 \bar{V}	-i-s	kuppeis
Essiv	\bar{V}	-n	kuppèn	2 \bar{V}	-i-n	kuppein

Для этого типа характерно наличие слабой ступени в основе Nom.Sg., а также в согласное основе Part.Sg. Партитив образуется при помощи показателя -ta/-tä.

	Sg			Pl		
	основа	показатель	пример	основа	показатель	пример
Nom	V(W)	-∅	kuve	2 \bar{V}	-t	kuppèt
Gen	\bar{V} (S)	-n	kuppèn	2 \bar{V}	-i-n	kuppein
Part	VC	-ta	kuvettä	2 \bar{V}	-i-ta	kuppeita
	\bar{V} C	-ta	viikattèta	2 \bar{V}	-∅	kuppè
				2 \bar{V}	-t	viikateit
Ill	\bar{V}	-∅	kuppè	2 \bar{V}	-i-he	kuppeihe
	\bar{V}	-he	kuppèhe	2 \bar{V}	-i-hen	viikatteihen
	\bar{V}	-hen	viikattèhen			
Iness	\bar{V}	-s	kuppès	2 \bar{V}	-i-s	kuppeis
	V	-s	viikates			

1) Лексема *viikate* изменяется по этому типу у информантов HP, MJ, HV, NH, ELFK, RRm, TA.

2) Для этой лексемы также наблюдается выравнивание по слабой ступени у информанта HV в Gen.Sg.Pl., Iness.Sg.Pl., Elat.Sg., Nom.Pl., то есть лексема частично смешивается с типом 2.11.3.1. Такое же явление наблюдается и у информанта RRm. У информанта TA по слабой ступени выравниваются форма Nom.Pl., Part.Pl., а по сильной – форма Part.Sg. *viikattetta*. В идиолекте информанта NH по сильной ступени выровнялись все формы, кроме Nom.Sg.

2.12. Имена на –е с основой множественного числа на –і.

Лексемы *kärme* «змея», *kekäle* «головешка».

	Sg			Pl		
	основа	показатель	пример	основа	показатель	пример
Nom	V	-∅	kärme	V	-t	kärmes
Gen	V	-n	kärmen	V	-i-n	kärmin
Part	VC	-ta	kärmettä	V	-ii	kärmì
Ill	V	-(he(n))	kärmè(hen)	V	-ii	kärmì
Iness	V	-s	kärmes	V	-i-s	kärmis
Essiv	V	-n	kärmen	V	-i-n	kärmin

Для этого типа характерно образование Part.Sg. с помощью показателя –ta/-tä, Part.Pl. образуется путем удлинения конечной гласной основы множественного числа.

Данный тип характерен для идиолектов информантов HP, TA, а также встречается спорадически у информантов MJ, HV, KN, ELFK, LM. По-видимому, этот тип образовался вследствие сокращения гласного основы на –ее у лексем из типа 2.11.3.1.

2.13. Имена на *ек с основой на –і.

Лексема *perse* «попа»³²

	Sg			Pl		
	основа	показатель	пример	основа	показатель	пример
Nom	V	-∅	perse	V	-t	persin
Gen	V	-n	persin	V	-n	kärmin
Part	VC	-ta	persitä	V	-i-tä	persijtä
Ill	V̄	-(he(n))	persì	V	-ii-hen	persihen
Iness	V	-s	persis	V	-s	persis

³² Ввиду специфической семантики данного слова, получить его удалось далеко не у всех информантов.

Essiv	V	-n	persin	V	-n	persin
-------	---	----	--------	---	----	--------

Данный тип имеет основу на –i в сингулярисе и плюралисе.

По данному типу лексема *perse* изменяется у информанта NH. В идиолектах информантов LK и SH данная лексема колеблется между данным типом и типом 2.11.3.1.

Выводы

Картина проявлений языковой аттриции в исследованном материале оказалось очень пестрой и разнообразной: изменения затрагивают уровень фонетики, морфонологии, морфологии и синтаксиса.

На фонетическом уровне было выявлено окказиональное нарушение сингармонизма, когда аффикс с гласным заднего ряда присоединялся к основе с гласным переднего ряда, а также геминация в третьем слоге, до этого описанная только для отдельных говоров прихода Тюрё.

На уровне морфонологии было выявлено парадигматическое выравнивание, заключающееся в утрате чередований сильной и слабой ступени в парадигме, а также в замене алломорфов с одной ступенью чередования на алломорфы с другой ступенью; и выравнивание по аналогии, проявляющееся в переходе лексем из одних словоизменительных типов в другие, причем это касается не только непродуктивных типов, но и продуктивных.

В типах, включающих одноосновные имена без чередования ступеней, аттриция чаще всего проявляется в виде аналогического выравнивания, когда лексема либо полностью переходит в другой словоизменительный тип, либо же в парадигме встречаются формы, принадлежащие к разным типам. Для типов с одноосновными именами с чередованием ступеней характерна полная или частичная утрата таких чередований, а также связанная с этим смена или смешение словоизменительного типа. Двухосновные имена характеризуют нарушения в дистрибуции основ по формам, а также смешение словоизменительных типов в пределах одной парадигмы. Для имен с долгим гласным в основе слова также оказалось довольно частотным сокращение долгого гласного и последующая реинтерпретация лексем как типа с кратким гласным в основе.

Некоторые лексеммы (*käki*, *joki*, *mäki*) демонстрировали принадлежность к двум разным подтипам в зависимости информанта. Вероятно, это этому можно дать лингвогеографическое объяснение, однако ввиду того, что в работе основное внимание уделялось диалектам Центральной Ингерманландии, делать

такого рода выводы на основе нашего материала нельзя, и этот вопрос требует дальнейшего исследования.

Для лексемы *porstuva*, однако, даже на базе нашего материала удалось установить определенные ареалы распространения отдельных словоизменительных типов, к которым она может относиться: в западногатчинском ареале распространения: она принадлежит к типу 2.2.1. с основой плюралиса, оканчивающейся на –oi.

На уровне морфологии были выявлены случаи категориального переключения, выразившиеся в замене форм эссива на формы номинатива и партитива, а также в замене форм транслатива на формы иллатива и аллатива. Также был обнаружен случай генерализации в образовании плюралиса, характерной для идиолекта RRm, который использовал показатель –loi-/–lõi– даже в тех случаях, когда другие информанты использовали –i– в соответствии с ожидаемым способом.

На уровне синтаксиса были выявлены случаи категориального сдвига: замена конструкции «tulla + Transl.» (становиться кем-л./чем-л.) на конструкцию «tulla ko + Nom».

Таким образом, в главе были показаны основные проявления языковой аттриции, составлена классификация встретившихся в материале именных типов, представлены изменения, характерные для каждого из типов, описаны основные проявления аттриции для каждого из типов, а также отмечены особенности идиолектов некоторых информантов.

Глава 4. Некоторые аспекты языкового сдвига в Центральной Ингерманландии

4.1. Общие замечания: метод и информанты

4.1.1. Метод

Описание социолингвистической ситуации требует не только исследования внешних социальных, политических и экономических условий, но также и взгляда самих носителей на язык, общество и их место в этом обществе. Эти аспекты хорошо раскрываются при проведении социолингвистического интервью, причем важно рассматривать не только прямые ответы информантов на вопросы интервью, но и ту информацию, которую они сообщают в свободной беседе: их взгляды на современную ситуацию, язык, а также «народный» взгляд на историю. Все эти аспекты рассматривались в данном исследовании.

Для этого проводилось полуструктурированное социолингвистическое интервью, использованные для него вопросы представлены в Приложении. Часть вопросов обсуждалась с информантами по ходу беседы во время и после сбора морфонологического материала, часть вопросов задавалась в форме интервью. Форма проведения интервью варьировалась в зависимости от личностных особенностей информанта, а также желания информанта затрагивать те или иные темы в разговоре. Вопросы, включенные в социолингвистическое интервью, охватывали следующие темы: идентичность, родной язык, отношение к языку, распределение языков по доменам, роль церкви в жизни информанта. Также по ходу беседы информанту задавались вопросы, целью которых было выяснение мнения информанта о языковой ситуации в регионе. Привлекались также данные, полученные от информантов, не являвшихся основными в данном исследовании, ввиду неполноты социолингвистических анкет и отсутствия собранных именных парадигм.

Однако их мнение о языке и ситуации в регионе также учитывалось при написании данной главы.

С целью соблюдения автором исследования этики полевых исследований, информанты обозначаются с помощью буквенного кода, который содержит инициалы на латинице. Ввиду того, что большинство информантов являются лицами женского пола, мужской пол обозначается отдельно буквой «m» только для информанта RR. Данные о годе и месте рождения информантов, а также краткая биографическая справка представлены в параграфе 4.4. «Лингвистические биографии».

Всего была получена 21 анкета информантов, у которых был также собран морфонологический материал, а также 3 интервью с детьми информантов. Удалось также провести интервью с детьми информантов МКА, MJ, HV и выяснить их отношение к ингерманландскому диалекту, своей идентичности и вопросам сохранения языка. Общий объем полученного аудиоматериала составил 46 часов записи.

4.1.2. Информанты

Среди информантов представлен 1 мужчина и 20 женщин. Такое распределение информантов по полу объясняется тем, что большое количество мужчин-ингерманландцев были репрессированы в 20-е и особенно 30-е гг., в связи с чем большинство сообщества ингерманландских финнов в настоящее время составляют женщины (Kokko 1998: 157). Возрастные группы представлены следующим образом: 7 информантов родились в 20-е гг., 9 информантов – в 30-е гг., 4 информанта – в 40-е гг., 1 информант – в 60-е гг. Это связано с тем, что достаточно компетентные носители, способные отвечать на вопросы морфонологической анкеты, являются представителями поколений 20-х и 30-х годов: они родились и еще какое-то время жили в финских деревнях, в их семьях говорили на финском языке, некоторые ходили в финские школы, многие вступали в брак с финнами, что позволяло сохранять язык. В отличие от этого, среди представителей уже поколения 40-х гг. носителей с достаточно

высокой компетенцией гораздо меньше, и это напрямую связано с социальными и политическими условиями, в которых находились ингерманландские финны: репрессии привели к тому, что родители старались не использовать финский язык с детьми во избежание преследования, финские школы закрылись в 1937-38 гг. Поэтому уже родившиеся в 40-х гг. финны-ингерманландцы являются представителями переломного поколения, то есть группы, располагающейся между «старшим поколением», которое еще говорит на титульном языке, и «младшим» поколением (в нашем случае это поколение 50-60-х годов), которое предпочитает использовать государственный язык. Эта группа неоднородна по своему составу: одни ее представители еще не утратили титульный язык, компетенция других же уже довольно низка (Вахтин, Головкин 2004: 122). Со своими детьми переломное поколение использует доминирующий язык (в нашем случае русский). В терминологии В. Дресслера поколение 40-х годов составляют претерминальные говорящие (см. стр. 36), а также лучшие терминальные говорящие. Поколения 50-х и 60-х годов, за редкими исключениями³³, представляют собой худших терминальных говорящих и помнящих язык.

На основе анализа аттриционных явлений, проведенного в Главе 3, нами была выдвинута гипотеза, что между проявлением аттриции и социолингвистическими факторами, такими как желание сохранить диалект, осознание себя частью сообщества ингерманландцев будет наблюдаться определенная корреляция: информанты, лучше относящиеся к языку, будут показывать меньшую степень аттриции, и наоборот.

Методика определения компетенции говорящих описывается на С. 39-41.

4.2. Идентичность: этничность и язык

³³ «Редкое исключение» как раз и представляет информант RRm.

Вопрос о том, насколько ингерманландские финны осознают себя как отдельную группу, не имеет однозначного ответа. С одной стороны, наличие «Inketin Liitto», а также общий подъем национального самосознания в конце 1980-х годов, который виден до сих пор – проводятся разнообразные общественные мероприятия, поддерживающие культуру ингерманландских финнов, должен свидетельствовать в пользу этого утверждения. Однако всего 441 человек во время переписи 2010 года указали «ингерманландский финн» в графе «Национальность». Опрос информантов, представляющих лишь очень небольшой процент всех финнов, тем не менее показывает, что среди них нет единого мнения по этому вопросу: они по-разному определяют и свою этничность, и свой родной язык.

4.2.1. Этничность

Для выяснения этнической принадлежности, информантам задавались вопросы «Какова ваша национальность?» и «Как вы называете себя на родном языке?». На русском языке были получены семь разных ответов: *финн/финка; финка по паспорту, но вообще ингерманландская финка; финка-ингерманландка; ингерманландская финка; ингерманландка; по паспорту финка, но вообще чухна; русская*. На финском языке на вопрос были получены следующие ответы: *inkerin suomalaisine, suomalaisine, inkerläine, suomalaisine ja inkerläine, veneläine*.

Для более полного понимания факторов языкового сдвига, рассмотрим, как связаны друг с другом финны, ингерманландские финны и русские: три группы, оказывающие влияние друг на друга в течение долгого времени.

1. Финны и ингерманландцы.

Прежде чем говорить о соотношении этнонимов *финны* и *ингерманландцы*, отметим, что в связи с репрессиями термины «Ингерманландия» и «ингерманландцы» почти не употреблялись в литературе и СМИ СССР вплоть

до 1987³⁴ года, пока в журнале «Punalippi» не вышла статья этнографа А.В. Крюкова под названием «Inkerinmaa ja inkeriläiset³⁵». Об этнониме *ингерманландцы* некоторые наши информанты говорили, что узнали о нем только из «новых» книг (МКА), или когда начали ходить в церковь (МН). С этим связано относительно редкое употребление *ингерманландцы*, и гораздо более частотное самоназвание *финны*. Тем не менее, все из опрошенных информантов отделяют себя от финнов, проживающих в Финляндии, однако производят это на разных основаниях.

Первая группа определяет себя этнонимом *ингерманландец*, причем не только для обозначения своей этничности, но и при рассказе о родителях, супругах и населении деревни, в которой они жили. Это информанты МА и МКН. На просьбу назвать себя на родном языке они использовали этнонимы *inkerläine* и *inkerin suomalaisine* соответственно. МА очень гордится своей принадлежностью к ингерманландцам, но также и тем, что читает книги и газеты на финском языке, общается с финнами, а ее дочь закончила университет, владеет литературным финским и английским языками: финны и финская культура, таким образом, противопоставляются местной как более престижные. МКН называет себя *inkerläine*, по-русски называет себя также *чухна*. Об этом этнониме нужно сказать подробнее.

Этноним *чухна*, *чухонцы*, *чухны* употреблялся несколькими информантами, причем в зависимости от поколения он оценивался либо как нейтральное название ингерманландских финнов, отличающее их от финнов из Финляндии, использующееся как синоним для *ингерманландец* (так этот этноним оценивали представители поколений 20-х и 30-х годов), либо как пейоративное название финнов (поколения 40-х, 60-х годов). Представители поколений 20-х и 30-х годов говорят об этнониме *чухна* по отношению к себе или своим супругам так:

Вообще я чухна, финка по паспорту, но по-настоящему чухна, ингерманландка. (МКН, 1926 г.р.)

³⁴ В 1974 году вышел сборник « Народные песни Ингерманландии» У. Конкка.

³⁵ фин. «Ингерманландия и ингерманландцы»

Супруг у меня **финн, чухна** из Заозерья. (НН, 1934 г.р.)

Представители поколений 40-х и 60-х годов предлагают несколько иную точку зрения:

В Карелии мы всегда были финны, а здесь я вообще услышала, что я чухна, мне это не понравилось. (МН, 1948 г.р.)

Русских называли skoparit, скобари, ну это ответная реакция на чухну. Чухны – это так резало слух. Мы чухны, потому что мы чужие, чужие племена. (НР, 1943 г.р.)

Если где-то разговаривать по-фински, то сразу – «о, чухна», поэтому [дети] старались не говорить (АМК, 1930 г.р. о своих детях, родившихся в 50-х гг.)

Вторая группа использует этноним *ингерманландский финн* или *финн-ингерманландец*. Эту группу составляют информанты НК, АМК, МН, НР, VK. На просьбу назвать себя по-фински, часть из этой группы использовала этноним *inkerin suomalaisine* (НК, НР, МН, VK), информантка АМК назвала себя *inkerläine*, «не suomalaisine». Таким образом, при кажущейся общности, в данной группе выделяются две разных тенденции: с одной стороны, это объединение себя с финляндскими финнами, с другой – выделение ингерманландских финнов в отдельную от финнов общность, которая не является suomalaiset. Для АМК и НК, которая называла себя на русском то *ингерманландка*, то *ингерманландская финка*, вообще характерно осознание себя частью отдельного народа, обладающего, к тому же, своим языком, который не похож на литературный финский язык. НР, МН и VK тесно связаны с деятельностью лютеранской церкви, часто контактируют с приезжающими из Финляндии финнами, четко осознают разницу между ними и ингерманландскими финнами, однако при этом не считают, что являются отдельным народом. В этом отношении интересна и показательна самоидентификация МН, которая противопоставляет себя финнам на основании того, что ее менталитет отличается от «их» [менталитета], и русским, потому что она в первую очередь финка, suomalaisinen.

Minä olen suomalainen, väikä olen syntynyt Inkerissä.

(лит. финский) Я финка, но родилась в Ингерманландии.

*Всегда финны меня очень обижают, когда начинают говорить, что я ингерманландская финка, а они нас называют *inkerin suomalaiset*, ингерманландские финны. А я им говорю: «Когда вы называете ингерманландцем, для меня это такое же оскорбление, как вы бы назвали меня еще кем-то. Я им говорю, что я русская».*

Третья группа, самая большая, объединяет тех информантов, кто определил себя как *финн/финка* - это все остальные информанты, за исключением русских ЕК и ЕЛФК. Для данных информантов характерно понимание того, что они отличаются от финнов, живущих в Финляндии, однако они, в противовес группам 2 и 3, не считают, что эти отличия радикальны. В этой группе остановимся на двух информантах, представляющих собой самые интересные случаи. МJ – единственная информантка, которая предпочитала использовать в разговоре преимущественно финский язык и называла себя *inkeriläine* и *suomalaine*. Для нее Финляндия обладает более высоким престижем, но при этом она разделяет «своих» финнов, переехавших туда, и финнов, живущих там. RRm, самый молодой информант, назвал себя *финном* и *suomalaine*:

RR: Я финн, конечно, у нас тут все suomalaisii³⁶.

ПТ: То есть вы не inkerläine³⁷?

RR: Ни в коем случае. Ну это старое самоназвание. Как-то на форуме обсуждали, что русские называли чухнами, а потом финны это перевели.

RR: Финны, которые западные-то они все благородные. Это у них фамилии все двойные-тройные, это мы тут R. Это как про деревенских говорят «а, рязаница», так и про нас. Мне от этого не плохо, но эти [финны] как сухари.

Подобное отличие ингерманландских финнов от финнов из Финляндии упоминает также и МН:

³⁶ финны

³⁷ ингерманландец

Какие мы финны, мы обрусевшие, как немцы с Поволжья. Менталитет другой. <...> Достали с западной культурой. Вот меня всегда это раздражало. Я говорю, меня нельзя выпускать [в Европу], я очень эмоциональная, плохо воспитана, жестикулировать нельзя у вас, надо с постным лицом ходить.

Таким образом, информанты, показывая разное соотношение этнонимов для самоидентификации, при этом отмечали, что они представляют собой отдельную группу, которая в культурном отношении отличается от финнов из Финляндии. Тот факт, что одни и тем же информантов используется самообозначение *финн* и *inkerläine*³⁸ может быть связано с различием идентификации «для своих» (на родном языке) и «для чужих» (на русском языке). Такое явление нередко среди прибалтийско-финских народов Ингерманландии, оно встречается и среди ижоры, и среди вожан. Социолингвистическое исследование, проведенное Ф.И. Рожанским и Е.Б. Маркус среди ижоры Сойкинского полуострова, показало, что по-русски информанты называли себя *ижор(ка)* или *русская*, тогда как на ижорском языке были представлены этнонимы *ižorid* («ижоры»), *ingerläin*, *ingerläižed* («ингерманландец³⁹»), *šoikkolašt*, *šoikkolain* («сойкинцы»), а также *šōmalaišt* («финны») и также *mäkküläišt* («мишинцы», жители деревни Мишино) (Рожанский, Маркус 2013: 270-271). В случае ижоры такое разнообразие этнонимов связано с отсутствием способа охарактеризовать себя как единую нацию, а самоидентификация осуществлялась скорее по территориальному принципу. М.З. Муслимов отмечает, что на Нижней Луге русский этноним *ижоры* может включать в себя также тех, кто называет себя *vad'd'alaizōd* («вожане») (Муслимов 2005: 64).

Финская культура обладает, по-видимому, большим престижем в глазах информантов, и оценивается как более «благородная», а финны – как более образованные. Для большинства информантов оппозиция

³⁸ ингерманландец

³⁹ Этноним «ингерманландец» чаще всего для обозначения ингерманландских финнов, но может относиться к представителю любого прибалтийско-финского народа (Рожанский, Маркус 2012: 271).

финны:ингерманландские финны соотносится с оппозицией *город:деревня*, где престиж «города» выше. Информанты часто упоминают жизнь в городе и образование, полученное в городе, как очень престижные явления.

2. Финны и русские.

Сведения об отношениях финнов и русских были получены при обсуждении вопросов *На каком языке вы говорили в детстве? На каком языке говорили в школе? На каком языке говорите с соседями?* Также некоторую часть информации удалось получить из рассказов о жизни в довоенное и послевоенное время.

В довоенное время контакты с русскими осуществлялись либо в случае, если деревня была смешанной русско-финской, либо находилась в окружении русских деревень (VN), либо в случае, если возле деревни информанта не было финской школы, и ему приходилось ходить в русскую школу (KN).

VN, чей муж был русским, рассказывает:

Замуж я вышла за русского. Смешанные браки стали уже до революции, потому что наша финская деревня, а вокруг все русские деревни. А мой муж из Ленинграда.

В то время отношение русских к финнам был вполне нейтральным, большинство из информантов в детстве не общались с русскими и не говорили на русском языке. Если же в деревне было смешанное русско-финское население, то конфликтов, по-видимому, не было.

Ситуация сильно изменилась в послевоенное время, когда финны были названы врагами народа: с одной стороны, увеличилось количество смешанных браков, с другой стороны, отношение русских к финнам ухудшилось. Информантка LM вспоминает, что после войны русские, которых переселили в родную деревню LM из других регионов страны, называли финнов «фашистами недобитыми». Информантка НК, которую выдали замуж за русского офицера, несколько раз за время интервью повторяет:

*Ну хороший муж был, **хоть и русский**.*

Информантка ТК, с которой автор исследования беседовал в Иркутске, вспоминает:

Ну самое страшное что нас презирали, что мы переселенцы. Что мы враги некоторые говорили. Но ровесники нас чттили, меня приняли в пионеры, все это было нормально. Но выросла я на русской культуре, ну обрусела.

Информантка НН замечает об отношении русских после войны:

НН: Нас везде брезговали как фашистов.

ПТ: Так и говорили?

НН: Да. Под немцами, так что вы были как фашисты. У нас и в паспортах даже статья была.

При таком отношении к финнам со стороны русских неудивительна и отмеченная перемена в восприятии этнонима *чухна* представителями поколений 40-х годов, детство и юность которых как раз пришлось на послевоенные годы, и охлаждение отношения к русским (*хороший муж, хоть и русский*), и попытки скрывать свою национальность во избежание дальнейших репрессий, в том числе адаптация финских имен на русский лад.

Имя у нее было Туупе, а на русском языке это Тюня. Она так страдала из-за своего имени. Я ей говорю, так назвалась бы Дуся. Я тоже со своим именем страдала, потому что редкое очень. Tilje - это тили-тили-тесто (ТК).

Аспект того, что финнов «дразнили» русские, прослеживается также и у LM, которая говорит о «дразнилке», заставлявшей ее скрывать тот факт, что LM – финка. Дочь АМК вспоминает:

Над финнами как бы смеялись и в школе, кто у нас финны учились. Но так как я училась хорошо, то надо мной никогда не смеялись, а вот мальчишки - над ними смеялись, потому что неграмотно говорили.

Однако не все информанты, а также их родители, скрывали факт бытия финном.

Никогда не скрывала свою национальность, никогда не меняла своего имени. Приносило оно мне немало хлопот, но тем не менее. Все равно документы все просматривались, всё знали, всю нашу подноготную (НР).

Проблемы самоидентификации в послевоенное время, таким образом, были связаны с необходимостью решить сохранять ли свою identity как финна (пример НР), либо же адаптироваться к условиям и идентичность сменить. Это

может быть продиктовано мотивацией самоидентификации: внешнее давление может привести либо к желанию отказаться от старой identity, перестать использовать родной язык и интегрироваться в новое сообщество (пример ТК).

3. Русские и финны.

Отдельно рассмотрим группу «финноязычных русских», которые в данном исследовании представлены информантами ELFK и ЕК. Существование смешанных русско-финских деревень приходило к тому, что в них функционировало несколько языков. В зависимости от того, каково было соотношение русского и финского населения, менялся и язык, на котором говорили на улице. В нашем исследовании участвовало два информанта, кто определил себя как *русский*, *veneläine*, а конфессионально, в отличие от остальных информантов, назвал себя православным. Информантка ЕК родилась в деревне Сокули прихода Серепетта, позже переехала в соседнюю деревню Дятлицы – большую русско-финскую деревню, в которой была русская школа и православная церковь. По данным этнографической карты Санкт-Петербургской губернии 1860-х годов, в д. Сокули (фин. Suokylä) проживали финны-савакот (116 человек), ижоры (33 человека), небольшое количество финнов-эурямёйсет (10 человек), а также 7 русских (Körpen 1867: 131). Такое соотношение могло привести к использованию языка одного из этих прибалтийско-финских групп в качестве языка межэтнического общения.

У нас деревня была такая, все деревня смесь. И вот друг по друге там все говорили по-чухонски / мы чистого финского не знаем.

ЕК один год ходила в финскую школу. Ее родители, несмотря на то, что были русскими, дома говорили по-фински и по-русски, и ЕК называет их *самоучками*. Финнов, живущих в деревне, ЕК называет либо *чухонцами* (в противовес финнам из Финляндии), либо «*ингерланцами какими-то*», либо *inkerläine*:

До войны в этой деревне жили inkerläisii, наверное.

Несколько лет назад ЕК говорила на диалекте с соседкой-финкой, но по мере ухода старшего поколения перестала пользоваться ингерманландским

финским. У нее нет отрицательного или пренебрежительного отношения к финнам, для нее они скорее являлись естественной частью деревни.

В отличие от ЕК, информантка ELFK выражает другое отношение к финнам. ELFK подчеркивает, что она русская и вся ее семья тоже русские, что она ходит в православную церковь. Информантка долгое время жила в д. Арбонье (фин. Orponia) прихода Губаницы. По данным П. Кёппена, Арбонье населяли в основном финны-савакот, в ней была русская и финская школа (Körpen 1867: 130). ELFK говорит, что выучила финский язык благодаря тому, что «здесь раньше везде финны жили». Она противопоставляет *финнов* и *местных финнов*, отмечая, что ей не очень нравится, «когда в народе-то *лопочат*». Она довольно негативно относится к ингерманландским финнам и их языку:

*Это мне кажется этот финский язык такой **неразнообразный**. Ну да, народ говорит так, живут. Я не **финка**, но они у нас тут жили, и я общалась с ребятами.*

Таким образом, две русские информантки представляют два разных взгляда на отношения русских к финнам до и после войны. К сожалению, описаний финноязычных русских в Ингерманландии, нам не встретилось, и осветить этот вопрос удастся только на основании интервью и сопоставления этнографических данных.

Представленные в 1-3 отношения между разными этническими группами показывают довольно пеструю картину: с одной стороны, ингерманландские финны противопоставляют себя финнам из Финляндии, с другой стороны, считают себя частью финского сообщества. Во многом это зависит и от языка этнонима: при самоидентификации на финском языке больше информантов выделило себя в отдельную группу, отличающуюся и от финнов, и от русских. При использовании русского языка число информантов, назвавших существование отдельной группы «ингерманландцы» было ниже. И русские, и финны ясно осознают разницу между друг другом, однако высказываемое ими отношение образует континуум, на одном полюсе которого находится положительное отношение друг к другу, на другом презрительное.

4.2.2 Родной язык

На вопрос *Какой у вас родной язык?* и *На каком языке вы говорили раньше?* информанты дали следующие ответы: *ингерманландский, финский, диалект, финский язык как у нас в деревне*. По-фински были получены варианты *suomen kieli*⁴⁰, *inkerin kieli*⁴¹. Не все информанты, назвавшие *ингерманландский* язык по-русски называли его на родном языке *inkerin kieli*, и наоборот: те, кто называл *финский язык*, не обязательно называли его *suomen kieli*. Это явление будет подробнее рассмотрено ниже.

Двое информантов (НК, АМК) называли своим родным языком *ингерманландский язык*, по-фински – *inkerin kieli*. Обе они противопоставляют *ингерманландский язык* финскому языку:

Родной язык – ингерманландский, но я знаю и финский язык также. Финны оттуда с Финляндии приезжают, ездят по старухам. Ну я с ними, конечно, говорю на ихнем языке (АМК).

В детстве я говорила на ингерманландском. Еще на финском в Финляндии. Когда нас в Финляндию увезли, мы не знали русского языка вообще. Ни ингерманландского языка, ни русского. Финский язык чистый говорили (НК).

Обе информантки в разговоре исправляются, если говорят «мы говорили по-фински» или «у нас был финский язык», и сразу же добавляют «ингерманландский». Понятие «финский язык» у АМК и НК используется при рассказе о школе, жизни в Финляндии во время войны, церкви, а также в книгах и газетах: финский язык, в отличие от ингерманландского, не употребляется в бытовом домене. Финский язык – это не родной язык, а тот, который можно выучить в школе или на курсах. Обе информантки указывают, что между ингерманландским и финским языком существует большое различие:

⁴⁰ фин. финский язык

⁴¹ фин. ингерманландский язык

*Ингерманландский, понимаете, там уже как-то вот совсем отличается, много отличий. Ну вот мы говорим **mitä sie tiet?**, а они говорят **mitä sinÄ tiet**; [мы говорим] **mihin sie mää?**, а они **mihin sinä mänet?** Много у них такие слова-то. **Mis sie olet? Missä sinä olet?** и много таких (АМК).*

Однако большинство информантов не называло *ингерманландский язык* в качестве родного. Четверо информантов (VK, VH, MA, TA), называя родным языком *финский*, при этом уточняли, что есть «наш язык», «как в семьях говорили», «бытовой язык». В данном случае сохраняется оппозиция **язык культуры: язык быта**, однако, по крайней мере на русском языке, финны не выделяются в отдельную группу.

Ситуация при идентификации на финском языке отличается: MA называет родным языком *inkerin kieli*⁴², однако референция по-русски осуществляется с помощью сочетания *финский язык*. MA не смогла назвать, чем именно *inkerin kieli* отличается от *финского языка*, но в процессе всего интервью указывала, что они разные.

Немножко есть разница с inkerin kieli, есть разница. Ну я не очень в курсе дела, но есть немного, небольшая разница.

Судя по определению себя как «ингерманландки», которая говорит на финском языке, но на *inkerin kieli*, для MA противопоставлены группы «финны» и «ингерманландцы» при референции к группе финнов. При этом «для чужих», т.е. для русских, эти группы представляют собой единую общность с точки зрения языка (и та, и другая группа говорит на финском языке), но не с точки зрения этничности.

Информантки VK, VH и TA не дали ответа о своем родном языке по-фински. Однако все три отметили существование «своего» финского языка и финского языка, используемого вне бытового домена.

ПТ: Знаете ли вы литературный финский язык?

⁴² ингерманландский язык

VH: Нет, только на бытовом, **бытовой язык**. Вот так *miten luatiit mein kyläs, vot miten luatiit ihmiset siis myö luaimmo*⁴³. Мы в школу финскую не ходили.

VK, комментируя один из своих ответов на вопрос морфонологической анкеты, заметила:

Может быть я и неправильно говорю, но опровергнуть меня никто не может, потому что уже всё. Мы еще старшее поколение, которое еще помнит, как еще говорили в семьях, а молодые говорят уже на литературном.

Идея о «неправильности» финского языка, используемого в быту, в целом свойственна почти всем информантам: они отмечают либо то, что старшее поколение говорило грамотно, а их поколение уже обрусело (ТА), либо что есть «чистый финский язык», а есть финский язык в их деревне.

*Vot ninku meil ono... Myö, niku Inkerinmaa, meil ei... Vot Suomes elläät, siel ono ruhas, чистый язык, финский. А у нас, у нас смесь. Meil on kaik, meil yks sana ono suomeks, toin ono veneks*⁴⁴ (MJ).

А диалект почему, потому что бабушка моя и вот эти предки они же были неграмотные, и тогда еще не было литературного языка, поэтому получились разные диалекты. Бабушка читала на литературном финском, вот, и писала, ну а говорили мы на своем диалекте. У нас бабушка была простая крестьянка, поэтому мы говорили вот так (MH).

MH, называя родной язык по-фински, использовала *suomen kieli*, отвергнув предложенный вариант *inkerin kieli*, поскольку это только диалект финского языка. Такой же точки зрения придерживается HP, которая использует этноним *финка-ингерманландка*, но язык свой называет *suomet kiel'*, отмечая, что «*inkerin*

⁴³ (фин. диалект) Вот так, как говорили в нашей деревне. Вот как говорили люди, так мы и говорили.

⁴⁴ Вот как у нас... Мы, ну Ингерманландия, у нас нет... Вот в Финляндии живут, там чистый, чистый язык, финский. А у нас, у нас смесь. У нас всё, у нас одно слово на финском, другое на русском».

kieltä»⁴⁵ вообще не существует, и финны-ингерманландцы пользуются диалектом финского языка. Понятие диалекта знакомо далеко не всем информантам, этот термин встречается лишь в интервью представителей 40-х и 60-х годов. Самый молодой из наших информантов, RR, описывает разницу между литературным финским языком и ингерманландскими диалектами так:

Он [литературный финский] какой-то не мой, не греет. Свой жаргон слышу - от него тепло.

Интересно, что информанты оценивают язык друг друга по-разному, отмечая, что кто-то говорит хуже или лучше, ближе к литературному, либо же наоборот. Н.Б. Вахтин отмечает, что оценки языка друг друга у информантов зависят от многих факторов: личных взаимоотношений, ценностей, а также престижа обсуждаемого языка в культуре (Вахтин 2001: 114-115). Оценки компетенции, которые некоторые информанты давали друг другу и сами себе, отличались асимметричностью.

RR говорит о HP и ее семье: *«Они образованные, и книжки читали, и речь у них правильная, и даже не скажешь... К финскому ближе. А у меня бабка-то серая была, я с ней больше общался, у нас речь-то другая»*. При это сама HP оценивает свою компетенцию в литературном финском достаточно низко и отмечает, что литературный язык она никогда не учила, и лишь читала библию, а вся их семья говорит на диалекте.

Примерно такая же асимметрия наблюдается в оценке АМК компетенции МН в литературном финском языке: *«с МН мы в основном на своем или на русском, но, мне кажется, она больше знает финский язык, потому что она же недавно выучила его»*. МН, описывая случай разговора с финном, замечает:

*Меня так запугали, что он всегда поправляет. И когда он пришел сюда с женой ночевать, я говорю, *minä en tietä suomen kieltä, puhun inkerin kieltä*⁴⁶.*

Для выяснения взгляда наивных носителей языка на разницу между литературным финским и ингерманландским диалектом финского языка

⁴⁵ ингерманландского языка

⁴⁶ (лит.фин.) я не знаю финского языка, я говорю на ингерманландском языке.

информантам задавался вопрос *Есть ли отличия между литературным финским и Вашим языком? Можете ли Вы привести пример?*

Информанты выделяли несколько групп отличий:

1) Лексика: отмечается большое количество русских слов в диалекте, например, *samovara* «самовар», *čajniekka* «чайник», *varennje* «варенье», *čajju* «чай», а также отмечается разница в названиях дней недели, например, *mantak* (диал. понедельник) и *manantai* (лит.фин. maanantai «понедельник»), в значениях некоторых слов, которые не совпадают: *linna* (диал. город, фин. крепость), *viruttella* (диал. потягиваться, фин. выжимать бельё) и т.д.

Интересное объяснение разнице в лексике приводит МН:

*Литературный язык молодой, чуть больше ста лет. А разговорный язык, он старый, поэтому вот мы говорим **peXko**, куст, финны говорят pensas. Pensas - это куст, который постригают, который растет около дома. В лесу кусты никто не постригает, поэтому это **peXko**.*

2) Отличие в падежных окончаниях: «вот у финнов говорят *tulen metsästä*⁴⁷, а у нас говорят *tulen metsäst*, окончание просто обрубается».

3) Дифтонгизация: «у них больше *rää*, а у нас *riä*».

Подводя итог вышесказанному, отметим, что для всех опрошенных информантов, определивших свою этничность как *финн(ка)*, *чухна*, *ингерманландская финка*, *ингерманландка*, финский язык (включающий финский, ингерманландский и ингерманландский финский языки, названные информантами) является родным. Лишь небольшая группа информантов считает, что они говорят на отдельном ингерманландском языке, который отличается от финского языка, и эти информанты определяют себя также как *ингерманландцев*, в противовес финнам. Они говорят на названном языке с детства, и выросли в финноязычном окружении. Многие, кроме МА, НН, начали говорить на русском языке только после того, как пошли в школу и были вынуждены выучить русский язык для продолжения образования. Однако русскую речь информантов МКА, ЛК, МЖ отличают нарушения в употреблении

⁴⁷ пришел из леса

грамматического рода, согласовании падежей. МЖ активно пользуется переключением кодов, но гораздо больше говорит на финском языке, нежели русском.

Все информанты с сожалением отмечают, что на финском языке говорит теперь только старшее поколение, финских деревень больше не осталось, а общение с друзьями-финнами осложняется еще и в связи с пожилым возрастом: информантам все сложнее добираться до церкви и ходить друг к другу в гости. Область функционирования финского языка значительно сократилась, количество доменов, в которых язык используется уменьшилось и продолжает уменьшаться. Рассмотрим вопрос распределения языка по доменам более подробно.

4.2.3. Распределение языков по доменам⁴⁸

Шмидт-Рор (Schmidt-Rohr) еще в 1923 году выделил девять доменов: улица, школа, церковь, литература, СМИ, армия, суды и административные органы. В зависимости от исследуемого сообщества количество выделяемых доменов может либо увеличиваться, либо сокращаться. Например, при описании сообщества амишей предлагалось лишь три актуальных домена: дом, школа и церковь (Fishman 1972: 248). Дж. Фишман отмечает: «Домены определяются, вне зависимости от их количества, в терминах институциональных контекстов и их соответствующей поведенческой сочетаемости. С помощью доменов можно суммировать основные группы взаимодействия, которые появляются в группах условий многоязычия и включают также группы собеседников»⁴⁹ (Там же).

⁴⁸ Domain (домэйн, домен) – термин предложен Дж. Фишманом. Это пучок признаков, характеризующих ситуацию вокруг прототипической темы, которая определяет восприятие говорящим ситуации и своего поведения, включая выбор языка в этой ситуации (Wei 2010: 136).

⁴⁹ Domains are defined, regardless of their number, in terms of institutional contexts and their congruent behavioral co-occurrences. Domains attempt to summate the major clusters of interaction that occur in clusters of multilingual settings and involving clusters of interlocutors”

Для описания ситуации в Ингерманландии достаточно выделить четыре домена, причем как с точки зрения истории, так и современности: это домены «улица», «дом», «церковь» и «школа». В XIX-начале XX века можно было выделить также домен «административные органы», однако делопроизводство на финском языке прекратилось после 1930-х гг. Следует также различать распределение литературного финского языка, ингерманландских диалектов и русского языка в каждом из доменов, так как они занимали каждый свое место и использовались в зависимости от ситуации и собеседников. Каждый домен последовательно описывается с точки зрения а) истории, б) современности.

Домен «улица». Этот домен охватывает общение с соседями.

а) По воспоминаниям информантов, в довоенное время, а также в 50-е и 60-е годы общение на улице происходило как на диалекте, так и на русском языке. Литературный финский язык для этих целей не использовался. В чисто финских и в смешанных деревнях используемые языки различались: в финских деревнях общение на улице между всеми жителями деревни осуществлялось только на диалекте, в смешанных деревнях пользовались и диалектом, и русским языком.

Приведем некоторые воспоминания о чисто финских деревнях.

До войны-то одни финны здесь были. Раньше всегда приходили соседки, всегда говорили по-фински, всегда речь была финская, а теперь не с кем говорить-то (дочь МКА, д. Нижняя Кипень).

Вот мама, в пятидесятые годы они еще говорили между собой по-фински, да, на диалекте между собой говорили (НР, д. Поккизен-Пурская).

До войны многие русского не знали в Колпанах, дети не умели по-русски говорить (НК, д. Большие Колпаны).

В нашей деревне всегда слышался финский язык, и все хозяева и хозяйки говорили на финском языке (ВН, д. Рутелицы).

В смешанных деревнях ситуация в довоенное время обстояла несколько другим образом:

Ну в нашей деревне были Койвистойнены, вот Аккалайнен были, Симонен. И русские селения (т.е. дома) были. У моей тети сын женился на вепси, и наши

чухонцы не хотели ее никак принять. Финнов было больше, но на улице конечно уже потом на русском [говорили]. Ну а старшие с нами говорили и на своем, и на русском (ТК, д. Мокколово⁵⁰).

Сильное смещение доли используемых языков в сторону русского отмечают практически все информанты: после войны финнам было запрещено пользоваться финским языком, так что в домене «улица» начал использоваться только русский язык.

б) В настоящее время ввиду сильного сокращения финского населения деревень диалект практически полностью элиминирован из домена «улица». Информанты отмечают, что молодежь не знает финского, общаться на языке теперь стало не с кем.

Теперь мы с соседями говорим, конечно, по-русски (НР).

Теперь не с кем разговаривать, соседи все русские. Когда приехали – надо было все по-русски, а мы русского не знали. Потом все поменялось сразу. Когда приехали, надо было по-русски говорить. Все было строго. Боялись, говорили, что отправят обратно (НК).

Пока старшее поколение было, вот напротив, рядом дом, с ними общались мы только на финском. Нам сразу после войны нельзя было, нас преследовали очень за это (ТА).

Таким образом, в домене «улица» со временем произошла замена диалекта на русский язык, так как количество собеседников, владеющих финским диалектом, сильно уменьшилось.

Домен «дом». Этот домен охватывает общение с семьей: родителями, детьми и супругами.

а) В семьях довольно долгое время диалект сохранял свои функции: практически все информанты отмечают, что продолжали общаться с родителями на своем языке вплоть до их смерти. В детстве с информантами также разговаривали на диалекте.

⁵⁰ приход Инкере, срыта в 1948 году.

[Отец] koko aijan ko elimtö⁵¹ на финском языке [говорил] (MJ).

Дома да, мама, папа, все. Бабушка в войну умерла, а это всё на финском говорили. Не на финском, а вот ингерманландский (AMK).

Вот мои родители были по-фински. Все время говорили, куда умерли, всё говорили по-фински. Они очень плохо по-русски говорили, ну понять можно было, но ни женского, ни мужского рода не было (KN).

[в детстве разговаривал] с бабушкой до шести лет я на финском, с бабушкой жил, а после шести на русском. Ну в семь лет выучил, ну как. Разговор-то идет по-русски, вот и вставишь словечко (RRm).

В послевоенное время «дом» был единственным местом, где использование языка продолжалось несмотря на запрет, но и это не гарантировало безопасности.

Когда сестры были, одна вообще терпеть не могла русский язык. И она два раза сидела за это. Когда мы приехали было очень строго: чтоб никакого финского языка. Кто-то доложил, пришли и забрали ее (HK).

После войны нам не давали по-фински говорить, ни в коем случае. На нас сразу доносили. Мама вот через порог ступала, дверь закрывала и говорила: «Слава богу, я дома, я могу говорить, как хочу». Только дома [говорили] по-фински. И вот свекровь тоже так же (TA).

Не все информанты, чьими супругами были также финны, продолжали говорить с ними на ингерманландском диалекте.

С мужем, к сожалению, по-русски. Много раз я пыталась начать, причем с мамой со своей он говорил по-фински, а мне он отвечал по-русски. И я очень жалею (VK).

Еще одной функцией диалекта в домене «дом» была функция тайного языка: к разговору на нем прибегали, если необходимо было скрыть что-либо от русскоговорящих, присутствующих при беседе.

⁵¹ все время, пока мы жили

В семье разговаривали всяко разно, когда как. Когда кто-то был, то по-русски говорили, а когда нужно было что-то сказать так (тайно), то по-фински говорили (ТА).

б) Лишь очень малое количество информантов сообщило, что они продолжают говорить с детьми на диалекте: большинством он воспринимается как «бесполезный», «ненужный», а также на нем не с кем разговаривать. Практически все информанты сказали, что в последнее время не используют диалект для общения с семьей.

Иногда на сына рассержусь и что-нибудь ему такое скажу на диалекте. И он иногда какую-нибудь фразу вставит на диалекте. Ну вообще сейчас в основном на русском (НР).

Вот моя мать мою дочку воспитывала, так она тоже по-фински [говорила]. Она сейчас по-фински говорит, на таком же нашем диалекте. Старались уже меньше [говорить с дочкой на местном диалекте]. Че-то русский шел проще. (LR).

Причиной замещения финского языка русским в этом домене также стали смешанные браки. По мере увеличения русскоязычных членов семьи, старшее поколение все меньше использовало ингерманландский диалект финского языка, поскольку это было «невежливо» по отношению к тем, кто языка не знал.

*После войны не с кем нам было общаться. Я говорила на диалекте, но если русский человек приходил в гости, то тогда переходили на русский. Точно так же когда мама была жива, у нас зять был русский человек, вот он после дежурства уйдет спать, а мы с мамой ла-ла-ла-ла по-своему, **естественно, с мамой**, он как появляется, так я фразу уже кончаю на русском. Чтоб он не думал, что мы о нем судачим (НР).*

Вопрос передачи языка детям и причин, по которым это происходило или не происходило, обсуждается в параграфе 4.3. «Сохранение языка».

Домен «школа». В этот домен включается общение в школе со сверстниками, а также язык преподавания.

а) Информанты, родившиеся в 1920-е гг., посещали финские школы при условии, что таковые были в деревнях или в пешей доступности от них. В

финских школах преподавание велось на финском языке, а диалект использовался для общения между детьми.

Kouulus tuõ тут ходили, финская школа. Opettajat ol' mein kylästä, ja seitsemän lasta. Opetettii suomeks ja opetettii venneks. Четыре класса ol', а пятый класс, семь классов - в Губаницкой церкви⁵² (MJ).

В школе урок финского языка, математика по-фински. Урок финского языка был, там учили уже грамоте. Это уже со второго класса пошло уже серьезно. Мы быстро привыкли. Привели, во-первых, знакомых всех в д. Яльгелево, и учителя в основном были финны. Русский язык преподавали, ну мы начали и русский язык изучать (SH).

Информанты, родившиеся после 1930 года, застали момент, когда финские школы были закрыты, а образование переведено на русский язык. Большинство информантов, кого это коснулось, отмечают, что когда они пошли в школу, то не владели русским языком, и им приходилось очень быстро ему учиться. Таким образом, единственным поколением, которое застало финские школы в Ингерманландии, стало поколение 20-х годов.

Домен «церковь». В этот домен включается общение в церкви и язык церковной службы.

а) Информации о распределении языков в домене «церковь» до войны от информантов почти не было получено. Однако информантка МН рассказывает о своей бабушке, которая читала на литературном финском для того, чтобы пройти обряд конфирмации. По-видимому, в довоенное время в некоторых церквях литературный финский использовался в некоторых сферах.

б) В настоящее время церковь – это место, где информанты встречаются друг с другом и имеют возможность поговорить. В социолингвистическое интервью была включена группа вопросов, направленная на выяснение роли церкви в современном ингерманландском сообществе: *Ходите ли Вы в церковь?*

⁵² (инг. фин.) В школу мы тут ходили, финская школа. Учителя были из нашей деревни, и семь детей. Учили по-фински и по-русски. Четыре класса было, а пятый, семь классов, - в Губаницкой церкви.

На каком языке Вы говорите в церкви? На каком языке проходит служба? Посещает ли Вас пастор?

Практически все информанты сказали, что посещают службы в лютеранских церквях соответствующих приходов хотя бы раз в месяц и чаще. Информантка МН работает секретарем в церкви и ездит с финским пастором по прихожанам, которые в силу возраста не могут посещать церкви. Информантка НР долгое время работала писарем в церкви, а информантка ТА 10 лет была дьякониссой и «каждый выходной была в церкви», а первый пастор у них был финн. Эти информанты активно общаются с финнами, приезжающими из Финляндии, и часто сталкиваются с финским языком в своей жизни. МН выучила финский литературный язык для работы, хотя и отмечает, что ее компетенция не является высокой. НР выучила финский язык для того, чтобы читать Библию.

У меня мечта всегда была выучить финский язык и прочитать Библию на финском языке. Ну курсов таких не было, а потом, когда завязались связи с Финляндией, финны стали приезжать, кто-то мне подарил Библию. И вот я ее читала, читала, почти ничего не поняла. Второй раз прочла - опять темный лес, потом третий раз прочла, ой, так я же все поняла!

При этом НР считает, что литературный язык у нее «плохой», но замечает, что с финнами на «их» языке она общается свободно.

Церковью также организовывались *seurat*, т.е. приходские встречи, куда приезжали финны и собирались местные ингерманландские финны. Общение там, по словам ТА, происходило на финском языке.

У нас раньше раз в месяц были seurat, финны приезжали. У кого дом побольше был, у тех были. У меня дома были и напротив. Так что каждый месяц приезжали.

Во многих церквях⁵³ служба ведется на русском литературном финском языках, некоторые информанты поют в хоре. Однако многие отмечают

⁵³ Однако не во всех. В Петербурге существует также эстонский приход, где используется только эстонский язык, а в приходе Губаницы окказионально проводились службы на ингерманландском финском и цыганском языках (Муслимов М.З., личное сообщение).

увеличение количества молодежи, которая говорит только по-русски, в связи с чем доля финского языка во время службы сокращается, некоторые напротив замечают сокращение числа прихожан у себя в церкви.

В церковь, я ходила в церковь. Все на русском языке, только вириши и все, и все болтают на русском языке. Хотя началось все вроде как на финском, и из Финляндии приезжали и финны, и все, а теперь только русский язык. Начерта мне это надо. Да я не очень-то и верующая.(LM).

Нас в церкви вот осталось 30-40 человек, старых. Молодые не ходят ходить (HV).

Я в церковь хожу. На финском и на русском проповеди ведут. Молодежь ингерманландцы не знают финского языка, проповеди читают по-русски (HK).

На вопрос *На каком языке Вы разговариваете в церкви?* было получено два противоположных ответа: одни информанты (и их большинство) считают, что в церкви все уже обрусели и перешли на русский язык, другие же говорят, что в только в церкви они еще и могут общаться на диалекте.

МН: Ну щас даже в церкви между собой на русском, да, уже обрусели, потому что проще.

ПТ: и то есть вы совсем не говорите на диалекте или литературном друг с другом?

МН: Ну, друг с другом не говорим, когда нет финнов. Когда вот финны, тогда уже разговариваем. Потому что у нас, во-первых, у всех уже браки смешанные, а потом у нас в церкви очень мало людей, которые владеют [финским языком], и поэтому чтобы было всем все понятно, то как-то вот [по-русски].

(Ходите ли Вы в церковь?) А как же, в лютеранскую на причастие хожу. И батюшка там говорит по-фински, в церкви со всеми общаюсь на финском, зачем нам эти русские попы в лютеранской церкви. финскую церковь превратили в русскую (KN).

А что в церкви, там служба и все. Поболтаем и все до службы, да в основном там друг с другом как здоровье и всё. А потом опять разошлись по домам. А служба на двух [языках], чтоб всем понятно, потому что многие

финского языка не знают. Это уже пожилые, самые наши молодые, а они учились вот только по-русски, запрещалось. И дома вот только родители говорят (SH).

Таким образом, в домене «церковь» языки распределены следующим образом: литературный финский занимает главенствующее место, так как на нем ведется служба, на нем написаны богослужебные книги, а также общение с гостями из Финляндии, носителями финского языка, производится скорее на «их» языке, чем на «своем» диалекте. Русский язык начинает постепенно вытеснять диалект в межличностном общении, практически все информанты отметили, что им «проще» стало говорить на русском. Сын NV, сказавший, что плохо владеет диалектом и литературным финским языком, также отмечает переход общения на русский язык:

В церкви люди по-всякому говорят, но на русском больше говорят. Если меня на финском спрашивают, то я стараюсь на финском ответить, ну если в силах.

Рассмотрим, с чем может быть связано прекращение передачи языка и тот факт, что дети информантов не владеют диалектом, а также не учат финскому языку своих детей.

4.3. Сохранение языка

Проблема прекращения использования языка, а также передачи его детям, является одной из самых сложных и дискуссионных, поскольку нет определенного сочетания факторов, которые бы всегда приводили к этому. Для выяснения взглядов информантов на использование языка в интервью использовался вопрос *Как часто Вам сейчас приходится общаться на ингерманландском финском?* Также отдельной группой вопросов при проведении социолингвистического интервью являлись те, которые были направлены на выяснение причин прекращения передачи языка детям. Для этого задавались вопросы: *На каком языке говорят Ваши дети? Пытались ли Вы учить детей Вашему языку? Если нет, то почему? Если да, то как они отнеслись к этому и что из этого получилось?*

Рассмотрим сначала причины, по которым информанты сокращают использование своего языка, либо же вообще прекращают на нем говорить.

1) Одна из самых часто приводимых причин – это отсутствие тех, с кем можно говорить на языке. Информанты отмечают, что практически весь круг их общения составляют русскоязычные: в деревнях почти не осталось соседей, с которыми бы можно было говорить на диалекте, либо в связи с их эмиграцией в Финляндию, либо со смертью; семьи информантов начинают состоять из носителей русского языка, поэтому сфера использования диалекта сильно сокращается. В связи с этим информанты постепенно начинают говорить на русском языке.

Кому он нужен теперь [финский язык]. Финны-ингерманландцы все уехали в Финляндию, даже поговорить не с кем (LM).

Больше никого и нету, приезжие, молодые. Тут соседка была, она уже умерла, сидела с нами, в апреле нынче умерла. А больше никого нет (ЕК).

У меня никого из родни уже нет, не говорят на финском языке, даже сестра родная, но она на четырнадцать лет моложе меня. Она родилась в сорок четвертом году в Финляндии, она не знает финского языка. Никто не знает. Ни племянники, ни племянницы, никто не знает финского язык (АМК).

Бабушка с детьми по-русски понимает, брат живет в Кипени с мамой. Дома они не по-фински, жена русская, тоже по-русски разговаривают (сын HV).

Мы говорим по-русски, потому что у меня невестки русские, дома не говорим мы по-фински (HV).

2) Вторая причина – это страх пользоваться финским языком, оставшийся со времен репрессий. Информанты часто замечают, что в послевоенное время, особенно в 50-е годы, многие боялись пользоваться финским языком даже дома, переходя на русский язык.

Когда начались вот эти наши жуткие гонения, то брат и сестра отвечали на русском [на финскую речь] и игнорировали (VK).

У двоюродного брата дочка говорит: «Ой, дураки мы были. Мать с отцом разговаривают, а дети, мы уши заткнем и сидим, чтоб не слышать. А теперь только схватились. Время было такое (SH).

Мы в 54 году приехали, разгрузили вещи. Мама говорит: «Сходи за хлебом в магазин». Я иду, а там стоят девчонки, и говорят: «О, еще недобитые фашисты приехали». Вот представьте. Во Пскове я была, меня никто никак не называл, а сюда, на родину, называется, приехала. А потом, когда уже на танцы ходили, там такая Вера была, говорит: «Ты же никогда не разговариваешь со мной»? А я отвернусь, ну же я буду объяснять ей что ли? (LM).

Данные о количестве говорящих или не говорящих на диалекте детей информантов показывают интересную картину.

8 информантов сказали, что их дети не говорят на диалекте, и они не учили их говорить. Двое из них при этом отметили, что дети ходили на курсы литературного финского языка или же учили его в университете. На вопрос «Почему Вы не учили Ваших детей своему языку?» были получены ответы «боялась, время было такое», «время было такое, что нельзя было», «им не интересно, не с кем говорить» и «не знаю, почему». Ни один из информантов не указал также, что их дети понимают диалект.

Они смеются, говорят, что это не выучить никогда. А с кем им разговаривать? У меня дочка, так она ничего не знает и не понимает. Им не с кем кроме меня разговаривать, язык надо использовать. Им это неинтересно, ну а не надо так не надо, я не настаиваю. Это их жизнь (SH).

Ну он (сын) курсы какие-то кончил как-то. Глупость, конечно, большая. Ну а когда там было учить. Говорили по-русски, в нашей семье, в моей, уже говорили по-русски. А муж с матерью своей говорил по-фински, а со мной нет и все (VK).

Не учил. Наш-то не чисто финский, если учить, то (финскому литературному). Местный – это хорошо, но не знаю. Он умер. Вот щас бывает, хочется с кем-то поговорить... Ну пара бабок, ну дочку возил, с парой бабок поговорил, и те уже забывают (RRm).

Не учила финскому сама, а думала, все время будет советский союз, будет дразнилка (LM).

Следующая группа информантов сказала, что их дети понимают диалект, в детстве говорили на нем, но теперь говорят по-русски, поскольку обучение в школе производилось на русском языке, они вступили в смешанные браки и пользоваться языком негде и не с кем.

В детстве-то старший-то сын говорил, он рос с бабушкой старой, которая только по-фински говорила. Он говорил хорошо, он и щас понимает. Вот говорить-то, с кем он будет говорить. Дети по-русски, жена русская. Все это у нас исчезает (HV).

В детстве говорили на финском, не общались с русскими. Потом пошли в школу и стали говорить по-русски. Не с кем на финском сейчас общаться (NH).

Здесь интересно различие информантами пассивной и активной компетенции своих детей. Пассивной компетенцией в социолингвистике называется «частичная компетенция в малом языке, находящемся в состоянии языкового сдвига (Гулида 2016: 101). Она проявляется в том, что индивид, обладая способностью воспринимать и понимать тексты, не может их порождать, и его участие в разговоре значительно ограничено. Определение уровня такого понимания является довольно сложной задачей, не входящей в рамки данной работы, однако можно сделать несколько замечаний на основании интервью с информантами и детьми, а также наблюдения автора исследования за коммуникацией в некоторых семьях.

Некоторые информанты, утверждающие, что их дети понимают диалект, уже практически не пользуются языком дома, и используют в своей речи только отдельные слова на диалекте.

Брат старший, на 4 года старше, он лучше помнит, потому что прабабушка была еще жива, он ходил за ней за юбку держался, по-русски не говорил. Прабабушка никогда [по-русски не говорил]А а я уже так. На улице ребята уже слово так, слово так. Нет, ну выучить, конечно, можно и щас, если сильно захотеть (сын HV).

Сама HV в интервью говорит следующее:

Дома не говорим мы по-фински. Ну он (старший сын) понимает, ну и другой тоже понимает (HV).

Видно, что область «понимания» для информантки и ее сына отличается: с точки зрения сына, он не владеет диалектом и понимает его хуже, чем старший брат, с точки зрения матери оба ее сына понимают диалект одинаково.

Автору исследования встретились также три семьи, в которых пассивная компетенция детей не оставляла сомнений. Это семьи информантов MJ и MKA, которые обе говорят на русском языке с ошибками и достаточно неуверенно, предпочитают использовать финский язык, а также семья HP, старший сын которой свободно участвовал в разговоре на диалекте и сам является информантом, способным отвечать на вопросы морфонологических и синтаксических анкет. HP, однако, замечает, что почти всегда разговаривает с сыном на русском, а диалект использует окказионально. MJ и MKA говорят в основном на финском. Дочь MKA, также, видимо замужем за финном.

Я ее понимаю легко, абсолютно, да. У нас все финны в семье, и поэтому мы не перестали говорить (дочь MKA).

Сама MKA говорит, что ее дети знают финский, потому что выросли в финноязычном окружении.

ПТ: На каком языке говорят Ваши дети?

MKA: Вся семья говорит на финском. Tyttö muista, kaik kasvoit suomen kojis, täs kaik olliit suomalaisii, vanhat ihmisija.⁵⁴ У меня тетя была, по-русски не умела, она нянчила их, вырастила. А я-то работала.

ПТ: А дети по-фински говорят?

MKA: Они дома не говорят, они понимают все.

К вопросу сохранения диалекта почти все информанты, кроме MJ, относятся достаточно философски: они отмечают, что говорить, кроме старшего поколения, не с кем, а если и учить финский язык, то литературный. MJ очень беспокоится за судьбу финского языка, но не диалекта:

⁵⁴ Дочка помнит, все выросли в финском доме, там все были финны, старые люди.

Мама говорила: «Я сама не знаю, как по-русски говорить, я буду еще по-русски говорить. Я буду по-своему, пускай понимают, как хотят». Но я по-русски говорила... Ну вот заставь кого учиться, ну школы были в Петербурге, ну четыре класса. Вот почему в городе не учат финский? Вот вопрос поднять, вот почему учат немецкий, французский, английский... Ведь Финляндия рядом, а финский никто не учит, не учат в школе-то (М).

Отдельно отметим два случая прерывания использования языка в семьях, которые отличаются от всех, описанных выше.

LR сознательно не пользуется диалектом с дочерью, которая им владеет и выказывает желание использовать в семье. Она говорит, что «русский шел проще», да и в школе все было по-русски.

А уже вот мою дочку, в это самое, вот она до школы с бабушкой. Я жила в Гатчине, там тоже снимали жилье, потом ее в первый класс надо было в семьдесят третьем году. Старались уже меньше [говорить с дочкой на местном диалекте]. Че-то русский шел проще. Да потому что в школе учились, всё по-русски. Она говорит «Давай, мама, будем говорить с тобой по-фински». Ну, поговорим немножко, и все равно где-то русское слово бросишь, и так переходишь на русский (LR).

Дочь ТА перестала говорить вследствие психологической травмы, полученной в детстве, хотя сама ТА считает, что дочь перестала пользоваться языком по неизвестным причинам.

Она говорила, пока мама моя жива была. Мама при ней умерла на ее глазах, и она перестала. Но она понимает, она понимает, только говорить перестала. Мужа мать позже умерла, много позже. Бабушка с ней (с дочерью) по-фински говорила, а она по-русски отвечала. Понимать она понимает, ну и в детстве говорила хорошо по-фински. Я и сейчас, когда что скажу (по-фински) ... А говорить перестала, почему не знаю (ТА).

Подводя итоги, отметим следующие ключевые моменты:

1. Лишь небольшое количество из опрошенных нами информантов говорили с детьми на диалекте. Для большинства «обучение» детей диалекту понимается не как использования языка в семье, а как посещение курсов и

изучение языка в школе. Избегание диалекта в семьях также связано с его низким престижем и желанием научить детей более престижному языку, который бы помог им лучше интегрироваться в общество.

2. В случае, если дети информантов владеют финским языком, то это литературный финский язык, который они выучили на курсах. Диалект при этом оценивается как «обрусевший», «непонятный» и «испорченный» финский язык. Таким образом, престиж финского литературного языка также выше, чем престиж диалекта.

3. В некоторых случаях индивид перестает пользоваться языком, так как переживает дискриминацию (LM), либо становится свидетелем трагического события (дочь TA).

4. Передача языка в семьях информантов, за редким исключением, остановилась. Переломное поколение не учит уже своих детей диалекту, что отмечают практически все информанты, говоря, что внуки говорят только-порусски и уже русские, а не финны.

5. Информанты практически не выражают заинтересованности в судьбе диалекта, лишь некоторые с сожалением констатируют, что язык уходит.

4.4. Лингвистические биографии информантов

Использование лингвистических биографий предлагается Н.Б. Вахтиным для ситуаций, когда в сообществе функционирует несколько языков. Однако в нашем исследовании описание лингвистических биографий осуществляется для того, чтобы получить базовые представления об информанте и его языковой компетенции, а также сопоставить эти данные и приведенное в Главе 3 описание языковой аттриции.

Структура принятых в нашем исследовании лингвистических биографий информантов выглядит следующим образом: шифр информанта, год рождения, этничность в соответствии с тем, как она была названа в социолингвистическом интервью, место рождения, места проживания, школа, язык, используемый в доменах «дом» и «улица», информация о супругах (если есть), использование

языка в домене «церковь», отношение информанта к диалекту, язык, на котором говорят дети информанта.

После каждой лингвистической биографии следует две оценки: оценка компетенции и оценка лояльности, методика описана в параграфе 2.2.1.

МН, 1948 года рождения, финка-ингерманландка. Родилась в Эстонии, жила в Калининской области, где ходила в русскую школу. Переехала в Петрозаводск, общалась на литературном финском языке с соседкой, слушала аудиозаписи. Дома с родителями с детства говорила на финском и на русском. Супруг финн, говорили на русском и на финском. В связи с работой часто общается с финнами, приезжающими из Финляндии, но также и часто посещает пожилых деревенских людей. Ходит в лютеранскую церковь. По словам МН, больше говорит на литературном финском языке. Детей диалекту не учила, сын учит литературный язык, разговаривают на русском.

Оценка компетенции: владение языком – 2 балла, аттриция в 24% парадигм – 2 балла, встречаются литературные формы – 0 баллов. Итого – 4 балла.

Оценка лояльности: отношение к диалекту – 3 балла, этничность – 3 балла. Итого – 6 баллов.

НР, 1943 года рождения, ингерманландка. Родилась в финской деревне, в детстве жила в Финляндии, Калининской области, в 1946 вернулась в родную деревню. В детстве говорила с семьей на диалекте, русский язык выучила только тогда, когда пошла в школу. В школе училась на русском языке. Первый муж – финн, говорили по-фински, второй муж – русский, говорили по-русски. Учила детей диалекту, старший сын говорит и на литературном финском языке, и на диалекте. Сама НР считает, что говорит на литературном языке плохо.

Оценка компетенции: владение языком – 3 балла, аттриция в 14 % парадигм – 2 балла, встречаются литературные формы – 0 баллов. Итого – 5 баллов.

Оценка лояльности: отношение к диалекту – 3 балла, этничность – 3 балла. Итого – 6 баллов.

МА, 1930 года рождения, inkerläine⁵⁵. Родилась в финской деревне, по своим словам, никогда не переезжала.⁵⁶ В детстве говорила на финском в семье, на русском с соседями. Гордится, что чисто говорит и по-фински, и по-русски. Муж русский, говорит с ним по-русски. Детей диалекту не учила, дочь владеет литературным финским языком, но говорят также по-русски. Читает книги и газеты на литературном финском языке. Отделяет свой язык, inkerin kiel'⁵⁷, от финского языка. Посещает церковь, там использует и финский, и русский язык.

Оценка компетенции: владение языком – 2 балла, аттриция в 27 % парадигм – 1 балл, частотны литературные формы – 0 баллов. Итого – 3 балла.

Оценка лояльности: отношение к диалекту – 3 балла, этничность – 3 балла. Итого – 6 баллов.

МЖ, 1928 года рождения, suomalaisine, inkerläine. Родилась на финском хуторе, затем переехали в финскую деревню. Жила в Пскове, в 1956 году вернулась в свою деревню. В детстве говорила на финском, посещала финскую школу. Жила в финской деревне. Муж украинец, говорила с ним по-русски. Посещает лютеранскую церковь. Дети говорят по-русски, но понимают диалект. МЖ использует с детьми и диалект, и русский язык. Дети считают себя русскими и православными. Считает, что финский язык нужно преподавать в школах.

Оценка компетенции: владение языком – 3 балла, аттриция в 14 % парадигм – 2 балла, литературных форм нет – 1 балл. Итого – 6 баллов.

Оценка лояльности: отношение к диалекту – 3 балла, этничность – 3 балла. Итого – 6 баллов.

МКН, 1926 года рождения, чухна, ингерманландка. Родилась в финской деревне. Ходила в финскую школу. В детстве говорила на русском и ингерманландском. В настоящее время супруг – цыган, разговаривают на русском. Различает «чухонский» и финский языки.

⁵⁵ ингерманландка

⁵⁶ Информантка МА на момент интервью жила не в родной деревне

⁵⁷ ингерманландский язык

Оценка компетенции: владение языком – 1 балла, аттриция в 35 % случаев – 1 балл, очень много литературных форм – 0 баллов. Итого – 2 балла.

Оценка лояльности: отношение к диалекту – 2 балла, этничность – 3 балла. Итого – 5 баллов.

ВН, 1938 года рождения, финка, очень этим гордится. Родилась в финской деревне, в детстве жила в Финляндии, Эстонии, в Псковской области, затем переехала обратно в деревню. В детстве разговаривала на финском, по ее словам, до сих пор продолжает разговаривать с сестрой на финском. Ходила в школу в Финляндии, затем – в русскую школу в Псковской области. Муж – русский, разговаривали по-русски. Ходит в церковь, но редко. Дети не говорят на финском, по словам информантки, не хотели учить язык.

Оценка компетенции: владение языком – 2 балла, аттриция в 35% парадигм – 1 балл, литературных форм нет – 1 балл. Итого – 4 балла.

Оценка лояльности: отношение к диалекту – 3 балла, этничность – 2 балла. Итого – 5 баллов.

ЕК, 1928 года рождения, русская. Родилась в Ингерманландии, в смешанной русско-финской деревне. Переехала в соседнюю деревню. Отец и мать – русские, но до войны в доме говорили и на финском, и на русском. Ходила в финскую школу. На диалекте говорила с соседями. Ходит в православную церковь. Дети русские и говорят на русском, по словам информантки, «не умеют ничего».

Оценка компетенции: владение языком – 3 балла, аттриция в 20% парадигм – 2 балла. Литературных форм нет – 1 балл. Итого – 6 баллов.

Оценка лояльности: отношение к диалекту – 2 балла, этничность – 0 баллов. Итого – 2 балла.

МКА, 1927 года рождения, финка, *inkerläisii ja suomalaisii myö olemmo*. Родилась в финской деревне, жила в Новгороде, Эстонии, Финляндии, в Великолукской области. В детстве говорила на финском языке, ходила в русскую школу. Муж – финн, говорили с ним на финском языке. Дети в детстве говорили на финском, так как жили с финноязычной родственницей. С детьми до сих пор разговаривает на финском. По-русски говорит довольно плохо.

Оценка компетенции: владение языком – 3 балла, аттриция в 13% парадигм – 2 балла, есть формы из литературного языка – 0 баллов. Итого – 6 баллов.

Оценка лояльности: отношение к диалекту – 3 балла, этничность – 3 балла. Итого – 6 баллов.

HV, 1938 года рождения, финка. Родилась в финской деревне, жила в Финляндии, Эстонии, Великолукской области, в 1956 году вернулась в свою деревню. В детстве говорила на финском. Старший сын говорил на диалекте, пока была жива бабушка. Младший, с его слов, владеет диалектом очень плохо. С детьми говорит на русском, так как все невестки – русские. Жалеет, что язык исчезает и говорить не с кем.

Оценка компетенции: владение языком – 3 балла, аттриция в 18% парадигм – 2 балла, литературных форм нет – 1 балл. Итого – 6 баллов.

Оценка лояльности: отношение к диалекту – 3 балла, этничность – 1 балл. Итого – 4 балла.

LM, 1941 года рождения, финка. Родилась в финской деревне, жила в Эстонии, Пскове, в 1954 году вернулась в свою деревню. В детстве говорила на финском языке, ходила в русскую школу. Муж – карел, говорили на русском языке. Дети говорят на русском языке. Называет финский язык «бестолковым», но при этом оценивает то, что в церкви говорят на русском языке, отрицательно.

Оценка компетенции: владение языком – 3 балла, аттриция в 33% парадигм – 1 балл, литературных форм нет – 1 балл. Итого – 5 баллов.

Оценка лояльности: отношение к диалекту – 2 балла, этничность – 1 балл. Итого – 3 балла.

LR, 1938 года рождения, финка. Родилась в финской деревне, жила в Финляндии, Новгородской области. Ходила в русскую школу. В детстве разговаривала на финском языке, после школы перешла на русский язык. В церкви говорит на русском языке. С детьми говорит также на русском языке, несмотря на то, что они выражают желание говорить на диалекте.

Оценка компетенции: владение языком – 3 балла, аттриция в 70% полученных парадигм – 0 баллов, встречаются литературные формы – 0 баллов. Итого – 3 балла.

Оценка лояльности: отношение к диалекту – 2 балла, этничность – 1 балл.
Итого – 3 балла.

VK, 1941 года рождения, ингерманландка. Родилась в финской деревне, жила в Эстонии, Финляндии, в Калининской области до 1962 года. Родители финны, в детстве говорила на финском языке, брат и сестра – на русском. Ходила в русскую школу. Муж – финн, но говорили по-русски. Ходит в церковь. Посещала курсы литературного финского языка для эмигрантов. Дети говорят на русском, очень жалеет, что не передала язык.

Оценка компетенции: владение языком – 2 балла, аттриция в 41% полученных парадигм – 1 балл, много литературных форм – 0 баллов. Итого – 3 балла.

Оценка лояльности: отношение к диалекту – 3 балла, этничность – 3 балла.
Итого – 6 баллов.

RRm, 1968 года рождения, финн местный. Родился в финской деревне, до 6 лет жил с бабушкой, которая говорила только на финском языке. Ходил в русскую школу. В церковь ходит редко. На диалекте иногда говорит с двоюродным братом. Очень ясно осознает разницу между литературным языком и диалектом. Говорит, что сознательно не учил литературный финский язык, так как это «не его». Дети говорят на русском, диалекту их не учил, так как считает, что «местный язык умер».

Оценка компетентности: владение языком – 3 балла, аттриция в 44% полученных парадигм – 1 балл, изредка встречаются литературные формы – 0 баллов. Итого – 4 балла.

Оценка лояльности: отношение к диалекту – 3 балла, этничность – 3 балл.
Итого – 6 баллов.

KN, 1930 года рождения, финка. Родилась в финской деревне, жила в Финляндии, причем относится к этому крайне отрицательно, Новгородской области, в 1946 году вернулась в свою деревню. В детстве говорила по-фински, в финскую школу не ходила. Родной язык называет «местный финский». Муж был финном, говорили с ним по-фински. Детей нет. Часто ходит в церковь, там говорит со всеми на финском. Свободно ведет беседу на диалекте.

Оценка компетенции: владение языком – 3 балла, аттриция в 5% полученных парадигм – 3 балла, литературных форм не встретилось – 1 балл. Итого – 7 баллов.

Оценка лояльности: отношение к диалекту – 3 балла, этничность – 2 балла. Итого – 5 баллов.

ТА, 1937 года рождения. Родилась в финской деревне, жила в Финляндии, Эстонии, Псковской области. Вернулась в родную деревню в 1946 году. В детстве говорила с родителями на финском языке. Муж был финном, разговаривали на финском языке. Ходит в церковь, там разговаривает в основном на русском, так как нет финнов. Дочь в детстве говорила по-фински, затем перестала. ТА различает «свой» диалект и литературный финский язык.

Оценка компетенции: владение языком – 3 балла, аттриция в 35 % полученных парадигм – 1 балл, встречаются формы из литературного финского языка – 0 баллов. Итого – 4 балла.

Оценка лояльности: отношение к диалекту – 3 балла, этничность – 2 балла. Итого – 5 баллов.

НН, 1934 года рождения, финка. Родилась в финской деревне, но воспитывалась у русских. Жила в Финляндии, затем в Великолукской области, после этого в Эстонии. В детстве говорила сначала по-русски, затем по-фински, затем по-эстонски. Родители были финны, супруг также финн. Говорили с ним на финском языке. Училась в школе в Финляндии, затем в Великолукской области. Ходит в церковь редко, но к ней приезжает пастор. Дети в детстве говорили на финском, но затем перешли на русский. НН понимает разницу между «инкери» (ингерманландским) и финским языком, но на литературном языке говорила только в детстве.

Оценка компетенции: владение языком – 3 балла, аттриция в 9% полученных парадигм – 3 балла, литературных форм не встретилось – 1 балл. Итого - 7 баллов.

Оценка лояльности: отношение к диалекту – 2 балла, этничность - 3 балла. Итого – 5 баллов.

LK, 1927 года рождения, финка. Родилась в финской деревне, затем жила в Красноярском крае, Иркутской области, Карелии. Родители – финны, говорили на финском, но погибли на войне. Дети говорят на русском языке, а сама LK плохо говорит по-русски.

Оценка компетенции: владение языком – 3 балла, аттриция в 18% полученных парадигм – 2 балла, литературных форм нет – 1 балл. Итого – 6 баллов.

Оценка лояльности: отношение к диалекту – 3 балла, этничность – 2 балла. Итого – 5 баллов.

ELFK, 1930-е гг., русская. Выросла в финской деревне, говорила с финнами на финском диалекте, в семье – на русском. Родители русские. Муж был русский, но воспитывался у финнов. Говорили по-русски. Считает себя православной, но посещает также и финские службы, когда приезжают финны. Со знакомыми ELFK говорит и на финском, и на русском. О финском языке говорит, что не очень его любит, особенно это касается «местного» языка.

Оценка компетенции: владение языком – 3 балла, аттриция в 13% полученных парадигм – 2 балла, литературных форм нет – 1 балл. Итого – 6 баллов.

Оценка лояльности: отношение к диалекту – 0 баллов, этничность – 0 баллов. Итого – 0 баллов.

SH, 1928 года рождения, финка. Родилась в финской деревне. Родители были финны, в семье разговаривали по-фински. Два года ходила в финскую школу. Жила в Финляндии, Новгородской области, вернулась в свою деревню в 1945 году. Муж был украинец, говорили по-русски. Дети финского языка не знают, сама SH их не учила. Ходит в церковь, там говорит в основном по-русски и лишь немного на диалекте.

Оценка компетенции: владение языком – 3 балла, аттриция в 8% парадигм – 3 балла, литературных форм не встретилось – 1 балл. Итого – 7 баллов.

Оценка лояльности: отношение к диалекту – 2 балла, этничность – 2 балла. Итого – 4 балла.

АМК, 1930 года рождения, ингерманландка. Родилась в финской деревне. Родители – финны, говорила с ними на ингерманландском. Ходила в финскую школу, знает литературный финский. Жила в Эстонии, Финляндии, Ярославской области, Карелии. Муж был русский, говорили с ним по-русски. Никто в семье не говорит по-русски. АМК очень тяжело переживает то, что ей не с кем говорить на своем языке.

Оценка компетенции: владение языком – 3 балла, аттриция в 10% полученных парадигм – 2 балла, встречаются литературные формы – 0 баллов. Итого – 5 баллов.

Оценка лояльности: отношение к диалекту – 3 балла, этничность – 3 балла. Итого – 6 баллов.

НК, 1929 года рождения, ингерманландка. Родилась в финской деревне, в детстве говорила в семье на финском языке. Родители – ингерманландские финны. Ходила в финскую школу. Жила в Эстонии, Финляндии, Псковской области. Супруг – русский, разговаривали по-русски. Дети не говорят по-фински, внуки уехали в Финляндию. Ходит в церковь, там разговаривает с другими прихожанами, но очень редко.

Оценка компетенции: владение языком - 3 балла, аттриция в 12% полученных парадигм – 2 балла, литературных форм не встречается – 1 балл. Итого – 6 баллов.

Оценка лояльности: отношение к диалекту – 3 балла, этничность – 3 балла. Итого – 6 баллов.

Сопоставим полученные данные об информантах и результаты анализа материала, описанного в Главе 3.

Информант	Компетенция	Лояльность
KN	7	5
NH	7	5
SH	7	4
EK	6	2
ELFK	6	0

HK	6	6
HV	6	4
LK	6	5
MJ	6	6
MKA	6	6
AMK	5	6
HP	5	6
LM	5	3
MH	4	6
RRm	4	6
TA	4	5
VH	4	5
LR	3	3
MA	3	6
VK	3	6
MKH	2	5

В представленной сравнительной таблице видно отсутствие корреляции между критериями «Компетенция» и «Лояльность»: информанты с высокой степенью лояльности к диалекту могут демонстрировать низкую диалектную компетенцию (MA, VK, RRm, MH, MKH), а информанты с высокой компетенцией, напротив, не всегда получают высокую оценку за критерий «Лояльность» (ELFK, EK, SH). Подобная асимметрия проявляется также и в конкретных проявлениях языковой аттриции в идиолектах информантов с высокой лояльностью. Так, идиолект RRm отличается наибольшей вариативностью: у него отмечены аналогические, парадигматические и категориальные выравнивания, а также фонетические изменения в речи. При этом RRm в социолингвистическом интервью постоянно указывает на то, что он говорит именно на диалекте, сохраняет его и его речь значительно отличается от речи его образованного двоюродного брата. Мы можем предположить, что ввиду недостаточно высокой компетенции, RRm пытается генерализировать

некоторые диалектные черты (например, активное использования показателя – /oi-/ /õi-/ для образования форм плюралиса даже в тех типах, где обычно этот показатель не встречается). С другой стороны, АМК, чья оценка за компетенцию выше, а оценка за лояльность такая же, как и у RRm, порождает диалектные формы, соответствующие ожидаемым. АМК приводит большое количество примеров отличий между ингерманландским языком, на котором говорит она, и литературным языком, используемом финнами.

ELFK, получившую самую низкую оценку за критерий «Лояльность», при этом отличается высокая сохранность диалекта, такое же замечание можно сделать и относительно ЕК. Ни у ELFK, ни у ЕК нет никаких мотивов сохранять неродной для них язык, однако это не становится фактором, способствующим разрушению диалектной системы в их идиолектах.

Из всех информантов одинаково высокую оценку и за компетенцию, и за лояльность получили только НК и МКА. Можно было бы предположить, что это связано с их желанием сохранить свой родной язык, а также с постоянным его использованием. Однако лингвистические биографии показывают, что в то время как МКА пользуется языком при общении в семье, НК уже практически его не использует.

Из всех информантов только LR получила одинаково низкие оценки и за компетенцию, и за лояльность, и в ее случае действительно можно найти причинно-следственные между двумя этими показателями: LR редко пользуется языком, не желает говорить на нем с детьми, а также не считает себя частью особой группы среди финнов. Однако случай LR скорее исключение, чем правило.

Таким образом, гипотеза о наличии корреляции между социолингвистическими факторами и проявлениями аттриции в идиолекте, не подтвердилась. Как можно увидеть из лингвистических биографий и сравнительной таблицы оценок, количество случаев отсутствия связи между ними в значительной мере превышает число случаев ее наличия.

Выводы

Описанные выше явления являются необходимыми условиями для того, чтобы в сообществе начался языковой сдвиг. Внешняя ситуация: репрессии и гонения финнов, привели к неравномерному распределению финского и русского языков в сообществе. Те домены, которые исторически занимал финский язык: «улица», «дом», «школа», «церковь», стали распределяться таким образом, что русский язык стал доминировать в абсолютном большинстве из них. Среди некоторой части сообщества развилось негативное отношение к родному языку, и такие носители приняли решение не передавать родной язык детям. Некоторые информанты практически запрещали детям говорить на финском языке, переходя на русский даже при желании детей говорить на диалекте.

Все события, описанные выше, в рамках модели языкового сдвига Зассе, показывают, что в сообществе ингерманландских финнов еще в 50-е гг. XX века произошел языковой сдвиг, связанный с государственными репрессиями, которые привели к постепенной элиминации языка из сфер, в которых он традиционно использовался. Необходимо отметить, что у ингерманландских диалектов никогда не было широкого круга формальных доменов, в которых они бы использовались, но даже такой устойчивый домен как «дом» также претерпел значительные изменения.

Модель Зассе предполагает, что на таком этапе языкового сдвига структурные проявления будут включать лексические потери, которые и демонстрируют информанты, когда забывают те или иные лексемы, рост интерференции и влияния доминирующего языка, упрощение структур языка, но сохранение его функциональной целостности, и, наконец, распад языка, проявляющийся в редукции в речи полужычных носителей.

Как было показано в главе 3, такие структурные проявления действительно наблюдаются, но нужно отметить, что вопрос о наличии связи между социальными факторами языкового сдвига и структурными проявлениями языковой аттриции очень сложен и требует дальнейшего исследования.

Заключение

В данной работе были рассмотрены проявления языковой аттриции в финских диалектах Центральной Ингерманландии. В ходе проведения полевого исследования был собран диалектный языковой материал, а также разработано и проведено социолингвистическое интервью. Было показано, что разным словоизменительным типам присущи разные аттриционные изменения: типы одноосновных и двухосновных имен с чередованием слабой и сильной ступени подвержены парадигматическому выравниванию, а типам с одноосновными именами без чередования ступеней было присуще аналогическое выравнивание.

Среди аттриционных процессов были выявлены аналогическое, парадигматическое, категориальное выравнивание, категориальный сдвиг, а также ряд изменений, затрагивающий изменения в сингармонизме, в котором наблюдались нарушения и геминации, правила которой обобщались на те контексты, где не должны применяться (геминация в третьем слоге).

В перспективе представляется возможным исследовать изменения в именном склонении на более широком материале с привлечением диалектных данных из других регионов Ингерманландии.

Данные, полученные в проведенных социолингвистических интервью были описаны и проинтерпретированы. Результаты подтверждают, что для центральноингерманландских диалектов финского языка характерна ситуация далеко зашедшего языкового сдвига. Диалекты почти полностью вытеснены доминирующим русским языком из всех доменов, в которых они употреблялись исторически. Передача языка нарушена: носители не учат своих детей говорить на родном диалекте, немалую роль в этом также играют смешанные браки, в результате которых вся семья начинает говорить на языке отца. Лишь небольшая группа информантов считает себя отдельной этничности *ингерманландцы*, большинство же называет себя *финнами*.

Перспективным также представляется социолингвистическое исследование группы «финноязычных русских».

Предполагаемое существование причинно-следственных связей между социолингвистическими факторами и проявлениями аттриции в идиолекте не подтвердилось. Это соотношение оказалось очень многогранным, и данный вопрос требует большего количества материала, что выходит за рамки данного исследования.

Список литературы

1. Вахтин Н.Б. Языки народов Севера в XX веке: Очерки языкового сдвига. - СПб. : Дмитрий Буланин, 2001. – 338 с.
2. Викторова К.В. Языковой сдвиг как социолингвистическое явление // Языковые изменения в условиях языкового сдвига / Институт лингвистических исследований РАН / Отв. ред. Н.Б. Вахтин. - СПб. : Нестор, 2007. – С. 59-85.
3. Галахова Л.Я. К вопросу о геминации согласных в финских говорах Ленинградской области // Советское финно-угроведение. –1979. - №15. - С. 221 – 225.
4. Галахова Л.Я. Чередование ступеней согласных в основе слова в финских говорах Ленинградской области // Кафедра финно-угорской филологии 75 лет. Избранные труды. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2000. – С. 115 – 131.
5. Галахова Л.Я. Основные особенности консонантизма в финских говорах Ленинградской области: дисс. ... канд. филол. наук // Ленинградский гос. университет. - Л., 1974. - 223 с.
6. Грамматика финского языка. Фонетика и морфология. / Ред. Серебренников Б.А., Керт Г.М. – Изд-во АН СССР, 1958. – 296 с.
7. Груздева Е.Ю. Языковая аттриция в системе языковых изменений // Языковые изменения в условиях языкового сдвига / Институт лингвистических исследований РАН / Отв. ред. Н.Б. Вахтин. - СПб. : Нестор, 2007. – С. 16-58.
8. Гулида В.Б. О языковой компетенции носителя малого языка в условиях языкового сдвига. // Лики билингвизма / Отв. ред. С.Н. Цейтлин. Институт лингвистических исследований РАН. – СПб. : Златоуст, 2016. – 264 с.
9. Доброва А.Е. Морфонология возвратных и стяжённых глаголов ингерманландского языка (на примере северных приходов

- Ингерманландии Токсово, Вуоле, Лемболово): дисс. ... маг. филологии // Санкт-Петербургский Государственный Университет. – СПб, 2014. - 142 с.
10. Дориан Н. Утрата и сохранение языка в ситуации языкового контакта. // Социолингвистика и социология языка. Хрестоматия / [пер. с англ.]; отв. ред. Н. Б. Вахтин. - СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2012 – С. 382-401.
 11. Зайков П.М. Грамматика карельского языка: фонетика и морфология. – Петрозаводск: Периодика, 1999. – 120 с.
 12. Зассе Х.-Ю. Теория языковой смерти. // Социолингвистика и социология языка. Хрестоматия / [пер. с англ.]; отв. ред. Н. Б. Вахтин. - СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2012 – С. 433-459.
 13. Кирпу Л.П. Прибалтийско-финское языкознание. Сборник статей. – Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 1991. – С.18-28.
 14. Конькова О.И., Кокко В.А. Ингерманландские финны. Очерки истории и культуры. – СПб: МАЭ РАН, 2009. – 164 с.
 15. Лаанест А. Ижорские диалекты: Лингвогеографическое исследование. - Таллин: Валгус, 1966. - 184 с.
 16. Лаанест А. Об истории долгих гласных непервых слогов в ижорском, водском и финском языках (тезисы). // Всесоюзная конференция по финно-угорскому языкознанию (Тезисы к докладам и некоторые доклады). - Ижевск, 1967. – С. 35-36.
 17. Маркус Е.Б., Рожанский Ф.И. Современный водский язык. Тексты и грамматический очерк. Грамматический очерк и библиография. – СПб. : Издательство Санкт-Петербургского института истории РАН „Нестор-История“, 2011. –Том II. - 384 с.
 18. Мусаев В.И. Политическая история Ингерманландии в конце XIX-XX веке. – Nestor-Historia, 2001. – 400 с.
 19. Муслимов М.З. К классификации финских диалектов Ингерманландии. // Вопросы уралистики 2009. Научный альманах. / Ред. С.А. Мызников. - СПб, 2009. – С. 179–204.

20. Муслимов, М. З. Об аналогическом выравнивании в формах партитива в прибалтийско-финских языках Ингерманландии и вепсском языке [Текст] / М. З. Муслимов // Ежегодник финно-угорских исследований. — 2015. — Вып. 2. — С. 9–18.
21. Муслимов М.З. Раздаточный материал к курсу «Ингерманландский язык». – СПбГУ, 2012 уч.год. - 14 с.
22. Муслимов М.З. Языковой сдвиг и изменения в прибалтийско-финских языках и диалектах Западной Ингерманландии. // Языковые изменения в условиях языкового сдвига. / Институт лингвистических исследований РАН. / Отв. ред. Н.Б. Вахтин. - СПб. : Нестор. 2007. – С. 225-251.
23. Муслимов М.З. Языковые контакты в Западной Ингерманландии: нижнее течение реки Луги: дисс. ... канд. филол. наук. / Институт лингвистических исследований РАН. - СПб., 2005. - 411 с.
24. Нилова В. И. «Финский» Петербург А. К. Глазунова // Петрозаводская государственная консерватория им. А. К. Глазунова. — Петрозаводск, 2010. — 20 с.
25. Ракитина С.А. Количественные противопоставления гласных в ингерманландском финском языке на материале говоров Центральной Ингерманландии: дисс. ... маг. лингвистики. / Санкт-Петербургский Государственный Университет. - СПб., 2015. - 84 с.
26. Руoppiла, В. Языковые особенности в Ингерманландии // История ингерманландских финнов / пер. книги «INKERIN SUOMALAISTEN HISTORIA», изданной в Финляндии в 1969 г., Д.И. Орехова — Санкт-Петербург: «Гйоль», 2012. — С. 329 — 346.
27. Рожанский Ф.И., Маркус Е.Б. Ижора Сойкинского полуострова: фрагменты социолингвистического анализа. // ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований РАН. / Отв. ред. Н. Н. Казанский. - СПб.: Наука, 2013. – Т. IX. Ч. 3. Сборник статей к 60-летию Евгения Васильевича Головки / Сост. и ред. тома Н. Б. Вахтин, Е. В. Перехвальская. - С. 261-298.

28. Хакулинен Л. Развитие и структура финского языка. Часть 1 Фонетика и морфология. / Пер. с финского Ю.С. Елисеева. - М. : Издательство иностранной литературы, 1953. – 311 с.
29. Халтсонен С. Период утверждения финской церкви в Ингерманландии (1800-1917 гг). // История ингерманландских финнов [сборник статей/ пер. с фин.: Дмитрий Орехов]. - СПб. : Гйоль, 2012. – С. 163-205.
30. Халтсонен С. Этапы истории финских школ и народного просвещения в Ингерманландии. // История ингерманландских финнов [сборник статей/ пер. с фин.: Дмитрий Орехов]. - СПб. : Гйоль, 2012. – С. 205-269.
31. Языки мира: Уральские языки. - М. : Наука, 1993. – 398 с.
32. Andersen R.W. Determining the linguistic attributes of language attrition // The loss of language skills / Ed. by R.D. Lambert and B.F. Freed. Rowley. – MA : Newbury House Publishers, 1982. - P. 83-118.
33. Ariste P.A. Grammar of Votic language. - Indiana University Press. Uralic and Altaic Series, 1968. – 121 p.
34. Bradley D. The disappearance of the Ugong in Thailand // Investigating obsolescence: studies in language contraction and death / edited by Nancy Dorian — Cambridge : Cambridge University Press, 1989. – P. 33-40.
35. Campbell L. Language death // Encyclopedia of Language and Linguistics. Vol. 5. Oxford, 1994. – P. 1961 – 1968.
36. Campbell L. The structural consequences of language death. // Investigating obsolescence: Studies in language contraction and death / Ed. by N.C. Dorian. — Cambridge : Cambridge University Press, 1989 — P. 181-196.
37. Crystal D. Language death. – Cambridge : Cambridge University Press, 2014. - 276 p.c
38. Denison N. Language death or language suicide? // International Journal of the Sociology of Language. Vol. 12, 1977. P. 13-22.
39. Dressler W.U. The sociolinguistic and patholinguistic attrition of Breton phonology, morphology, and morphonology. // First language attrition / edited

- by Herbert W. Seliger and Robert M. Vago. — Cambridge : Cambridge University Press, 1991. — P. 99-111.
- 40.Engelenhoven v. A. The Makuva enigma: locating a hidden language in East Timor. // *Revue Roumaine de Linguistique*. - 2003. - 80 (2). – P. 161-181.
- 41.Evmenov D., Muslimov M. Atlas of Ingrian Finnish dialects: making the most of our data. // *Methods in Dialectology: Proceedings of Methods XIII. Papers from the Thirteenth International Conference on Methods in Dialectology, 2008.* / ed. by B. Heselwood, C. Upton. — Frankfurt am Main : Peter Lang, 2010. — P. 91–99.
- 42.Fishman J.A. *Language in Sociocultural Change*. – Stanford : Stanford University Press, 1972. – 375 p.
- 43.Heikkinen J. *Inkerinsuomen morfonologia: Vartaloallomorfiien paradigmat murroksessa*. – Joensuun yliopisto, 1998. – 97 p.
- 44.Kokko O. *Inkerinsuomen pirstaleisuus. Eräiden sijojen kehitys murten yksilöllistymisen kuvastajana*. Joensuun yliopisto. Joensuu, 2007. – 249 p.
- 45.Kokko O. Loss and maintenance of linguistic features in language attrition // *Language Contact, Variation, and Change* / Ed. by Jussi Niemi, Terence Odlin and Janne Heikkinen. *Studies in Languages* N.o. 32. Joensuu, 1998. – P. 151-172.
- 46.Köppen v. Peter *Erklärender Text zur der ethnographischen Karte des St. Petersburger Gouvernements*. - St.-Petersburg : Commissionäre der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, 1867. – 150 p.
- 47.Kuter L. Breton vs. French: Language and the opposition of political, economic, social, and cultural values. // *Investigating obsolescence: studies in language contraction and death.* / edited by Nancy Dorian. — Cambridge : Cambridge University Press, 1989. – P. 91-102.
- 48.Ladefoged P. Another View of Endangered Languages. // *Language*. – 1992. - Vol. 98, No. 4 (Dec., 1992). – P. 809-811.
- 49.Laos K. *Kihnlasõ emäkiel*. – Pärnu : Kihnu Kultuuri Instituut, 2010. – 240 p.
- 50.Mullonen M. *Elettiinpä ennen Inkeris. Näytteitä inkerinsuomalasista murteista* / M. Mullonen — Petroskoi : Periodika, 2004. — 256 c.

51. Riionheimo H. Morphological attrition and interference in language contact: sketching a framework. // *Language Contact, Variation, and Change* / Ed. by Jussi Niemi, Terence Odlin and Janne Heikkinen. *Studies in Languages*. - Joensuu, 1998. - N.o. 32. – P. 246-268.
52. Ruoppila V. *Äyrämöismurteiden äännehistoria*. – Helsinki: Suomalainen Kirjallisuuden Seura, 1955. – 210 c.
53. Sasse H.-J. Language decay and contact-induced change: similarities and differences. // *Arbeitspapier N. 12*. – Köln : Institut für Linguistik, Abteilung Allgemeine Sprachwissenschaft, 1990. – P. 30-54.
54. Seliger H.W., Vago R.M. The study of language attrition: an overview. // *First Language Attrition*. / Ed. by H. Seliger, R. Vago. – Cambridge : Cambridge University Press, 1991. – P. 3-16.
55. Tosco M. “People who are not the language they speak”: On Language Shift without Language Decay in East Africa. // *Endangered Languages in Africa*. / edited by Matthias Brenzinger – Rüdiger Köppe Verlag, 1998. – P. 119-142.
56. Wei L. Contact // *Society and language use* / ed. by Jürgen Jaspers, Jan-Ola Östman and Jef Verschueren. John Benjamins B.V., 2010. – P. 127-139.
57. Вахтин Н.Б. Условия языкового сдвига (К описанию современной языковой ситуации на Крайнем Севере. [Электронный ресурс]. - Режим доступа : <http://www.philology.ru/linguistics1/vakhtin-01.htm>; - Русский Филологический портал. – Дата обращения 03.06.2017 – свободный. – Яз.рус.
58. Итоги всероссийской переписи населения 2010. Население наиболее многочисленных национальностей по родному языку // Итоги всероссийской переписи населения 2010 / Том 4. [Электронный ресурс]. - Режим доступа : http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-08.pdf; - Федеральная служба государственной статистики. – Дата обращения 05.06.2017 – свободный. – Яз.рус.
59. Итоги всероссийской переписи населения 2010. Национальный состав населения // Итоги всероссийской переписи населения 2010 / Том 4. [Электронный ресурс]. - Режим доступа : http://www.gks.ru/free_doc/

new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-01.pdf; - Федеральная служба государственной статистики. – Дата обращения 05.06.2017 – свободный. – Яз.рус.

60. Основной закон (конституция) союза советских социалистических республик 1924 г. [Электронный ресурс]. - Режим доступа : <http://www.hist.msu.ru/ER/Text/cnst1924.htm>; - Исторический факультет Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. – 03.06.2017 – свободный. – Яз.рус.

61. По программе репатриации в Финляндию переехало 30 тыс. ингерманландцев [Электронный ресурс]. - Режим доступа : <http://fontanka.fi/articles/28035/>; - Фонтанка ру (источник). – 06.06.2017 – свободный. – Яз.рус.

Приложение

Вопросы, использовавшиеся при проведении социолингвистического интервью.

1. ФИО
2. Год рождения, дата по возможности
3. Место рождения
4. Где жили, когда переезжали
5. Родной язык
6. Какими языками владеете
7. Где родилась ваша мать? Какая у нее была национальность? На каких языках она с вами говорила?
8. Где родился ваш отец? Какая у него была национальность? На каких языках он с вами говорил?
9. Ваша национальность. Как вы называете себя на родном языке?
10. Национальность супруга
11. На каких языках с ним говорили?
12. На каком языке говорили в детстве
13. На каком языке говорили в школе
14. На каком языке говорите (говорили) с соседями?
15. Ходите ли Вы в церковь? Если да, то в какую?
16. На каком языке говорите в церкви? На каком языке проходит служба?
17. Если нет, то посещает ли Вас священник?
18. Если да, то откуда он приезжает?

19. Смотрите ли вы телевидение/слушаете радио/читаете газеты/книги? На каком языке?
20. Учили ли Вы литературный финский?
21. Если да, то где и когда?
22. Где Вам приходилось слышать литературный финский или общаться на нем?
23. Как часто Вам сейчас приходится общаться на ингерманландском финском? Если приходится, то с кем и в каких ситуациях?
24. На каком языке говорят Ваши дети?
25. Знают ли Ваши дети финский язык? Литературный или ингерманландский?
26. Пытались ли Вы учить Ваших детей Вашему языку? Если нет, то почему?
27. Если да, то как они к этому отнеслись и что из этого получилось?
28. Какая национальность у Ваших детей?
29. Какие, как Вам кажется, наиболее заметные отличия между литературным финским и Вашим языком? Можете ли привести пример?